Древняя и Новая Россія

ежемѣсячный,
историческій, иллюстрированный
сборникъ
№ 5-й
С. Петербургъ
1875

По рис. Адамова.

Хромолитографія В. Праціанскаго Невск. просп. рядомъ съ Пассажемъ д. № 46

СОДЕРЖАНІЕ.

ТЕКСТЪ.

стр.

I. **Чума въ Москвѣ 1771 года.** Гл. I и II. *Д. Л. Мордовцева* . . . . . 6.
II. **Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.** Критико-біографическій очеркъ. Проф. *В. С. Иконникова.* 20.
III. **В. Н. Татищевъ,** администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. IX. Проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина* . . . . . 33.
IV. **Ссылка прусскаго почтъ-директора Вагнера въ Сибирь.** 1759—1763 г. *Е. К. Петровскаго.* 48.
V. **Остатки засѣчно-сторожевой линіи въ предѣлахъ Воронежской губерніи.** *В. Н. Майнова..* 59.
VI. **Херсонесскій монастырь.** *П. К. Мартьянова.* . . . . . 78.
VII. **Критика и библіографія:** Два новыя изслѣдованія по начальной русской исторіи. (гг. Васильевскаго и Миллера). Проф. *Д. И. Иловайскаго.*—II. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники. (1741—1807). А. Г. Брикнера. М. 1874 *Б. Гнв.*—III. Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи. (Матерьялы для исторіи русскаго горнаго промысла). Соч. М. Д. Хмырова, исправленное и дополненное К. А. Скальковскимъ. СПБ. 1875. . . . . 84.
VIII. **Анекдотъ объ Аракчеевѣ** . . . . . 99.

РИСУНКИ.

I. **П. Д. Еропкинъ** . . . . . 5.
II. **Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.** (Хромолитографія) . . . . . 24.
III. **Карта Воронежской губерніи.** . . . . . 72.
IV. **Фасадъ и планъ собора св. Владиміра въ Ярославскомъ монастырѣ** . . . . . 80.
V. **Херсонесскій монастырь** . . . . . 82.

П д. Ин-т им. Герцена
Журнальный
фонд
50410

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ.

ТОМЪ II.

1875.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 30 Апрѣля 1875 года.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ

1875

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ИСТОРИЧЕСКІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ

П. Д. Еропкинъ.

По фотографіи г. Лушева, съ портрета находившагося на исторической выставкѣ 1870 г. (№ 467)
Рис. П. Борель. Рѣз. на дер. А. Шлиперъ.

ЧУМА ВЪ МОСКВѢ 1771 ГОДА *).

I.

Упоминанія лѣтописцевъ о моровыхъ повѣтріяхъ въ древней Руси.—Моръ при Алексѣѣ Михайловичѣ.—Войны.—Ближайшія причины моровыхъ повѣтрій. — Появленіе чумы, въ 1769 г., въ русской арміи, воевавшей съ Турціею. — Перенесеніе чумы отрядомъ генерала фонъ-Штофельна въ Бессарабію. — Устройство заставъ на русскихъ границахъ.— Переходъ чумы черезъ заставы въ Васильковъ и Кіевъ. — Охраненіе Москвы и Петербурга. — Чума показывается въ Москвѣ. — Кѣмъ перенесена она въ этотъ городъ. — Докторъ Шафонскій и его напрасныя предостереженія. — Манифестъ о чумѣ. — Устройство карантинной цѣпи. — Невѣжество докторовъ-нѣмцевъ Риндера и др. — Одна изъ причинъ усиленія заразы въ Москвѣ.

Пожары, голода, войны и моровыя повѣтрія — вотъ тѣ народныя бѣдствія, которыя едва ли не каждогодно посѣщали русскую землю съ тѣхъ поръ, какъ, на основаніи лѣтописныхъ сказаній, мы можемъ слѣдить за ея труднымъ историческихъ ростомъ. Пожары, голода, войны и моровыя повѣтрія — это и былъ тотъ именно историческій матеріалъ, который, вмѣстѣ съ описаніями знаменій, небесныхъ явленій, чудесъ, построенія церквей и подобныхъ выдающихся общественныхъ явленій, легъ, главнымъ образомъ, въ основу русской лѣтописи, а слѣдовательно и русской исторіи. Другихъ общественныхъ явленій лѣтописецъ касается вскользь, мимоходомъ, а все свое благочестивое вниманіе сосредоточиваетъ на занесеніи въ хронографы того, что наиболѣе поражаетъ общественную мысль: «погорѣ» такой-то градъ; «бысть дороготь люта и гладъ по всей земли»; «бысть моръ на людехъ»; «бысть розратье», «сѣча великая» — вотъ тѣ четыре явленія, которыя какъ-бы чередуются между собою во всемъ нашемъ историческомъ прошломъ, составляя канву нашей исторической жизни, и къ нимъ уже всѣ остальныя явленія и событія пріурочиваются лишь и рисуются лѣтописцемъ какъ мелкіе узоры на ткани. Всѣ небесныя явленія и знаменія заносятся въ лѣтопись потому только, что они предвѣщаютъ либо моръ, либо гладъ, либо огнь, либо кровопролитье великое.

Въ лѣтописяхъ мы читаемъ не рѣдко поразительныя до ужаса изображенія моровыхъ повѣтрій въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ, Псковъ, Москва: умершихъ хоронить некому, собаки таскаютъ по улицамъ трупы людей, на скудельницахъ выкапываются огромныя ямы и заваливаются тѣлами пораженныхъ моромъ, мужья отдаютъ женъ въ рабство изъ-за страха смерти въ зараженномъ городѣ. И лѣтописецъ не вѣдаетъ, откуда все это: у него на все одно объясненіе — «грѣхъ ради нашихъ». Да оно и въ самомъ дѣлѣ такъ: всѣ посѣщающія насъ бѣдствія посѣщаютъ насъ именно «грѣхъ ради нашихъ».

---

*) При составленіи настоящаго очерка автору, главнымъ образомъ, служили пособіемъ: 1) Полное Собраніе Законовъ. XIX. — 2) Описаніе моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ, съ приложеніемъ всѣхъ для прекращенія оной тогда установленныхъ учрежденій. По высочайшему повелѣнію напечатано въ Москвѣ 1775 г. — 3) Жизнь преосвященнаго Амвросія, архіепископа московскаго и калужскаго, убіеннаго въ 1771 году. Москва. 1813 (Д. Бантыша-Каменскаго).—4) Исторія повальныхъ болѣзней. Гезера. Спб. 1867 г. 2 ч. — 5) Описаніе московскаго бунта сентября 15 дня, прот. П. Алексѣева. («Русск. Арх.» 1863). — 6) Матеріалы для исторіи чумы въ Москвѣ и убіеніе архіепископа Амвросія 1771 г. И. Куприянова. («Русск. Слово». 1860. II). — 7) Москва въ 1771 г. А. Саблукова («Русск. Арх.» 1860). — 8) Наказъ Екатерины кн. Волконскому («Арх.» 1860) и др.

Одно изъ послѣднихъ страшныхъ моровыхъ повѣтрій записано лѣтописцами подъ 1651—1654 годами.

Сохранилось драгоцѣнное донесеніе къ царю Алексѣю Михайловичу боярина князя Пронскаго, извѣщавшаго царя, который былъ въ то время съ войскомъ въ Смоленскѣ, о постигшемъ Москву моровомъ повѣтріи:

«Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцу, холопи твои, Мишка Пронской съ товарищи, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, во 162 году, въ іюлѣ и августѣ, въ разныхъ числахъ писали къ тебѣ, государю, мы, холопи твои, что грѣхъ ради нашихъ на Москвѣ и слободахъ помираютъ многіе люди скорою смертію, и въ домишкахъ нашихъ тожъ учинилось: мы, холопи твои, покинувъ домишки свои, живемъ во градѣ, и въ нынѣшнемъ во 163 году, послѣ Симонова дни, моровое повѣтріе умножилось, день отъ дня больше прибывать учало, и на Москвѣ, государь, и въ слободахъ православныхъ христіанъ малая часть осталась, а стрѣльцовъ, государь, отъ шести приказовъ ни единъ приказъ не остался, и изъ тѣхъ достальныхъ многіе лежатъ больны, а иные разбѣжались, и на караулъ, государь, отнюдь быть некому; а головъ, государь, стрѣлецкихъ, Богдана Каковинскаго да и Якова Горопкина, не осталось же, и сотники стрѣльцы многіе померли. А церкви, государь, соборныя и приходскія мало не всѣ стоятъ безъ пѣнія, только, государь, въ большомъ соборѣ по сіе число служба повседневная, и то съ большою нуждою. Въ остаткѣ живыхъ только протопопъ да два священника, Феропонтъ, да Порфирій, старой дьяконъ Василій, а у приходскихъ, государь, церквей священниковъ осталось малая же часть, и изъ тѣхъ многіе жъ больны, а иные порозошлись, и православные христіане помираютъ безъ отцовъ духовныхъ, и погребаютъ безъ священниковъ, и мертвыхъ тѣлеса въ городѣ и за городомъ лежатъ, псы волочили, а въ убогіе домы возить мертвыхъ и ямъ копать некому: ярыжные земскіе извощики, которые въ убогихъ домѣхъ ямы копали и мертвыхъ возили, и отъ того сами померли. И достальные, государь, всякихъ чиновъ люди такое Божіе посѣщеніе ужаснулись, и затѣмъ къ мертвымъ приступать опасаются. А приказы, государь, всѣ заперты: дьяки и подъячіе всѣ померли, и домишки наши, государь, пусты учинились, людишки померли мало не всѣ, а мы, холопи твои, тоже ожидаемъ себѣ смертнаго посѣщенія съ часу на часъ, и безъ твоего государева указу по перемѣнамъ съ Москвы въ подмосковныя деревнишки, ради тяжелова духа, чтобъ всѣмъ вдругъ не помереть, съѣжжать не смѣемъ, и тѣмъ, государь, вели намъ холопемъ своимъ свой государевъ указъ учинить». Далѣе говорится, что когда зимой, «въ возвратъ солнца», кончилось моровое повѣтріе, патріархъ Никонъ «повелѣлъ всѣхъ псовъ, кои не на цѣпи были, побить, ибо ядоша тѣлеса мертвыхъ человѣкъ».

Черезъ 119 лѣтъ, Москву вновь посѣтило такое же моровое повѣтріе, въ 1770—1771 году, во время турецкой войны.

Не удивительно, что лѣтописецъ всегда почти связываетъ между собою такія явленія, какъ моръ, войны, голодъ и пожаръ: въ 1651—1652 году была у царя Алексѣя Михайловича война съ поляками изъ-за обладанія Смоленскомъ; въ 1770 году была война съ турками, и война эта дѣйствительно была причиною морового повѣтрія, потому что чума занесена была въ Россію войсками, сражавшимися противъ турокъ.

«Когда въ послѣднюю съ Россіею и Оттоманскою Портою войну россійскія войска, нося побѣды, въ разныхъ областяхъ турецкихъ низвергали непріятелей, производя во всѣхъ мѣстахъ поиски, и разрушали крѣпости ихъ: то не можно было побѣдоносцамъ избѣжать къ побѣждаемымъ прикосновенія взятіемъ ихъ въ полонъ и истребленіемъ ихъ имѣній. Въ такихъ случаяхъ никакая осторожность, никакое полководцовъ смотрѣніе не могло успѣть, чтобы кроющійся въ доставшихся вещахъ ядъ не могъ, какъ въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ войскахъ, такъ и въ жителяхъ волоскихъ и молдавскихъ распространиться».

Такъ говоритъ «Описаніе моровой язвы»,

изданное въ Москвѣ, по высочайшему повелѣнію, въ 1775 году.

Дѣйствительно, первые случаи заболѣванія и смерти отъ чумы, въ 1769 году, проявились въ этой части русскихъ войскъ, которая была подъ начальствомъ генералъ-поручика фонъ-Штофельна: эти войска первые сразились съ непріятелемъ у Галаца, и, разбивъ турокъ, по обычаямъ войны дѣлали надъ побѣжденными «поиски», т. е., захвативъ плѣнныхъ и все, что попадалось подъ-руку, врывались въ непріятельскую землю, чинили поиски по городамъ и селамъ, забирались въ дома и лачуги, не зная, что въ Турціи давно свирѣпствуетъ чума, эта азіятская гостья, часто навѣщавшая свою европейскую сосѣдку, Оттоманскую Порту.

Когда, затѣмъ, «по окончаніи побѣдоносныхъ надъ непріятелями поисковъ», русскія войска вступили въ Яссы, а послѣ въ Бухарестъ, то чума не только стала уже поражать тѣхъ, кои были въ Турціи, но и прочія войска, а затѣмъ распространилась въ самомъ населеніи этихъ городовъ. Самъ фонъ-Штофельнъ погибъ жертвою этой болѣзни въ маѣ 1770 года, въ Яссахъ. Эта же весна застаетъ чуму уже и въ Фокшанахъ, и въ Хотинѣ, и въ другихъ мѣстностяхъ Валахіи и Молдавіи, а оттуда, вмѣстѣ съ лѣтними жарами и передвиженіемъ войскъ, торговыхъ людей, вмѣстѣ съ привозимыми товарами изъ чумныхъ мѣстъ, зараза перебирается въ Подолію и въ польскую Украйну. Русскія границы не останавливаютъ ее, не смотря на учрежденіе заставы въ Васильковѣ.

Въ августѣ зараза перебирается уже черезъ русскую границу: въ Васильковѣ — моръ, въ Кіевѣ, на Подолѣ—также моръ. Никакія заставы не въ силахъ остановить страшный ядъ, который переносится изъ мѣста въ мѣсто то въ видѣ полученныхъ въ чумномъ городѣ денегъ, то съ зачумленнымъ платьемъ, то въ письмѣ, въ подорожной, наконецъ переносится даже домашними животными: въ Кіевѣ зараза занесена въ одинъ домъ кошкою — зараженный домъ вымираетъ весь, а кошка остается живою одна во всемъ вымороченомъ домѣ. Хотя для прекращенія моровой язвы въ Кіевъ и присланъ былъ петербургскій штатъ-физикъ, докторъ Лерхе, который, по высочайшему именному повелѣнію, посылаемъ былъ съ этою же цѣлью и въ обѣ наши арміи, однако болѣзнь совершила въ этомъ городѣ свое опустошительное дѣло и, перекинувшись въ Черниговъ, Переяславъ, Козелецъ и Нѣжинъ, а потомъ, захвативъ великорусскіе города Сѣвскъ и Брянскъ, именно все то, что лежало на проѣзжемъ трактѣ съ юга Россіи на сѣверъ, закончила свой опустошительный циклъ только лѣтомъ слѣдующаго 1771 года. Особенно упорно болѣзнь держалась въ Нѣжинѣ, гдѣ она свирѣпствовала по ноябрь 1771 года, и, — какъ выражается официальный документъ того времени, — «знатное въ людяхъ причинила пораженіе».

Надо было, во что бы то ни стало, не допустить заразы до Москвы и Петербурга. Съ этою цѣлью вся Московская губернія съ юга оцѣплена была заставами—около Боровска, Серпухова, Калуги, Алексина, Каширы, Коломны. На заставы посланы были лейбъ-гвардіи офицеры: Булгаковъ, Свѣчинъ, Ергольской, Сенденгорстъ, Толстой, Хомутовъ. Съ ними командированы врачи: Штелинъ, Бергманъ, Валеріанъ, Коризна, Никитинъ и Смирновъ. Обязанность заставныхъ начальниковъ состояла въ томъ, чтобы пресѣчь всякое сообщеніе съ югомъ, всѣхъ проѣзжающихъ изъ Малороссіи или изъ арміи подвергать карантинному очищенію, не пропускать идущихъ оттуда писемъ, а омочивъ ихъ въ уксусъ и окуривъ черезъ огонь, списывать съ нихъ копіи, подлинники же сожигать; въ домахъ обывателей велѣть всякое утро на раскаленный кирпичъ лить уксусъ; самыя заставы окопать рвами, поддерживать около нихъ огни и «куриво»; письма передавать черезъ заставную линію на длинныхъ шестахъ черезъ огонь или пускать изъ лука на стрѣлахъ; гдѣ окажутся больные, тамъ дворы и пожитки жечь и вѣсти о появленіи болѣзни давать въ другія мѣста посредствомъ сигнальныхъ огней, какъ это водилось въ старой Руси во время нападеній на русскія земли крымскихъ татаръ и другихъ хищниковъ.

Но не легко было остановить новаго, неви-

лимаго хищника: онъ былъ опаснѣе крымца, опаснѣе половца. Въ ноябрѣ уже присутствіе его оказалось въ Москвѣ, только никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы это была чума. Въ декабрѣ болѣзнь появилась уже въ московскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, что на Введенскихъ горахъ, и первыми жертвами ея были госпитальные служители. Старшій врачъ этого госпиталя, генеральный штабъ-докторъ Шафонскій, замѣтивъ, что упомянутые служители имѣли особые какіе-то, отмѣнные знаки на тѣлѣ, такіе, какихъ никто изъ находившихся въ госпиталѣ нѣсколькихъ сотъ солдатъ не имѣлъ; что служители эти, живя въ одномъ покоѣ, были всѣ до той поры здоровы, а тутъ стали занемогать одинъ за другимъ и вскорѣ одинъ послѣ другаго умирать; сообразивъ, наконецъ, что съ арміей и съ Малороссіей все-таки Москва имѣла сношенія, не смотря на всѣ предосторожности, — сообщилъ свои наблюденія московскому штатъ-физику и члену медицинской конторы Риндеру; но когда тотъ, осмотрѣвъ два раза указанныхъ ему Шафонскимъ больныхъ и мертвыхъ, не сдѣлалъ никакого распоряженія, а между тѣмъ число больныхъ и умирающихъ въ томъ же покоѣ стало увеличиваться, — Шафонскій письменно донесъ о своихъ наблюденіяхъ государственной и медицинской коллегіи, прося ее предписать находящимся въ Москвѣ докторамъ осмотрѣть въ завѣдываемомъ имъ госпиталѣ всѣхъ больныхъ, которые «оказались въ сумнительствѣ къ заразительной болѣзни».

Голосъ Шафонскаго — это былъ первый голосъ, предостерегавшій Москву отъ грозившей ей опасности, и если бы лѣнь и упрямство, а также невѣжество, другихъ докторовъ не заглушили этого голоса, то Москва безъ сомнѣнія была бы спасена.

Сначала врачи и согласились было съ мнѣніемъ Шафонскаго; въ общемъ собраніи, 22 декабря, совѣтъ медиковъ, состоявшій изъ докторовъ: Эрасмуса, Шкіадана, Кульмана, Мертенса, фонъ-Аша, Веніаминова, Зибелина и Ягельскаго, единогласно утвердилъ постановленіе, что опая болѣзнь «должна почитаться за моровую язву» и потому сообщеніе госпиталя съ городомъ должно быть пресѣчено; вслѣдствіе чего, дѣйствительно, по приказанію московскаго главнокомандующаго, генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, госпиталь со всѣми находившимися въ немъ людьми, которыхъ было болѣе тысячи человѣкъ, въ тотъ же день былъ оцѣпленъ военнымъ карауломъ и въ этой цѣпи вмѣстѣ съ своимъ заведеніемъ былъ запертъ и Шафонскій; — однако невѣжество впослѣдствіи одержало верхъ и чума свободно начала помѣчать въ Москвѣ свои жертвы.

При всемъ томъ въ Петербургъ донесено было, что дѣлается въ Москвѣ.

Тамъ серьезнѣе взглянули на это дѣло. Какъразъ наканунѣ новаго 1771 года Екатерина издала манифестъ о грозящей Россіи опасности. Но въ манифестѣ она ни однимъ словомъ не упомянула о Москвѣ — казалось еще преждевременнымъ пугать населеніе призракомъ страшной чумы, когда она была уже не призракомъ, а существующимъ фактомъ. Напротивъ, въ манифестѣ говорится только о принятіи предосторожностей.

«Война — гласитъ манифестъ — толь не праведно и вѣроломно со стороны Порты Оттоманской постороннею завистію, коварствомъ и происками противъ имперіи нашей вожженная, коея конецъ да увѣнчаетъ скорымъ, прочнымъ и славнымъ миромъ десница Всевышняго, толь явно оружію нашему донынѣ поборствующая, влечетъ за собою, по свойственному туркамъ звѣрскому и закоренѣлому о собственной своей цѣлости небреженію, опасность заразительной моровой язвы, въ разсужденіе сосѣдственныхъ областей и тѣхъ гражданъ, кои по долгу званія своего и изъ любви къ отечеству ополчаются противу ихъ въ военномъ подвигѣ».

Далѣе говорится, что болѣзнь начала-было уже прорываться и черезъ русскія границы; но что ходъ ея перерывали на всѣхъ пунктахъ, гдѣ она ни появлялась: «ибо — продолжаетъ манифестъ — по тому матернему попеченію о покоѣ, тишинѣ, благоденствіи и безопасности нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые мы съ самаго начала государствованія нашего положили за главное и непремѣнное правило всѣхъ нашихъ

дѣяній, не оставили мы распорядить благовременно чрезъ правительства наши всѣ нужныя и въ человѣческомъ предусмотрѣніи возможныя мѣры и осторожности вдоль всѣхъ нашихъ границъ, отъ Малороссіи до Лифляндіи, къ совершенному и надежному ихъ огражденію. Мы съ несумнѣнною вѣрою ожидаемъ затѣмъ отъ благости всещедраго Бога, что сіи наши учрежденія учинятъ достаточными и отвратятъ отъ нашего отечества бичъ гнѣва своего».

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица говоритъ въ своемъ манифестѣ, что, исполняя такимъ образомъ «долгъ царскаго и материняго престереженія, къ полному успокоенію вѣрныхъ подданныхъ, дабы каждый изъ опыхъ безпечно могъ оставаться при своемъ домостроительствѣ и промыслѣ», — она «взаимно требуетъ и желаетъ», чтобы и подданные съ своей стороны «восиособствовали ей въ томъ всѣми своими силами по долгу присяги». Вслѣдствіе этого повелѣвалось, чтобы никто изъ проѣзжающихъ со стороны Малороссіи не провозилъ тайно такихъ вещей, которыя не были подвергнуты карантинному осмотру, чтобы никто не проѣзжалъ мимо кордоновъ и заставъ, и что «въ противномъ случаѣ не только везомое при первой заставѣ и внутри имперіи огню предано, но и виноватый въ томъ за оскорбителя божіихъ и государственныхъ законовъ почтенъ и какъ таковый примѣрно наказанъ будетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ подданные успокоивались, что со стороны сената будутъ приняты мѣры и относительно того, чтобы на заставахъ и карантинахъ, подъ видомъ исполненія манифеста, отъ начальствующихъ «не могло произойти гдѣ злоупотребленія напрасныхъ прицѣпокъ и утѣсненія проѣзжающихъ».

«Въ прочемъ — такъ заканчиваетъ этотъ знаменитый манифестъ Екатерина, у которой всѣ обращенія къ подданнымъ отличались особой торжественностью, силой выраженія и блестящимъ по тому времени литературнымъ изложеніемъ—въ прочемъ, какъ все намѣреніе сего нашего повелѣнія идетъ единственно къ пользѣ и обезпеченію имперіи, то и увѣряемся мы, что никто изъ находящихся въ службѣ или для промысла своего при арміяхъ нашихъ и въ Польшѣ, не захочетъ изъ побужденія подлой корысти сдѣлаться предателемъ отечества, но что паче всѣ и каждый будутъ какъ истинные граждане усердно стараться и за другими, а наипаче за подчиненными своими подъ собственнымъ за нихъ отвѣтомъ строжайше наблюдать, дабы кто, и есть-ли не изъ лакомства, но меньшей мѣрѣ изъ простоты и невѣжества, преступникомъ, а сохрани отъ того Боже, и виновникомъ общаго заключенія учинится не могъ».

Съ своей стороны сенатъ публиковалъ на все государство, что слѣдующіе изъ Малороссіи съ товарами купцы могутъ проѣзжать черезъ лифляндскіе рубежи только по выдержаніи карантина, а ѣдущіе изъ зараженныхъ мѣстъ вовсе не будутъ пропускамы; если-же кто тайно покусится проѣхать проселочными дорогами, у того товаръ весь будетъ сожженъ; что тѣ изъ купцовъ, которые уже законтрактовали иностранные товары, должны тотчасъ-же писать своимъ корреспондентамъ, чтобъ они или задержали свои товары, или высылали ихъ черезъ порты; что товары, попавшіе въ карантины, должны каждодневно, при захожденіи солнца, провѣтриваться и окуриваться можжевельникомъ, а вмѣстѣ съ товарами—и самъ хозяинъ; чтобы всѣ обыватели доносили на тѣхъ, кто будетъ тайно провозить товары, за что доносителямъ будутъ выдаваться награды; что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чума уже показалась, деревенскіе обыватели не должны сообщаться съ горожанами, и наоборотъ, а что для продажи съѣстныхъ припасовъ должны быть учреждены особые рынки; на этихъ рынкахъ городскіе обыватели должны быть отдѣлены отъ сельскихъ двойною преградою, шириною въ восемь футовъ; между преградами стоитъ караулъ; но ни товаровъ, ни денегъ продающіе и покупающіе не должны брать «изъ рукъ въ руки»; когда-же сойдутся въ цѣнѣ, то продавецъ кладетъ товаръ на землю между преградами, а покупщикъ кладетъ деньги въ чанъ, наполненный водою или уксусомъ; животныя моются въ водѣ, а мясо проносится черезъ огонь; но отно-

шенію къ письмамъ, приходящимъ изъ зараженныхъ мѣстъ, должна быть принимаема особая предосторожность: лицо, опредѣленное для распечатыванія писемъ, надѣваетъ перчатки изъ вощанки, потомъ ножницами разрѣзываетъ пакеты, особыми маленькими щипцами раздираетъ ихъ, конверты сожигаетъ, а письма окуриваетъ въ густомъ дымѣ. Столъ, на которомъ производится эта операція, долженъ быть мраморный или деревянный безъ покрышки. Если въ письмахъ сыщется тетрадь, сшитая ниткою или связанная лентою, то нитку и ленту должно разрѣзать и сжечь. На шеѣ имѣть кожаный мѣшечекъ съ кускомъ камфары. Докторамъ прикасаться къ пульсу больныхъ не иначе какъ черезъ развернутый листъ табаку, и листъ этотъ бросать послѣ всякаго прикосновенія къ пульсу, и пр.

Мы считаемъ лишнимъ приводить другія указанія сената относительно принятія мѣръ предосторожностей отъ заразы. Полагаемъ, что и приведеннаго нами достаточно, чтобы видѣть, какое потрясающее впечатлѣніе должны были произвести на народъ манифестъ и указъ сената, изъ коихъ онъ узналъ, что страшный моръ, о которомъ ходили темные слухи, не сегодня-завтра начнетъ пожирать свои жертвы: каждый, конечно, думалъ, что одною изъ этихъ жертвъ будетъ и онъ.

Одинъ только упрямый Риндеръ, о которомъ мы упоминали выше, не хотѣлъ вѣрить существованію чумы.

Шесть недѣль однако сухопутный госпиталь вмѣстѣ съ докторомъ Шафонскимъ былъ оцѣпленъ карауломъ. Изъ 27 зараженныхъ за это время умерло 22, а 5 выздоровѣли. 1 марта 1771 года, по выдержаніи карантиннаго срока, госпиталь былъ открытъ вновь, а домъ, въ которомъ находились чумные, сожженъ.

Всѣмъ казалось, что Москва освободилась отъ чумы. Отъ того дома, гдѣ умерли «сумнительные» госпитальные служители, осталась только куча пепла. Правда, ходили слухи, будто страшная болѣзнь не унеслась вмѣстѣ съ дымомъ сожженнаго госпитальнаго дома, что она гдѣ-то есть и внѣ стѣнъ госпиталя, а гдѣ — никто не зналъ. Говорили, что раньше этого умерли двое плѣнныхъ турокъ, привезенные изъ Бендеръ; что умеръ также какой-то офицеръ, пріѣхавшій изъ арміи, и скрытно погребенъ, а пользовавшій его лекарь, прозекторъ главнаго госпиталя Евсеевскій, послѣдовалъ за своимъ паціентомъ въ третьи сутки. Но увѣреніе доктора Риндера, что чума въ Москвѣ невозможна по климату, всѣхъ успокоивало.

Однако «ласкательная сія безопасность весьма короткое время продолжалась», говоритъ современное свидѣтельство. 1-го марта, былъ сожженъ госпитальный домъ, а 9-го марта до свѣдѣнія полиціи дошло, что за Москвою-рѣкою, у Каменнаго моста, на большомъ суконномъ дворѣ, люди часто умираютъ и погребаются въ ночное время.

Узнавъ объ этомъ, полиція тотчасъ-же командировала на суконный дворъ доктора Ягельскаго — разслѣдовать обстоятельства дѣла. Ягельскій нашелъ, что съ 1-го января по 9-е марта изъ числа всѣхъ рабочихъ на суконномъ дворѣ умерло 130 человѣкъ, и что на умершихъ были черныя пятна, «бубоны» и карбункулы— несомнѣнный знакъ присутствія чумы. Фабричные увѣряли, что никогда, съ самаго начала заведенія, на суконномъ дворѣ не было такой смертности. При этомъ они сообщили, что болѣзнь на ихъ дворѣ началась съ той именно поры, какъ одинъ фабричный, на праздникъ Рождества, привезъ къ нимъ на фабрику одну больную женщину, которая до того времени жила у сторожа церкви Николы-въ-Кобыльскомъ, что у женщины этой были распухшія железы за ушами, и что по привозѣ на суконный дворъ она скоро умерла, а за нею вымерла и вся семья сторожа.

Ясно, что чума уже ходила по городу и хватала жертвы тамъ, гдѣ невѣдѣніе давало ей пріютъ.

Оказалось однако, что и тутъ докторъ Риндеръ былъ виновникомъ того, что ходъ чумы не былъ во время перехваченъ. Риндеръ осматривалъ этихъ фабричныхъ больныхъ, но чумы въ нихъ не нашелъ, а видѣлъ только одну гнилую горячку.

Между тѣмъ обнаружилось, что не только вымеръ весь домъ вышепомянутаго церковнаго сторожа, но также опустошенъ былъ и сосѣдній съ нимъ домъ просвирни.

Послѣ этого московскій главнокомандующій графъ Салтыковъ вновь созываетъ медицинскій совѣтъ. Медики, осмотрѣвъ больныхъ на суконномъ дворѣ, единогласно заключаютъ: «сія болѣзнь есть гніючая, прилипчивая и заразительна, и по нѣкоторымъ знакамъ и обстоятельствамъ очень близко подходитъ къ язвѣ»; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ докторами не было произнесено слово «чума»; не было даже упомянуто слово «моровая язва», какъ народъ называлъ чуму. При всемъ томъ совѣтъ докторовъ положилъ:—вывести съ фабричнаго двора всѣхъ больныхъ и здоровыхъ, а самый дворъ запереть, не выбирая изъ него никакого имущества и оставивъ всѣ окна раскрытыми; отдѣлить здоровыхъ отъ больныхъ; изслѣдовать не заразились-ли отъ нихъ и другіе фабричные, живущіе въ городѣ, а если такіе окажутся, то и ихъ вывести за городъ; умершихъ этою болѣзнью погребать также за городомъ, въ глубокихъ могилахъ, а не около церквей, и тѣла зарывать съ платьемъ.

Больные тотчасъ же вывезены были въ монастырь Николы-на-Угрѣши.

Но было уже поздно. Въ то время когда фабричныхъ вывозили изъ суконнаго двора, чтобы помѣстить отдѣльно отъ городскаго населенія и прервать всякое сношеніе ихъ съ горожанами, многіе фабричные разбѣжались по городу. Они-то преимущественно и разнесли чуму по всѣмъ концамъ. И дѣйствительно, 16-го марта, на Пречистенкѣ, на улицѣ, найдено было мертвое тѣло одного купца. Оказалось, что купецъ жилъ въ одномъ домѣ съ фабричнымъ изъ суконнаго двора. Какъ купецъ, такъ и фабричный оба заболѣли «перевалкою», какъ тогда называлъ народъ горячку, и вскорѣ оба померли.

Ничего другого не оставалось для властей, какъ розыскивать всѣхъ фабричныхъ по городу и вывозить за городъ. Но розыскивать бѣглыхъ по Москвѣ, ловить ихъ по безчисленнымъ закоулкамъ и въ никому невѣдомыхъ вертепахъ—это все равно, что ловить каторжника въ муромскихъ лѣсахъ, или—по мѣткому народному выраженію—ловить вѣтеръ въ полѣ.

Москвѣ грозила гибель неизбѣжная. Власти это видѣли, хотя не пришли еще къ сознанію своего безсилія, потому что не знали пока всей силы опасности, въ которой находился городъ. По распоряженію сената отъ полиціи объявлено было жителямъ, чтобы о каждомъ заболѣвающемъ и умирающемъ въ городѣ немедленно сообщаемо было на съѣзжій дворъ: этимъ способомъ предполагали слѣдить за ходомъ и состояніемъ эпидеміи, потому что, записывая дни начала и исхода болѣзни, думали добывать этимъ путемъ свѣдѣнія о томъ, кто умеръ отъ чумы. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ московскихъ докторовъ составился постоянный совѣтъ, который и долженъ былъ, изучая ходъ эпидеміи, обо всемъ доносить сенату для принятія надлежащихъ мѣръ. Въ этотъ совѣтъ вошли доктора: Эрасмусъ, Шафонскій, Ягельскій, Мертенсъ, Веніаминовъ, Зибелинъ, Шкіаданъ, баронъ фонъ-Ашъ, Кульманъ, Погорецкій и Ладо. Первымъ дѣломъ медицинскаго совѣта было вывести изъ города всѣхъ фабричныхъ, которыхъ, кромѣ переведенныхъ уже за городъ съ суконнаго двора 730 человѣкъ, осталось еще 1770.

Эпидемія между тѣмъ обнаруживала все болѣе и болѣе грозные признаки. Совѣтъ докторовъ вынужденъ былъ наконецъ произнести рѣшительное слово, которое онъ боялся произнести, и это слово произнесено было только 26 марта, по категорическому настоянію графа Салтыкова—«назвать точнымъ именемъ оказавшуюся на большомъ суконномъ дворѣ болѣзнь». Совѣтъ такъ формулировалъ свое рѣшительное мнѣніе объ этомъ предметѣ: «медицинскій совѣтъ ничего къ прекращенію болѣзни не упустилъ, кромѣ общенароднаго имени, а какъ нынѣ оное отъ совѣта точно требуется, то инако оной болѣзни не называетъ, какъ моровою язвою».

Всѣ доктора подписали это мнѣніе, исключая Кульмана и Скіадана. Первый въ пространномъ, поданномъ отъ себя особомъ мнѣніи старался доказать, почему онъ оказавшуюся въ

Москвѣ болѣзнь не рѣшается назвать «моровою язвою»: ему все казалось, что это только прилипчивая горячка, и при этомъ онъ замѣчаетъ, что прилипчивость горячки легко могла произойти между фабричными «при чрезвычайно худомъ сихъ людей содержаніи въ пищи, особливо при ужасно нечистомъ ихъ образѣ жизни, гдѣ вонь ихъ жилищъ почти несмысленнымъ скотамъ несносна была» (въ подлинникѣ: «da der Gestank in ihren wohnungen kaum einem unfernünftigen Thire erträglich gewesen seyn soll»). Скіаданъ также не хочетъ произнести слова—«моровая язва», и также подаетъ особое мнѣніе. Не смотря на то, что въ это время въ Москву прибылъ отъ арміи изъ Хотина штабъ-лекарь Граве и вмѣстѣ съ проѣзжавшимъ изъ Яссъ докторомъ Ореусомъ удостовѣрялъ, что въ Москвѣ такая же чума, какая тогда свирѣпствовала въ Молдавіи и Польшѣ, Кульманъ и Скіаданъ стояли на своемъ: въ Москвѣ нѣтъ чумы, а только «перевалка»!

«Сіе противное ихъ и прочихъ штабъ-лекарей и лекарей разглашеніе въ жителяхъ причинило такое невѣріе, что большая часть не старалась быть осторожнымъ; а господина доктора Кульмана въ томъ такъ далеко простиралось стараніе, что онъ не только въ одной Москвѣ, но и въ самомъ Петербургѣ письмами многихъ знатныхъ людей старался въ своемъ вредномъ и непохвальномъ мнѣніи увѣрить», говоритъ вышеупомянутое «описаніе моровой язвы».

Эти споры изъ-за названія дѣйствительно были, до нѣкоторой степени, причиною того, что Москва легко сдѣлалась жертвою жесточайшей чумы, существованію которой жители долго не вѣрили. Подобныя грустныя явленія мы часто видимъ въ исторіи. Такъ напр., во время нападенія Пугачова на Саратовъ, городъ этотъ погибъ изъ-за того, что Державинъ занимался литературно-канцелярской полемикой съ комендантомъ Бошнякомъ, а Лодыженскій доказывалъ Бошняку, что онъ, Лодыженскій, статскій совѣтникъ, старше его, Бошняка, полковника, и долженъ, по чину, защищать городъ; а когда дѣло дошло до защиты, то статскій совѣтникъ бѣжалъ раньше всѣхъ коллежскихъ регистраторовъ.

Споры и пререканія сдѣлали то, что больше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ чума уже разбросала свой губительный ядъ по всей Москвѣ, вздумали запечатать торговыя бани, гдѣ за это время успѣла заразиться едва ли не вся масса московскаго рабочаго населенія. Спасеніе для Москвы было невозможно. Страшная болѣзнь должна была пройти всѣ перифериіи и только тогда закончить свой естественный циклъ, когда смерть сдѣлаетъ свое дѣло и эпидемія, какъ это вездѣ бываетъ съ нею, сама собой издохнетъ отъ недостатка жертвъ.

II.

Генералъ-поручикъ Еропкинъ и его дѣятельность въ чумное время.—Раздѣленіе Москвы на 14 участковъ.—Запрещеніе хоронить въ городѣ при церквахъ.—Оцѣпленіе Москвы карантиномъ.—Устройство карантинной цѣпи для охраненія Петербурга.—Недовѣрье народа къ властямъ.—Утайка больныхъ и тайное зарываніе умершихъ въ городѣ.—Усиленіе эпидеміи съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ.—Безсиліе полиціи.—Назначеніе въ помощь полиціи «мортусовъ» изъ каторжниковъ.—Перенесеніе чумы изъ Москвы въ село Пущино посредствомъ зараженнаго кокошника.—Присылка изъ Петербурга штатъ-физика Лерхе.—Обращеніе Екатерины къ жителямъ Москвы.—Народъ начинаетъ волноваться.

Но правительство все еще надѣялось спасти Москву.

25-го марта, императрица прислала изъ Петербурга нарочнаго съ именными повелѣніями къ графу Салтыкову и къ генералъ-поручику Еропкину: Екатерина вручала Москву непосредственному завѣдыванію Еропкина, но только «подъ главнымъ надзираніемъ» графа Салтыкова. Имъ повелѣвалось принять энергическія мѣры для спасенія древней столицы—«всѣ предосторожности и попеченія о сохраненіи столичнаго города Москвы гораздо усугубить».

31-го марта, Еропкинъ принялъ Москву въ свое завѣдываніе. Первымъ его дѣломъ было назначить ко всѣмъ четырнадцати частямъ города особыхъ смотрителей, взятыхъ изъ раз-

ныхъ коллегій и канцелярій. Въ ихъ распоряженіе отдавались полицейскіе офицеры каждой части и, кромѣ того, къ каждой части командировался особый докторъ. Лично при Еропкинѣ находился сверхъ того князь Макуловъ, который «принялъ добровольно безъ всякаго жалованья, изъ усердія къ отечеству, трудъ доставлять и снабдѣвать всѣмъ потребнымъ больницы и охранительные домы и имѣть особливое надъ всѣми военными командами смотрѣніе». На обязанность частныхъ смотрителей возложено было—объявить чрезъ полицейскихъ служителей всѣмъ жителямъ Москвы, чтобы они тотчасъ же давали знать на съѣзжій дворъ о всякомъ заболѣвшемъ въ ихъ домѣ, кто бы онъ ни былъ, а особенно о тѣхъ, кои заболѣваютъ внезапно или же внезапно умираютъ. Смотритель, получивъ такое свѣдѣніе, долженъ немедленно отправляться въ показанный домъ съ частнымъ докторомъ, и, если по осмотру больной окажется чумнымъ, то о немъ тотчасъ же доносить Еропкину. Еропкинъ немедленно отправлятъ затѣмъ въ показанный домъ кого-либо изъ состоящихъ при немъ докторовъ—Ягельскаго или Граве, и если показаніе частнаго доктора подтвердится (какая длинная процедура!), то всѣ живущіе съ больнымъ въ одномъ домѣ немедленно высылаются въ особый покой, а больной вмѣстѣ съ своимъ платьемъ и со всѣмъ что «около него въ употребленіи было», тотчасъ же отправляется въ Угрѣшскій монастырь съ опредѣленными для того полицейскими служителями, одѣтыми въ вощаное платье; около дома ставится караулъ, который никого не пускаетъ со двора, а комната, гдѣ находился больной, окуривается можжевельникомъ.

Но народъ, всегда въ подобныхъ случаяхъ показывающій недовѣріе къ властямъ и въ особенности къ докторамъ, постарался и въ данномъ случаѣ избѣгать всякихъ сношеній съ властями и докторами, и по возможности обходить законъ.

Внезапною и сомнительною смертью считалась такая, когда больной умиралъ раньше четырехъ дней; если же болѣзнь продолжалась долѣе и мѣстный священникъ давалъ удостовѣреніе, что онъ напутствовалъ умершаго, то такого не осматривали. Въ виду этого московскіе обыватели не только не объявляли на съѣзжихъ дворахъ о своихъ больныхъ, но и о внезапно умершихъ говорили, что они хворали долго. Избавляя такимъ образомъ свои дома отъ карауловъ, а себя отъ карантина и соединеннаго съ нимъ разстройства въ хозяйствѣ,—москвичи, что называется, настежъ растворяли въ свои дома двери и окна для чумы.

До 1771 года Москва большею частью хоронила своихъ мертвецовъ въ городѣ, около церквей, какъ это заведено было изстари. Понятно, что такой обычай немогъ быть терпимъ долѣе, особенно же въ чумное время и притомъ въ такомъ многолюдномъ и нечистомъ городѣ какъ Москва, и потому Екатерина именнымъ указомъ повелѣла графу Салтыкову назначить внѣ города особыя кладбища, а внутри города мертвыхъ не хоронить. По сношенію съ московскимъ архіепископомъ, Салтыковъ опредѣлилъ для кладбищъ десять загородныхъ церквей, росписавъ по нимъ весь городъ, а для погребенія «благородныхъ и чиновныхъ людей» назначены были три загородныхъ монастыря —Новодѣвичій, Спасоандроніевскій и Донской.

Когда Москва такимъ образомъ уже окончательно признана была чумнымъ городомъ, то нужно было подумать уже о спасеніи остальной Россіи. Москва всегда считалась сердцемъ русской земли. Дѣйствительно, населеніе и продукты производства всей русской земли притекали къ Москвѣ какъ кровь къ сердцу, равно населеніе и продукты производства самой Москвы расходились, подобно крови отъ сердца, по всему организму государства. Оставалось одно средство — запереть Москву, изолировать ее отъ всей остальной Россіи. Но какъ это сдѣлать? Ни войскъ для охраны, ни средствъ для пропитанія Москвы конечно не доставало бы, если бъ и признано было полезнымъ всю Москву превратить на-время въ громадный карантинъ. Москва должна была кормиться отъ сосѣднихъ производительныхъ мѣстностей, и потому окончательно запереть Москву было невозможно. Тогда рѣшено было запереть ее толь-

ко отчасти: изъ 18 главныхъ заставъ, которыми обыкновенно въѣзжаютъ въ Москву и выѣзжаютъ изъ нея, оставлены свободными для проѣзда только семь — калужская, серпуховская, рогожская, преображенская, троицкая, тверская и дорогомиловская, а остальныя одиннадцать — симоновская, спасская, покровская, проломъ, гофъ-интендантская, лефортовская, семеновская, сокольницкая, мюсская, прѣснинская и лужнецкая—заперты. Кромѣ того, сверхъ учрежденныхъ уже отъ украинской стороны карантинныхъ заставъ въ Боровскѣ, Серпуховѣ, Калугѣ, Алексинѣ, Каширѣ и Коломнѣ, проведена была вокругъ Москвы цѣлая цѣпь новыхъ заставъ, но уже не для того чтобы останавливать тѣхъ, кои ѣхали въ Москву, а тѣхъ, напротивъ, кои изъ Москвы выѣзжали:—разсадникомъ моровой язвы для Россіи становилась Москва и отъ нея слѣдовало прикрыть всю остальную Россію. Такимъ образомъ, новыя заставы были учреждены — въ с. Всесвятскомъ, въ д. Лихоборахъ, въ сс. Ростокинѣ и Алексѣевскомъ, въ д. Щитниковой, въ с. Ивановскомъ, въ д. Вязовкѣ, въ Котлахъ, въ сельцѣ Семеновскомъ, въ Никольскомъ, въ д. Мазыловой, въ с. Хорошовѣ и въ Тушинѣ.

Но всего болѣе, конечно, боялись за Петербургъ. Для того, чтобъ страшная язва «не могла и въ самый городъ Санктпетербургъ вкрасться», именнымъ указомъ отъ 31 марта велѣно было Еропкину не пропускать никого изъ Москвы не только прямо къ Петербургу, но и въ мѣстности, лежащія по пути къ сѣверной столицѣ, безъ особаго письменнаго удостовѣренія, въ которомъ бы точно опредѣлено было, что такіе отъѣзжающіе изъ Москвы слѣдуютъ «изъ здоровыхъ и неприкосновенныхъ заразительной болѣзни» домовъ, равно и товары или вещи съ ними отправляемые — свободны отъ заразы. Кромѣ этихъ удостовѣреній, каждый отъѣзжающій долженъ былъ подвергаться свидѣтельствованію со стороны докторовъ Граве или Ягельскаго. Наконецъ, всѣмъ проѣзжающимъ черезъ Москву въ Петербургъ запрещено было проѣзжать черезъ московскія заставы, а велѣно было слѣдовать мимо города, особыми дорогами, равно и почтовыхъ лошадей запрещено было перемѣнять въ Москвѣ, для чего и почтовыя станціи назначены были за московскими заставами. Мало того, отъ Петербурга протянута была особая сторожевая цѣпь, подъ начальствомъ генералъ-поручика графа Брюса. Цѣпь эта стягивалась къ тремъ центральнымъ заставамъ: въ Твери — подъ начальствомъ гвардіи капитанъ-поручика Афросимова, въ Вышнемъ Волочкѣ — гвардіи капитанъ-поручика Меркулова и въ Бронницахъ—гвардіи капитанъ-поручика Ушакова. Наконецъ, поставлены заставы, все для того же огражденія Петербурга, по дорогамъ старорусской, тихвинской, по старой и новой новгородской и по смоленской.

Но чѣмъ энергичнѣе и настоятельнѣе принимало мѣры въ данномъ случаѣ правительство, тѣмъ съ большимъ недовѣріемъ относился къ нимъ народъ. О больныхъ совершенно перестали доводить до свѣдѣнія полиціи, такъ что въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ начальство получило извѣстіе только о двухъ чумныхъ въ городѣ! Повидимому, невѣроятный фактъ, но онъ засвидѣтельствованъ оффиціальнымъ документомъ: ясно, насколько нелестно было довѣріе населенія къ оберегающимъ его властямъ. Мало того, когда полиція стала жечь оставшіяся послѣ чумныхъ зараженныя вещи и когда народъ узналъ объ этомъ, то еще съ большимъ упрямствомъ сталъ прятать пожитки, остающіеся отъ умершихъ чумныхъ, и такимъ образомъ самъ разносилъ по городу или укрывалъ у себя свою собственную смерть. Но и это еще не все: боясь властей, боясь полиціи и ея «мортусовъ», этихъ засмоленныхъ и зашитыхъ въ вощанки страшныхъ людей, въ ужасныхъ маскахъ рыскавшихъ по улицамъ и по домамъ, таскавшихъ длинными крючьями чумные трупы и зачумленное платье, боясь карантиновъ, какъ немилучей смерти, опасаясь, наконецъ, за свое жалкое имущество, чтобъ его не отняли и не сожгли, —народъ сталъ или выбрасывать трупы умершихъ на улицы или тайно зарывать ихъ въ землю въ городѣ, въ садахъ, въ огородахъ, въ подпольяхъ и погребахъ!

Нельзя, впрочемъ, въ этомъ случаѣ безус-

ловно винить бѣдное населеніе Москвы: народъ поступалъ такимъ повидимому недостойнымъ и преступнымъ образомъ потому, что при вывозѣ изъ частныхъ обывательскихъ домовъ больныхъ въ карантины, дома эти и находящееся въ нихъ имущество были не безопасны отъ расхищенія. А для бѣднаго глиняный горшокъ такъ же дорогъ, какъ для богатаго севрскій фарфоръ или китайская ваза. Въ расхищеніи же имущества бѣдныхъ откровенно сознаются сами дѣятели того смутнаго времени («Описаніе мор. яз.», стр. 66).

Наступило лѣто. Съ жаркими днями увеличилось число чумныхъ жертвъ. Болѣзнь видимо свирѣпствовала. Но народъ, не вѣря ни властямъ, ни докторамъ, опасаясь и за свою свободу, и за свою жизнь, и за свое имущество, скорѣе соглашался подвергнуться всѣмъ ужасамъ заразы, чѣмъ открыто признать существованіе въ городѣ чумы. Между тѣмъ всѣ, кто могъ уѣхать изъ города, всѣ «господа и бояре», спѣшили укрыться въ своихъ далекихъ помѣстьяхъ, а тѣ, которые не могли бѣжать изъ города, да и тѣ, которымъ некуда и не съ чѣмъ было бѣжать, прятались сами и прятали своихъ больныхъ и мертвыхъ. Чума избрала мѣстомъ своего пребыванія преимущественно бѣдныя части города — слободы преображенскую, покровскую, семеновскую. Находились дома, гдѣ всѣ вымирали разомъ. Больницы въ монастыряхъ Угрѣшскомъ и Симоновомъ оказались тѣсны. «Мортусы» все чаще и чаще таскали больныхъ изъ города. Чтобы сберечь имущество больныхъ отъ расхищенія, а дома отъ окончательнаго разоренія, велѣно было построить около Симонова монастыря особый амбаръ, куда и сваливали уцѣлѣвшіе отъ расхищенія пожитки больныхъ и умершихъ, а мелкія вещи, остававшіяся послѣ этихъ несчастныхъ, равно предметы, бывшіе въ употребленіи, продолжали сожигать.

Наконецъ и полиція выбилась изъ силъ. Полицейскіе фурманщики не въ состояніи уже были перевозить всѣхъ больныхъ въ карантины, да и сами заражались и умирали. Оказалось, что раздѣвать больныхъ уже некому — «мортусовъ» и полиціи не хватало на это, и потому раздѣванье больныхъ возложено было на самыхъ обывателей, а вслѣдъ за операціей раздѣванья, по необходимости надо было и здоровыхъ забирать въ карантины. Этихъ послѣднихъ свозили въ село Троицкое-Голенищево.

Эпидемія между тѣмъ не ослабѣвала. Къ концу іюля московскія власти, сознавая свое безсиліе и безсиліе принятыхъ ими мѣръ, старались объяснить усиленіе болѣзни упорствомъ и невѣжествомъ народа, доказывая, что принятыя ими мѣры «не могли усиливающейся заразѣ поставить предѣловъ», что «вмѣсто желаемаго успѣха и ожидаемаго прекращенія болѣзни, она ежедневно и очевидно скорыми и многими смертными пораженіями по всему городу стала свирѣпствовать», но что главная причина этого бѣдствія — «невѣріе почти всѣхъ какъ низкаго, такъ и знатнаго званія людей, которые все еще обыкновенною гнилою горячкою помянутую болѣзнь называли и не прикосновенію и своей неосторожности, но слѣпому року и власти Божіей таковую приписывали».

Въ виду такого «злощастія» и «всеобщаго ослѣпленія», Еропкинъ пригласилъ слѣдовавшаго тогда изъ Молдавіи и Кіева петербургскаго штатъ-физика доктора Лерхе, о которомъ уже упомянуто было выше, и просилъ его, осмотрѣвъ всѣ больницы, а равно умершихъ заразою, опредѣлить наконецъ, чума ли поражаетъ Москву, или другая болѣзнь. Лерхе, по осмотрѣ больныхъ и мертвыхъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ медицинскимъ совѣтомъ, — какъ выражается оффиціальный актъ того времени, — «съ ужасомъ и сожалѣніемъ призналъ ихъ всѣхъ опасной и заразительной болѣзни съ знаками, яко-то бубонами, карбункулами и пятнами черными, подверженныхъ, и безъ всякаго сумнительства оную болѣзнь за самую дѣйствительную моровую язву утвердилъ». Медицинскій совѣтъ снова послѣ этого высказываетъ свое «послѣднее мнѣніе» о свирѣпствующей въ Москвѣ болѣзни, и, строго обвиняя докторовъ, разглашающихъ, что это не чума, проситъ Еропкина «таковымъ ихъ вреднымъ и неосновательнымъ увѣреніямъ не вѣрить, дабы чрезъ то не привесть общество

еще въ большую оплошность и нерадѣніе въ потребныхъ предосторожностяхъ».

Москва пустѣетъ съ каждымъ днемъ. Бѣгство еще болѣе усиливается, не смотря на заставы. Всѣ дѣла и работы остановливаются. «Производство челобитныхъ дѣлъ» по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, вслѣдствіе особаго высочайшаго повелѣнія, также прекращается, — а между тѣмъ число умершихъ все увеличивается. Въ амбарахъ Симонова монастыря уже нѣтъ мѣста для храненія имущества выморочныхъ домовъ. Строить новыхъ чумныхъ цейхгаузовъ некогда да и некѣмъ, и потому велѣно всѣ послѣ мертвыхъ пожитки оставлять въ ихъ собственныхъ домахъ, окошки и двери запирать и запечатывать, ставя около такихъ домовъ караулы. Но и карауловъ уже не изъ кого учреждать.

Наступаетъ августъ, обыкновенно самый страшный во время всякихъ эпидемій мѣсяцъ. Мертвые уже валяются по улицамъ—это тихонько выброшенные изъ домовъ. Другой идетъ, падаетъ—и на улицѣ умираетъ. «Причина таковому идущимъ по улицамъ скорому смертному пораженію не та была—говорится въ оффиціальномъ актѣ того времени — чтобы такій умершій, не имѣвъ прежде никакой болѣзни, вдругъ якобы отъ зараженнаго воздуха умеръ, но такая смерть отъ того происходила, что всякъ, особливо изъ простаго народа, старался утаивать свою болѣзнь и всячески, будучи уже дѣйствительно зараженъ, до тѣхъ поръ перемогался, пока она его по своему лютому качеству скоропостижно умерщевляла». Чтобы трупы эти, при продолжительномъ не погребеніи, быстро разлагаясь отъ жару, не могли еще болѣе заражать воздухъ, велѣно было такихъ мертвецовъ безъ всякаго медицинскаго осмотра тотчасъ зарывать въ землю. Для этого опредѣлены были особые офицеры, которые, разъѣзжая по городу и находя по улицамъ трупы, тотчасъ должны были приказывать убирать ихъ и свозить на чумныя кладбища.

Но и труповъ уже некому было вывозить, да и подбирать съ мостовыхъ некому: полицейскіе десятскіе всѣ почти перемерли, а обыватели, при видѣ въ своемъ домѣ больного, разбѣгались. Пришлось обратиться за помощью къ каторжникамъ, къ преступникамъ, осужденнымъ на смерть или имѣющимъ быть приговоренным къ смерти розыскною экспедиціею. И вотъ ихъ берутъ изъ остроговъ. Для этихъ страшныхъ «мортусовъ» при каждой части построены были особые дома, гдѣ и содержались эти «служители смерти» подъ особымъ карауломъ, на коронномъ содержаніи, имѣя въ своемъ распоряженіи особую упряжь, лошадей, носилки и крючья для захватыванья труповъ, а равно смоляную и вощаную одежду, маски и рукавицы.

Сохранилось мастерское описаніе моровой язвы, свирѣпствовавшей когда-то въ Аѳинахъ. Описаніе это принадлежитъ знаменитѣйшему и даровитѣйшему изъ историковъ древняго и новаго міра—Ѳукидиду. Ужасъ охватываетъ при чтеніи этого описанія: то была, безъ сомнѣнія, тоже чума, занесенная въ Аттику съ востока.

Намъ невольно приходитъ на память картина моровой язвы въ Аѳинахъ, когда мы читаемъ слѣдующее мѣсто изъ воспоминаній Подшивалова о московской чумѣ: «ежедневно тысячами фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ (воплощенные дьяволы) длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе подымали на улицѣ, клали на телегу и везли за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ оные прежде похоронялись. У кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и обезображенная безобразно мотается. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливали на телегу. Трупы умершихъ выбрасывались на улицу, тайно зарывались въ садахъ, огородахъ и подвалахъ».

Такія же поразительныя картины находимъ мы въ «Кузьмѣ Рощинѣ», романѣ Загоскина изъ этого времени.

Какъ ни старались запереть Москву заставами и караулами отъ сообщенія съ окрестностями, чума перебралась и черезъ заставы и черезъ караулы. Сначала ее вывезли изъ Москвы и разнесли по деревнямъ,—какъ говоритъ современное свидѣтельство,—«знатные и должностями не обязанные люди», которые, убѣгая въ свои помѣстья, или сами увозили туда съ

собой заразу, или же зараза выносилась ихъ зараженными служителями. Потомъ зараза невидимо пробиралась черезъ заставы всѣми путями, какими только ей можно было пройти: не рѣдко больные, боясь карантиновъ, тайно по ночамъ уходили изъ города и въ полѣ умирали; не рѣдко же и здоровые, боясь за цѣлость своихъ пожитковъ, спасали ихъ отъ огня тѣмъ, что тайно отъ караульныхъ проносили въ деревни и тамъ прятали. Объ этомъ московскія власти догадались уже тогда, когда чума успѣла что-называется испятнать весь московскій уѣздъ и почти всю губернію. Тогда велѣно было всѣмъ «благороднымъ», которые уѣзжали изъ города въ свои деревни, присылать прислугу въ частные дома для освидѣтельствованія. Но было уже поздно. Караульные, поставленные на всѣхъ выѣздахъ у камеръ-коллежскаго вала, напрасно, такимъ образомъ, сторожили выходъ изъ Москвы чумы «по отбытіи вечерней зари»: чума свободно ходила уже за камеръ-коллежскимъ валомъ.

Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ переноса чумы изъ Москвы въ окрестности: по современному отзыву московскихъ властей, «лежащее по троицкой дорогѣ государево село Пушкино отъ того только заразилось и почти все померло, что одинъ мужикъ изъ Рогожской ямской слободы послѣ умершихъ привезъ туда женѣ своей кокошникъ».

Поздно также московскія власти спохватились, что распространенію заразы по городу не мало способствовали кабаки, гдѣ народъ особенно любитъ собираться въ смутныхъ обстоятельствахъ, чтобъ запить и свое горе и свой страхъ, держась пословицы, что «на людяхъ и смерть красна». Только въ августѣ сдѣлано было распоряженіе—никого внутрь питейныхъ домовъ не впускать, а производить винную продажу въ окна и двери чрезъ сдѣланныя рѣшетки, опуская при этомъ деньги въ сосудъ, наполненный уксусомъ.

Эти поздніе мѣры были уже, можно сказать, безполезны: изъ сердца Россіи чума успѣла быстро перенестись во всѣ концы государства, и уже свирѣпствовала въ губерніяхъ Смоленской, Нижегородской, Казанской, Воронежской и Бѣлогородской, т. е. захватила половину тогдашней европейской Россіи.

Поздній страхъ овладѣлъ, наконецъ, и остальнымъ населеніемъ Москвы, тѣмъ населеніемъ, которое долго не хотѣло вѣрить, что народъ мретъ отъ чумы, а не отъ «перевалки». Многіе дома, закупивъ для себя съѣстныхъ припасовъ, окончательно заперлись; другіе же высылали въ городъ для разныхъ надобностей кого-либо одного, какъ бы обреченнаго на смерть, и уже не имѣли съ нимъ никакого сообщенія. Заперся и Воспитательный Домъ, который въ одномъ главномъ своемъ корпусѣ, въ такъ называемомъ «квадратѣ», вмѣщалъ до тысячи человѣкъ питомцевъ съ надзирателями, кормилицами и прислугой. Роженицамъ приходилось бросать дѣтей на улицахъ, если бы бывшимъ тогда опекуномъ воспитательнаго дома, Алексѣемъ Дурново, не былъ открытъ для рожениць его собственный домъ: «симъ богоугоднымъ поступкомъ—говоритъ «Описаніе»—сохранивъ жизнь тѣхъ, которыхъ было по несчастномъ рожденіи неминуемая смерть пожрать хотѣла», Дурново «вручилъ» Воспитательному Дому 27 младенцевъ.

Страшная болѣзнь посѣтила, наконецъ, и тотъ домъ, въ которомъ жилъ главный начальникъ Москвы, Еропкинъ, потому что этому дому менѣе всего можно было уберечься отъ заразы: «не только его домъ и покои — говоритъ современное свидѣтельство—ежечасно наполнены были разнаго званія, а особливо подчиненными его людьми, изъ всѣхъ опасныхъ мѣстъ приходящими и отъ него различныхъ приказаній требующими, но и самъ онъ своею особою часто во всѣ мѣста, гдѣ самая видимая опасность настояла, не оставлялъ пріѣзжать, дабы тѣмъ унылыхъ и отчаянныхъ жителей ободрить и узнать, все ли по его учрежденію исполняется». Зараза появилась сначала между его вѣстовыми солдатами и писарями, а затѣмъ перешла и на прислугу, такъ что въ домѣ его разомъ умерло семь человѣкъ. Императрица, узнавъ объ этомъ, «восчувствуя съ материнимъ сожалѣніемъ во всемъ пространствѣ всю народ-

ную нужду и уваживъ опасность», въ которой Еропкинъ находился, назначила ему помощникомъ сенатора Собакина. Кромѣ того, въ помощь же Еропкину Екатерина опредѣлила еще и штатъ-физика Лерхе.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ безнадежнѣе казалось положеніе Москвы и ея населенія, и тѣмъ безсильнѣе оказывались власти и всѣ ихъ мѣры, казавшіяся жалкими передъ неудержимой силой эпидеміи. Полиція рѣшительно сбилась съ ногъ, тѣмъ болѣе, что каждый день зараза буквально косила все, что ей попадалось на пути, а чаще всего, конечно, попадались ей подъ руку полицейскіе и другіе служители, обязанные дѣйствовать и спасать будто бы другихъ. О больныхъ обыватели совершенно уже перестали сообщать полиціи, да не мало оказывалось и такихъ домовъ, гдѣ некому было и вѣсть подать о томъ, что тамъ дѣлалось—всѣ вымирали наповалъ и гнили по домамъ, ожидая прихода «мортусовъ» съ крючьями. Тогда вслѣдствіе особаго, состоявшагося при императорскомъ дворѣ, совѣта, велѣно было въ Москвѣ отъ каждыхъ десяти дворовъ выбрать своихъ собственныхъ десятскихъ, которые обязаны были дѣлать именную перепись своимъ участкамъ, и, ходя всякій день по дворамъ, производить переклички—кто остался еще живъ, кто умеръ, кто заболѣлъ—и больныхъ отвозить въ больницы, а трупы убирать и свозить на кладбища. Тогда несчастные москвичи, по своему «развратному и неразсудному понятію», боясь и чумы и карантиновъ, стали тихонько выбрасывать изъ своихъ домовъ трупы, конечно, обнажая ихъ для того, чтобы смотрители и десятскіе не могли узнать, изъ какого дома трупъ выброшенъ на улицу.

Въ виду этого Екатерина обратилась къ Москвѣ съ слѣдующимъ высочайшимъ указомъ изъ правительствующаго сената: «Извѣстно ея императорскому величеству стало, что нѣкоторые обыватели въ Москвѣ, избѣгая докторскихъ осмотровъ, не только утаеваютъ больныхъ въ своихъ жительствахъ, но и умершихъ потомъ выкидываютъ на публичныя мѣста. А понеже такое злостное неповиновеніе навлекаетъ на все общество наибѣдственнѣйшія опасности: того для ея императорское величество повелѣваетъ отчески, по именному своему указу, строжайшимъ образомъ обнародовать во всемъ городѣ, чтобъ отнынѣ никто больше не дерзалъ на такое злостное и вредное ея императорскаго величества законовъ и установленій похищеніе. А есть-ли, не взирая на сіе строгое подтвержденіе, кто въ такомъ преступленіи будетъ открытъ и изобличенъ, или же хотя и въ свѣдѣніи объ этомъ будетъ доказанъ, таковой безъ всякаго монаршаго ея императорскаго величества милосердія отдается вѣчно въ каторжную работу».

Но ни этотъ строгій указъ, ни высочайшій гнѣвъ, ни высочайшія соболѣзнованія, ни перспектива вѣчной каторги — ни что уже не въ состояніи было поправить того, что было непоправимо. Народъ, давно потерявшій довѣріе къ властямъ и къ опытности медиковъ, потерялъ, наконецъ, и терпѣніе. Надежды не было уже ни на что — не было уже и нравственной сдержки. Въ народѣ,—какъ говоритъ оффиціальный документъ того времени,—стало, наконецъ, «рождаться неудовольствіе, роптаніе и отчаяніе». Надо было ожидать взрыва—Москва была наканунѣ бунта. Взрывы уже и проявлялись въ концѣ августа; но это были вспышки пока единичныя, разрозненныя, такъ сказать, спорадическія, какъ предвѣстники общей грозы. Въ Лефортовской слободѣ народъ хотѣлъ убить доктора Шафонскаго. Только вмѣшательство частнаго смотрителя, лейбъ-гвардіи капитана Волоцкаго, спасло несчастнаго.

Новымъ рескриптомъ на имя Еропкина императрица приказываетъ объявить Москвѣ о непремѣнномъ и частомъ вывѣтриваніи домовъ, объ употребленіи холодной воды для питья и для обмыванія тѣла и объ окуриваніи уксусомъ. Бѣднымъ для этого выдаютъ казенный уксусъ. Всѣ фабрики, которыя еще дѣйствовали, велѣно остановить, а рабочихъ распустить; казеннымъ рабочимъ велѣно выдавать кормовыя деньги.

Д. Мордовцевъ.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *).

I.

Вѣтвь Скопиныхъ-Шуйскихъ была немногочисленна. Она началась съ прадѣдомъ кн. Михайла Васильевича, прозваннымъ Скопою, и прекратилась съ героемъ Смутнаго времени (см. родосл. табл. къ Ист. Соловьева, табл. VI; Родосл. книга кн. П. Долгорукова, I, 234) *). Дѣдъ послѣдняго, Ѳедоръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ прочими Шуйскими, принималъ участіе въ правленіи во время малолѣтства Ивана Грознаго, содѣйствовалъ удаленію любимца царскаго, Воронцова, потерпѣлъ ссылку вмѣстѣ съ своими родственниками отъ Глинскихъ и явился мстителемъ ихъ во время страшныхъ московскихъ пожаровъ 1547 г. Вмѣстѣ съ царскимъ духовникомъ, Ѳедоромъ Барминымъ, онъ увѣрялъ молодаго Ивана въ виновности Глинскихъ и народная кара, постигшая ихъ, по всей вѣроятности, не была чужда этихъ внушеній. (Карамзинъ, изд. Эйнерл., VIII, 47, 51, 61—64; Соловьевъ, VI, 42—57; ср. Сказ. кн. Курбскаго и перепис. его съ Іоан., 2,185) **).

Не смотря на это, сынъ его, Василій, спустя 20 лѣтъ, встрѣчается между боярами первой статьи (Соловьевъ, VII, 7) и затѣмъ остается бояриномъ при дворѣ Ивана Грознаго во все время царствованія (Карамзинъ, X, примѣч. 23). Ему была ввѣрена главная рать, собиравшаяся противъ Баторія въ Новгородѣ (Разряды въ Древн. Рос. Вивл., XIV, 349), а вмѣстѣ съ кн. Ив. Петр. Шуйскимъ онъ былъ и главнымъ защитникомъ Пскова (Карамзинъ, X, примѣч. 567).

Царствованіе Ѳедора Ивановича застало кн. Василія Скопина намѣстникомъ Новгорода (іb., X, 30); но, какъ первый намѣстникъ и боринъ, онъ жилъ въ Москвѣ, а въ Новгородѣ управлялъ младшій намѣстникъ, кн. Михаилъ Петровичъ Катыревъ (іb. 418). Уже на первыхъ порахъ непримиримость двухъ партій, Шуйскихъ и Годуновыхъ, стало очевидною. Сначала, при посредствѣ митр. Діонисія, удалось устроить между ними миръ (1585 г.), но непрочность его вскорѣ обнаружилась въ полной силѣ: все чего хотѣла одна партія, тому противилась другая, и Шуйскіе ни въ чемъ не хотѣли уступить Годуновымъ (Никон. лѣт. годъ 1585; Латух. степ. книга; Карамз. X, пр. 143). Борисъ Годуновъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ противъ нихъ. Тогда Шуйскіе, въ союзѣ съ митрополитомъ и московскими торговыми людьми, рѣшились окончательно поколебать автори-

*) Иванъ Скопа происходилъ въ прямой линіи отъ князя Дим. Константиновича Нижегородскаго (Родосл. книга во Времен. Моск. общ. исторіи, X, 44). Скопа́—хищная птица изъ рода орловъ (Словарь церк. слав. яз. изд. Ак. Наукъ и Области. Словарь Даля). Родовая вотчина Никиты Романова — Острожокъ — въ цар. Алексѣя Михайловича принимаетъ названіе Скопинской слободы (потомъ городъ Скопинъ), отъ водившейся въ ея окрестностяхъ птицы Скопы. И теперь эта птица, изображенная на голубомъ полѣ летящею, служитъ гербомъ гор. Скопина (Статист. опис. Рязан. губ. Барановича, 512; Географ. Слов. Семенова, IV, 621). Есть извѣстіе, что большая часть Скопинскихъ волостей принадлежала роду Скопиныхъ—Шуйскихъ. (Замѣч. о земл. Рязан. Чтен. Моск. общ. исторіи, годъ I, кн. I, 23).

**) Передъ смертію онъ принялъ схиму съ именемъ Ѳеодосія. Фамильная усыпальница князей Скопиныхъ—Шуйскихъ находится въ Суздалѣ, въ соборной церкви Рождества Богородицы. (см. Историч. собраніе о градѣ Суждалѣ. Временникъ Моск. общ. ист. кн. XXII, стр. 154, 202.)

Жена кн. Ѳедора Скопина похоронена въ Сузд. Покровскомъ монаст. іb. 182.

*) Очеркъ этотъ былъ читанъ въ общемъ засѣданіи Кіевскаго историческаго общества 27 октября 1874 г.

тетъ Бориса. Они стали убѣждать царя развестись съ женою (сестрою Бориса), по причинѣ бездѣтства, и уже прочили ему новую жену, сестру кн. Θед. Ив. Мстиславскаго*). Но Борисъ во время узналъ объ этомъ, разрушилъ ихъ замыселъ и пристыдилъ митрополита, обѣщавъ никого не тронуть; только предполагавшаяся невѣста царя была пострижена. Однако, вскорѣ, подъ предлогомъ измѣны, начались преслѣдованія Шуйскихъ и ихъ партіи: однихъ сослали, другихъ казнили; митрополита Діоносія заточили въ Хутынскій монастырь, Шуйскіе были разосланы въ дальнія мѣста, а кн. Василій Θедоровичъ Скопинъ-Шуйскій лишился своего пожалованья Каргополя; но его оставили въ Москвѣ **). Этотъ погромъ до того былъ страшенъ для самаго правительства, что оно рѣшилось смягчить его значеніе передъ иностранными державами. Указывая на царскія милости къ Шуйскимъ, послы должны были говорить, что хотя кара постигла виновныхъ за измѣну, но царь помиловалъ ихъ, разославъ только по деревнямъ. А о князѣ В. Θ. Скопинѣ-Шуйскомъ въ наказѣ посламъ прибавлено: «до князя В. Θ. слово не дошло, и онъ предъ государемъ живетъ по старому; нынѣ съѣхалъ съ государева жалованья, съ Каргополя». Такъ дипломатически выражено лишеніе его послѣдняго! (Дѣла польскія, у Карамзина, X, примѣч. 148; ср. также Латух. степен. книгу; примѣч. ib. 147; Никон. лѣт. годъ 1587; Морозова, лѣт. г. 1587 ib примѣч. 148).

Въ годъ этого погрома у князя Вас. Θедоровича родился сынъ, Михаилъ, будущій дѣятель Смутнаго времени ***).

*) Современники говорятъ, что сестра Бориса, Ирина, отличалась способностью вліять и вліяла даже на брата. (Флетчеръ, гл. VII; Горсей у Гаклюйта, I, 529.)

**) Въ 1586 г. новгородскимъ намѣстникомъ былъ уже Дмитрій Ив. Годуновъ. (Карамзинъ, X, примѣч. 418).

***) Въ статьѣ «О рожденіи кн. Михаила Васильевича» помѣщенной въ хронографѣ, принадлежавшемъ древлехранилищу Погодина, замѣчено: «родился убо сей вел. воинъ и воевода князь М. В. Шуйской въ лѣта 7095 и наречено бысть имя его на память собора св. арханг. Михаила мѣс. ноября въ 8 день». (Изборникъ славян. и рус. сочин., внесен. въ хронографы, А. Попова, стр. 379).

Жизнь князя М. В. Скопина-Шуйскаго не богата біографическимъ матеріаломъ. Отъ него самого до насъ не дошло ни одного слова, ни одного письма; точно также какъ не дошло ни писемъ, ни записокъ и отъ лицъ, близкихъ къ нему. Еще С. М. Соловьевъ замѣтилъ: «Живыхъ людей, съ рѣзко опредѣленнымъ образомъ, мы не найдемъ ни въ Скопинѣ, ни въ Ляпуновѣ, ни въ Пожарскомъ, ни въ Мининѣ, какъ они представляются въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Разсказываются ихъ внѣшніе подвиги, произносятся похвальные отзывы въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, идущихъ ко всякому другому хорошему человѣку». Вслѣдствіе этого и фигура Скопина представляется историку «покрытою съ головы до ногъ пеленою: можно догадываться, что это что нибудь величественное, но что именно не знаемъ» (IX, 472—73). Статья И. И. Костомарова «О личностяхъ Смутнаго времени» (Вѣстн. Европы, 1871, іюнь) представляетъ собственно подробное развитіе той же мысли. О Скопинѣ онъ говоритъ: «Въ повѣствованіяхъ о его дѣяніяхъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ явился съ свойственнымъ ему одному, отличнымъ отъ другихъ, образомъ взглядовъ, чувствъ и пріемовъ; нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы высказалась его индивидуальность». Авторъ этихъ словъ затрудняется опредѣлить, какая черта въ характерѣ Скопина была преобладающею, руководящею: разсудительность или юношеское увлеченіе, предусмотрительность или хитрость, нравственныя побужденія или честолюбіе (стр. 499 — 501). Такой общій приговоръ о дѣятеляхъ Смутнаго времени встрѣтилъ недавно возраженіе со стороны П. Е. Забѣлина. «Намъ говорятъ, — замѣчаетъ онъ, — что источники нашей исторіи очень скудны и потому всѣ наши историческія личности неясны, тусклы, освѣщены неправильнымъ, фальшивымъ свѣтомъ, при помощи уже нашего воображенія... Мы вообще убѣждены, что источники тутъ не причина. Если можетъ что затруднить дѣло, такъ это только самая работа надъ источниками, тяжелая, мелочная, до крайности скучная, въ которой сохнетъ умъ, вянетъ воображеніе, но за то выростаетъ дос-

товѣрность» (Прямые и кривые въ Смутное время. Рус. Арх. 1872, I, 367—68). Конечно, трудность работы по мелочамъ еще болѣе усложняется въ тѣхъ вопросахъ, которые представляютъ массу неумышленныхъ противорѣчій и умышленныхъ недомолвокъ, къ какимъ безъ сомнѣнія слѣдуетъ отнести и настоящій, къ которому мы и обращаемся.—

М. В. Скопинъ лишился отца на восьмомъ году (7103, т. е. въ 1595. См. Сказ. о рож. 379 и Послужн. спис. чинов. въ Древ. Рос. Вивліоо. XX, 65) *); но мать позаботилась о его воспитаніи. Послѣ 7-ми лѣтъ, по обычаю того времени, его стали учить грамотѣ. Біографъ Скопина хвалитъ «быстроту его разума», благодаря чему, ученіе далось ему легко. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ зачисленъ «въ царскіе жильцы»**). Замѣтка біографа Скопина объ его обученіи имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ въ то время были князья и бояре, которые, по неграмотности, не могли подписать своихъ именъ (Собр. госуд. грам., I, № 189, стр. 556). Но Скопинъ принадлежалъ уже къ новому поколенію. То было уже время умственнаго возбужденія въ Московскомъ государствѣ: правительство заботилось о книгопечатаніи, о заведеніи высшихъ школъ, о посылкѣ молодыхъ людей за границу (одинъ изъ которыхъ и оказалъ потомъ услугу Скопину), хотя эти планы встрѣтили серьезное сопротивленіе и не удались вполнѣ. Книжность Ивана Грознаго, заботы Бориса Годунова объ образованіи, говорятъ уже, что, по крайней мѣрѣ въ высшемъ кругу, потребность болѣе широкаго образованія стала сознаваться. Правда, изъ описанія рукописей и библіотекъ того времени видно, что тогда еще вполнѣ господствовала духовная литература, но въ тоже время дѣлаются попытки и въ другомъ родѣ. Не говоря уже объ опытахъ въ соединеніи историческаго матеріала и стремленіи къ изученію общей исторіи, въ XVI вѣкѣ являются даже переводы польскихъ хроникъ и космографій *).

Біографъ Скопина хвалитъ также его поведеніе въ бытность на службѣ при дворѣ. Несмотря на свою юность, онъ отличался «многолѣтнимъ разумомъ»: не гордился передъ низшими, не хвалился своимъ происхожденіемъ, не клеветалъ на своихъ товарищей, но былъ тихъ и скроменъ, и потому въ это «страстивое и нужное время» онъ прожилъ «въ тишинѣ», а то было время Годуновскаго террора, наводившаго общій страхъ; время, когда было такъ легко выслужиться за клевету на своихъ близкихъ, нашедшую себѣ надежный притонъ въ стѣнахъ дворца. Съ указанными чертами Скопина намъ придется встрѣтиться далѣе, гдѣ мы приведемъ свидѣтельства не однихъ панегиристовъ.

Понятно, что Борисъ не могъ быть спокоенъ

*) Передъ смертію онъ также принялъ схиму, съ именемъ Іоны. Его похоронили въ Суздалѣ, въ фамильной усыпальницѣ. (О градѣ Суждалѣ, ib., стр. 202 и Повѣсть о рож. Скоп., 379).

Мать М. В. была изъ роду Татевыхъ (Елена Петровна, ib.), дочь боярина Петра Ивановича Татева, въ монашествѣ Нимена (см. Списокъ надгробій Троицкой лавры, Чтен. Моск. общ. ист., 1846, II, 37 и Послуж. спис. XX, 59).

**) Это были отборные изъ дѣтей боярскихъ. Съ царевичемъ Дмитріемъ въ Угличѣ забавлялись «маленькіе робятки жильцы» (Собр. госуд. грам., II, 103 — 116). Въ Царств. книгѣ читаемъ: «жильцы выборомъ дѣти боярскія». (Карамзинъ, примѣч. 272, т. X). У Котошихина о жильцахъ говорится: «Чинъ ихъ таковъ: для походу и для всякаго дѣла снятъ на царскомъ дворѣ, человѣкъ по 40 и больше, и посылаютъ ихъ во всякія посылки; а дѣти они боярскіе-жъ, и дьячьи, и подъяческіе. И изъ того чину бываютъ въ стрянчихъ, и въ стольникахъ, и въ думныхъ людяхъ, да они-жъ бываютъ въ начальныхъ людехъ у конницы и у пѣхоты, и въ рейтарехъ, и въ солдатехъ, и будетъ ихъ числомъ до 2000 чел. Да и всѣмъ боярскимъ, и окольничихъ, и думныхъ людей дѣтемъ первая служба бываетъ при царскомъ дворѣ таковажъ только по породѣ своей одни за другими неравны». (Котошихинъ, 2-е изд., 21). Въ 1664 г. ихъ было до 3000 чел. Они находились въ вѣдѣніи Разряда. При пожалованіи говорилось, что пожалованъ изъ жилья въ дворяне, стрянчіе и т. д. При Петрѣ Вел. ими комплектовались гвардейскіе полки. Въ 1710 г., ихъ было всего 300 чел., послѣ чего это званіе прекратилось. (Древ. Рос. Вивл., XX, 170).

*) Въ описи царскаго архива 1575—84 гг. упоминается, что въ ящикѣ 217 хранится между прочимъ переводъ лѣтописца польскаго и космографіи, причемъ замѣчено: «отданъ къ государю» (Акт. Арх. Экспед., I, 353). Полагаютъ, что это былъ переводъ хроники Вѣльскаго и его космографіи. (Обз. русск. хроногр. А. Попова, II 95). Въ описи имущества новгор. воеводы Татищева называется: «Книга землемѣрья, космографія тожъ, печатная велика; цѣна 10 рублей». (Времен. Моск. общ. ист. VIII, смѣсь, 34).

насчетъ Шуйскихъ. Есть извѣстіе, что въ то время, когда онъ разыгрывалъ комедію съ избраніемъ на царство, притворно отказываясь отъ предлагаемаго вѣнца, Шуйскіе стали убѣждать другихъ, что непристойно далѣе упрашивать его, а слѣдуетъ приступить къ избранію новаго лица, и это ускорило согласіе Бориса (Татищев. бумаги въ портфелѣ Миллера, № 7, въ Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ, см. Ист. Соловьева, VIII, примѣч. 12). Въ царствованіе же Вас. Шуйскаго, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ подалъ челобитную на князя Дм. Пожарскаго, въ которой жаловался, что послѣдній доносилъ царю Борису, что онъ, князь Лыковъ, съ князьями Голицыными и Татевымъ имѣютъ противъ царя враждебные замыслы; а мать князя Пожарскаго доносила въ тоже время женѣ Бориса, что мать Лыкова съѣзжается съ женою князя Вас. Ѳед. Шуйскаго и ведетъ съ нею злыя бесѣды про царицу и ея дочь Ксенію. Лыковъ заявлялъ, что по этому поводу онъ и его мать подверглись опалѣ Бориса (Русск. истор. сбор. II, 265). Отсюда мы вправѣ предполагать, что и семья Скопина-Шуйскаго не пользовалась расположеніемъ царя*).

Борисъ нѣсколько разъ удалялъ Шуйскихъ отъ двора и снова приближалъ; но подозрѣніе противъ нихъ все-таки оставалось: лица, посѣщавшія ихъ даже въ дни милости, подвергались пыткѣ и допросамъ (Маржеретъ, 286, 292)**). Старшій изъ фамиліи Шуйскихъ, князь Василій Ивановичъ, вмѣстѣ съ представителемъ другой знатной фамиліи, княземъ Ѳед. Ив. Мстиславскимъ, былъ лишенъ самаго обыкновеннаго права—брака. Если онъ и уцѣлѣлъ во время общей переборки своей фамиліи, и даже сослужилъ Борису услугу въ дѣлѣ царевича Дмитрія, то безъ сомнѣнія въ этомъ помогла ему изворотливость его характера, отличавшагося двуличностью. Но въ минуту опасности, когда познаются настоящіе друзья, князья Мстиславскій и оба Шуйскіе (Василій и Дмитрій) своимъ бездѣйствіемъ доставили торжество самозванцу; а показаніе Вас. Шуйскаго въ пользу послѣдняго на Лобномъ мѣстѣ рѣшило и участь сына Годунова на престолѣ.

Понятно, что Дмитрій Самозванецъ долженъ былъ оказать покровительство врагамъ Бориса *); но измѣна Вас. Шуйскаго, распускавшаго слухи о самозванствѣ Дмитрія, повредила на первыхъ же порахъ его семьѣ: за это онъ поплатился съ братьями временною ссылкою. Между тѣмъ, князь Скопинъ-Шуйскій, вскорѣ по прибытіи Дмитрія Самозванца въ Москву, былъ пожалованъ въ великіе мечники, новое придворное достоинство, учрежденное по образцу польскому, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ порученіе привезти изъ Выксинской пустыни царицу Марѳу, которая, какъ мать царевича Дмитрія, должна была теперь засвидѣтельствовать истинность московскаго царя. Такъ началось возвышеніе Скопина. Самозванецъ могъ, безъ сомнѣнія, разсчитывать, что это довѣріе къ одному изъ Шуйскихъ послужитъ въ его пользу, а послѣ прощенія виновныхъ еще болѣе выкажетъ его безпристрастіе.

18-го іюня (1605 г.), Скопинъ привезъ Марѳу, и она признала Самозванца своимъ сыномъ. Но потомъ, по избраніи на царство Вас. Шуйскаго, когда разсылали противъ Самозванца обличительныя грамоты, Марѳа увѣряла уже, что послѣдній присылалъ за нею своихъ совѣтниковъ, которые должны были никого не допускать къ ней и никому не позволять говорить съ нею (Собр. госуд. грам., II, 307). Правда, вмѣстѣ съ Скопинымъ были посланы за нею и другіе бояре (Паэрле, въ изд. Устрялова, I, 174); тѣмъ не менѣе самое дѣло было поручено ему, на что обращали потомъ вниманіе москвитянъ поляки (Карамзинъ, XI, 127, при-

*) Князь М. В. Скопинъ встрѣчается однако при Борисѣ въ стольникахъ. На пріемѣ персидскаго посла 4-го сент. 1504 г. онъ былъ назначенъ «смотрѣть и сказывать въ большой столъ».. (См. Разряди. книгу въ Симбирс. сборникѣ, стр. 153).

**) Въ интересахъ сближенія, онъ женилъ Дм. Ив. Шуйскаго на сестрѣ своей жены, Екатеринѣ Григорьевнѣ Скуратовой.

***) И напротивъ, родственники и приверженцы Бориса (въ числѣ 74 семействъ) поплатились ссылкою. (Соловьевъ, VIII, 118).

мѣч. 380). Какъ племянникъ Василія Шуйскаго, который не разъ выступалъ противъ Самозванца, чуть не поплатился за свой протестъ головою и наконецъ сталъ во главѣ заговора противъ него, Скопинъ болѣе другихъ рисковалъ своимъ именемъ, выполняя тайные совѣты поручителя. Съ другой стороны, объявляя о подсылкѣ тайныхъ совѣтниковъ къ царицѣ Маріѣ, царь Василій бросилъ тѣнь подозрѣнія на своего племянника, такъ-какъ никому до тѣхъ поръ не были извѣстны другіе совѣтники, а, напротивъ, всѣ знали, что въ Москву сопровождалъ царицу Скопинъ-Шуйскій. Между тѣмъ съ воцареніемъ Василія, послѣдній ничѣмъ не поплатился за свою услугу Самозванцу и вскорѣ достигъ даже высшихъ почестей. Эти противорѣчія непримиримы сами по себѣ; но они находятъ объясненіе въ духѣ Смутной эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, духъ противорѣчія составляетъ отличительную черту правительственныхъ актовъ того времени. И въ царствованіе Бориса, и въ царствованіе Василія Шуйскаго, правительство спѣшило дать желаемое объясненіе въ данную минуту, не заботясь о послѣдующемъ шагѣ, на который наталкивали событія. Эта фальшь проникла и въ окружающую среду: таковы всѣ заявленія и клятвы о смерти царевича и личности Самозванца (Бориса, Василія Шуйскаго, царевны Маріи, патр. Іова и многихъ другихъ). То, что вчера выдавалось за непреложную истину, сегодня отвергалось, какъ наглый обманъ. А потерявъ разъ довѣріе къ своимъ представителямъ, общество должно было потерять и самую вѣру въ ихъ нравственную силу: въ этомъ, безъ сомнѣнія, лежитъ корень политической смуты.

Какъ бы то ни было, но возвышеніе Скопина относится къ этому времени. Въ проэктѣ новой думы, которую Димитрій Самозванецъ предполагалъ устроить по образцу польскаго сената, въ числѣ бояръ первой статьи, было отведено мѣсто и великому мечнику, кн. М. В. Скопину-Шуйскому *). Въ это время ему было всего 18 лѣтъ. Такимъ образомъ, когда вступилъ на престолъ его дядя, положеніе Скопина было уже подготовлено.

Во все предъидущее время, Шуйскіе крѣпко держались другъ друга; они вмѣстѣ раздѣляли участь за смѣлый поступокъ брата противъ Самозванца *); съ восшествіемъ на престолъ Василія Шуйскаго имъ предстояло раздѣлить и его власть. Но онъ не забылъ и остальной родни. Волости, бывшія прежде за Годуновыми, Чаранда и Вага, достались теперь его племяннику М. В. Скопину и брату царя Дим. Шуйскому. Волость Вага обыкновенно доставалась лицамъ, близкимъ къ власти: при Ѳедорѣ Іоановичѣ ею владѣлъ Борисъ Годуновъ, при Борисѣ—Григорій Годуновъ, при Шуйскомъ—Дим. Шуйскій и М. Скопинъ, потомъ она также доставалась лицамъ, успѣвшимъ воспользоваться властью, какъ Мих. Салтыковъ, Заруцкій и Трубецкой (Соловьевъ, VIII, 374; Забѣлинъ въ стат. Мининъ и Пожарскій, Рус. Арх. 1872, I, 885, примѣч.)**).

*) Роспись московскимъ сенаторамъ (изъ особъ духовныхъ, бояръ первой статьи, окольничихъ и нѣкоторыхъ дворянъ) писана въ іюнѣ 1605 г. рукою секретаря Димитрія Самозванца (по польски) Яна Бучинскаго; но едвали она вполнѣ была приведена въ исполненіе. Она помѣщена въ Собр. госуд. грамотъ, II, 207 210; у Бутурлина, Ист. Смут. времени, I, прилож. X; ср. Устрялова, Сказанія иностр. о Дим. Самозв.., I, 380—381.—Карамзинъ (XI, стр. 126), Устряловъ (ibid) и Костомаровъ (Ист. Смут. врем. I. 227—228) признаютъ проектъ состоявшимся; Соловьевъ обходитъ этотъ вопросъ (VIII, 118). Едва ли не справедливѣе мнѣніе Бутурлина, что такъ какъ о такой реформѣ не говорятъ русскіе лѣтописцы и даже въ 1606 г. указы писались отъ имени бояръ, то поэтому роспись была собственно проектомъ, и если Беръ (Буссовъ) называетъ бояръ сенаторами, то вслѣдствіе подражанія полякамъ, которые такъ переводили званіе члена боярской думы. (Ист. Смут. врем. I, 152). Мнѣніе это подтверждается послужнымъ спискомъ чиновниковъ за то время (Древ. Рос. Вивліоѳ. XX, 74—83). Имя Скопина-Шуйскаго въ числѣ бояръ при Самозванцѣ не встрѣчается, а онъ возведенъ въ бояре при царѣ Шуйскомъ (въ 1607 г.) Поляки же дѣйствительно постоянно употребляютъ выраженія: сенаторы и думные бояре, какъ однозначущія и замѣняютъ одно другимъ. (См. Historica Russiae Monumenta, II, 118—119, 172.

*) Буссовъ выражается: «Три брата Шуйскихъ, имѣя тайныя отношенія съ попами и монахами во всемъ государствѣ, затѣяли свергнуть Димитрія съ престола» (Изд. Устрялова, стр. 52).

**) О судьбѣ Важско-Двинской области см. Этнографич. сборникъ, изд. Геогр. Общ. 5, отд. 1.

О совмѣстномъ владѣніи Вагою, Чарандою, Тотьмою и Рѣпмою—Д. Шуйскимъ и Скопинымъ упоминается въ

Хромолитогр. В.И. Гращанскаго Невск пр. №46 рисов на камнъ. А Адамовъ

СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ КНЯЗЯ М.В.СКОПИНА-ШУЙСКАГО, ПИСАННОЕ ИКОННЫМЪ СТИЛЕМЪ И НАХОДЯЩЕЕСЯ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ ВЪ МОСКВѢ.

ПО ХРОМОЛИТОГРАФІИ, ПРИЛОЖЕННОЙ КЪ КНИГѢ „ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ„ ИЗД. 1841 Г.

При царѣ Василіѣ у Скопина-Шуйскаго было счетное дѣло съ кн. Петромъ Урусовымъ. О характерѣ его мы можемъ заключать по слѣдующему случаю, бывшему въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича. На пріемѣ персидскаго посла (18 сент. 1613 г.) рындами были назначены стольники: кн. Юрій Енишеевичъ Сулешевъ, Ив. Истр. Шереметевъ, кн. Юрій Дм. Хворостининъ и кн. Алексѣй Мих. Львовъ. Шереметевъ билъ челомъ на Сулешева, Львовъ на Хворостинина. Царь велѣлъ отставить всѣхъ четырехъ и замѣнить другими. Но новое назначеніе повело къ новымъ столкновеніямъ, сопровождавшимся побѣгомъ отъ безчестья, насильнымъ приводомъ и мнимою болѣзнью, которые повлекли за собою наказаніе батогами и выдачу головою. Не касаясь этихъ подробностей, не относящихся къ нашему дѣлу, замѣтимъ только, что притязанія Ив. Шереметева вызвали въ свою очередь челобитье Сулешева. Шереметевъ ссылался на то, что кн. Сулешевъ иноземецъ и меньше его изъ Шереметевыхъ никто не бывалъ. Тогда на Шереметева стали бить челомъ Васил. Ив. Бутурлинъ, Матв. Ив. Плещеевъ-Колоткинъ и кн. Ив. Ѳедоровичъ Троекуровъ. Они утверждали, что Ив. Шереметевъ просилъ не дѣломъ, что они бывали съ кн. Сулешевымъ, а честью они не хуже Шереметева, который своимъ челобитьемъ безчеститъ ихъ. Сулешевъ съ своей стороны заявлялъ, что «не только Бутурлину или Шереметеву, но хотя бы кто и лучше, а по государевой милости и моему отечеству, можно быть со мною безсловно; князя Петра Урусова царь Василій развелъ (сдѣлалъ равнымъ) съ боярином кн. Мих. Вас. Скопинымъ-Шуйскимъ, а наши родители въ Крыму гораздо честнѣе Урусовыхъ, а потому, государь, Ивану Шереметеву не пришлось на меня холопа твоего въ отечествѣ бить челомъ». Шереметевъ возражалъ, что «кн. И. Урусовъ и князь Юрій Сулешевъ роды крымскіе въ московскомъ государствѣ, отечество ихъ невѣдомо, а кто кого больше или меньше, то въ его государевой воли, хочетъ онъ государь иноземцевъ учинить у себя честна и велика, онъ государь учинитъ, а до сихъ поръ съ кн. Юріемъ никто въ его версту не бывалъ». Выслушавъ эти челобитья, царь указалъ объявить Шереметеву, что ему можно быть съ Сулешевымъ «по его иноземству». Въ другомъ спискѣ этой сказки даже выражено рѣшительнѣе: «князю Юрію Енишину больше быть Ивана Шереметева и въ разрядѣ велѣлъ государь то записать» (Дворц. разряды, I, 109—113).

Такимъ образомъ дѣло Урусова съ Скопинымъ-Шуйскимъ служило примѣромъ въ рѣшеніи этого дѣла съ тою разницею, что въ немъ значеніе Скопина возобладало подъ «иноземствомъ» его противника.

На 21 году, Скопинъ женился, съ согласія царя, на Александрѣ Васильевнѣ Головиной *); но онъ не прожилъ съ нею и трехъ мѣсяцевъ, какъ долженъ былъ отправиться для заключенія союза съ Карломъ IX шведскимъ на защиту Россіи (Сказаніе о Скопинѣ въ изборн. Попова, 381). Это было въ 1608 году. Тогдашнія мѣстническія права и родство съ царемъ были уже достаточнымъ основаніемъ, чтобы доставить Скопину видное мѣсто въ служебной іерархіи. Но въ его пользу было также самое время—смутная эпоха въ московскомъ государствѣ. Извѣстно, какъ выростаютъ событія, среди общей опасности, въ глазахъ современниковъ и какъ нерѣдко первая удача среди длиннаго ряда неудачъ становится фортуною человѣка, если онъ успѣлъ выдвинуться впередъ

письмѣ Мих. Салтыкова къ Сапѣгѣ, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ хорошее время онѣ давали доходу 9000 р. («когда были кабаки и тамги»), а въ Смутное время едва 3000 р. Но такъ говоритъ Салтыковъ въ свое оправданіе. Другіе тогда же насчитывали доходъ, не считая хлѣбныхъ запасовъ, въ 6000 руб. (Ак. Истор. I,364). По Флетчеру, Вага приносила Борису Годунову 32000 р. а по Горсею 35000 р. ежегоднаго дохода.

*) Отецъ Анастасіи Васильевны, Василій Петровичъ Головинъ, былъ казначеемъ при Димитріѣ Самозванцѣ и царѣ Шуйскомъ, въ званіи окольничаго, а въ 1609 г. возведенъ въ санъ боярина. (Послужной списокъ въ Древ. Рос. Вивл. XX, 76, 80, 83). Въ памятной запискѣ, веденной неизвѣстнымъ полякомъ въ Москвѣ, онъ отмѣченъ въ числѣ «пріятелей» Шуйскаго. (Памят. XVII вѣка, изд. Мухановымъ, 263—64). Умеръ 12 янв. 1612 г., принявъ монашество (Долгоруковъ, 106).

въ тяжелое время всеобщихъ ожиданій и внезапно слѣдующихъ за ними разочарованій. Такъ было въ настоящемъ случаѣ и съ Скопинымъ; въ первомъ же дѣлѣ, между тѣмъ какъ главные воеводы потерпѣли неудачу, юный Скопинъ вышелъ съ успѣхомъ изъ него, а затѣмъ онъ не терпѣлъ по крайней мѣрѣ такихъ неудачъ, которыя заставляютъ забыть о предшествовавшемъ успѣхѣ.

Выкрикнутый на царство, Василій Шуйскій достигъ давно желанной цѣли, къ которой онъ стремился посредствомъ происковъ и интриги *); но положеніе его еще болѣе, чѣмъ Бориса Годунова, не могло быть прочно**). Новый царь на первыхъ же порахъ встрѣтилъ крамолу вокругъ себя и открытыхъ враговъ въ центрѣ самаго государства, выступившихъ подъ знаменемъ новаго самозванца. Уже болѣе двадцати городовъ отпали отъ правительства; на Волгѣ и въ сѣверской Украйнѣ поднялись крестьяне и холопи, нашедшіе поддержку въ инородцахъ. Во главѣ этого движенія сталъ Болотниковъ, бывшій самъ нѣкогда холопомъ, а потомъ галернымъ невольникомъ въ Турціи. Понятно, какой ужасъ долженъ былъ нагнать на населеніе такой вождь возстанія; а всѣмъ, готовымъ содѣйствовать ему, были обѣщаны воля и богатство. Такимъ образомъ, искателей счастья нашлось довольно и уже первые шаги ихъ на этомъ поприщѣ ознаменовались насиліемъ и разореніемъ, жертвою которыхъ сдѣлались ихъ господа и воеводы. Но Болотниковъ нашелъ себѣ еще поддержку въ такихъ рѣшительныхъ вождяхъ движенія, какъ Иванъ Пашковъ, поднявшій Тулу, какъ Лжуновы и Григ. Сунбуловъ, поднявшіе рязанское населеніе. Борьба противъ боляръ была главною цѣлью этихъ лицъ, не имѣвшихъ, по своему происхожденію, права на первенствующее положеніе. Осенью 1606 г., Болотниковъ, въ союзѣ съ ними, уже занялъ и опустошилъ Коломну. Но на рѣкѣ Пахрѣ отрядъ московскихъ войскъ, состоявшій подъ начальствомъ Скопина, одержалъ верхъ въ битвѣ съ войскомъ Болотникова, между тѣмъ какъ главная рать, находившаяся подъ начальствомъ кн. Мстиславскаго и другихъ бояръ (Дим. Шуйскаго, Воротынскаго, Голицыныхъ, Пагихъ), была разбита при Троицкомъ селѣ, въ 70 вер. отъ Москвы. Преслѣдуя побѣжденныхъ, Болотниковъ дошелъ до Москвы и расположился въ селѣ Коломенскомъ (въ октябрѣ). Такимъ образомъ, Москвѣ грозило разореніе, а Василію Шуйскому низложеніе съ престола, и только слишкомъ демагогическія стремленія Болотникова, поселившія раздоръ въ его лагерѣ и заставившія болѣе умѣренныхъ перейти на сторону правительства (тульскіе и рязанскіе отряды подъ начальствомъ Сунбулова и Лжунова), измѣнили исходъ настоящаго пораженія. Готовилась новая битва (у деревни Котловъ, въ декабрѣ), въ которой со стороны Москвы предводительствовалъ уже кн. Скопинъ-Шуйскій. Новая измѣна въ непріятельскомъ лагерѣ (Пашкова съ дворянами и дѣтьми боярскими) передала и эту побѣду въ его руки. Послѣ этого, Болотниковъ бѣжалъ къ Серпухову. Понятно, что съ этого времени значеніе Скопина на ратномъ поприщѣ было упрочено *). Но эти успѣхи мало помогали главному дѣлу. Непринятый въ Серпуховъ, Болотниковъ сосредоточилъ свои силы подъ Калугою; но и здѣсь дѣйствія главныхъ воеводъ были неудачны (кн. Ив. Ив. Шуйскаго, Мстиславскаго и др.) Замѣчательно однако, что нѣкоторые лѣтописцы выдѣляютъ при этомъ отрядъ Скопина и Пашкова, которые мужественно отбивались отъ непріятеля и въ порядкѣ отступили съ поля битвы (Латухин. Степен. книга, у Карамзина, XII, примѣч. 124).

*) Самый престолъ достался ему также какъ и Борису: «отъ того же боярина кн. Василья многіе друзи и совѣтницы посланы въ народъ, и заповѣдано имъ быть, да изберутъ на царство его кн. Василья. Тѣже люди наустѣша народы... и на томъ утвердиша слово». (Хроногр. Кубасова. Изборн. Попова, 294).

**) Интересно слѣдующее замѣчаніе лѣтописца: «И сѣде царствовати кн. В. Шуйскій безъ избранія земскаго, того ради многимъ быть не возлюбленъ» (Полн. собр. рус. лѣт. IV, 321).

*) Карамзинъ (XII, 25) къ этой побѣдѣ относитъ пожалованіе Скопина въ бояре, основываясь на послужномъ спискѣ, напеч. въ Древн. Рос. Вивл. т. XX. Но тамъ только сказано, что пожаловано боярство Скопину въ 1607 году. (стр. 81).

Ни средства религіозныя (какъ разрѣшительная грамота патріарховъ, въ которой Іовъ, согласно съ желаніемъ царя, заявлялъ уже о погибели царевича Димитрія отъ рукъ измѣнниковъ, не смотря на то, что оба они свидѣтельствовали совсѣмъ другое при Борисѣ), ни насильственныя средства (какъ подсылка яда Болотникову) не могли совершить нравственнаго переворота въ пользу правительства и только компрометировали его. Измѣна продолжала колебать общество. Взятіе Тулы, подъ предводительствомъ самого царя, должно было убѣдить, что только превосходство силъ (какъ 100,000 войско) и помощь искусства (затопленіе города) могли вырвать мятежъ съ корнемъ и предать въ руки правительства коноводовъ смуты (Болотникова, Шаховскаго, Ляпунова и Телятевскаго); *) но Шуйскій рано думалъ воспользоваться результатами успѣха. Вскорѣ послѣ этого, онъ возратился въ Москву и распустилъ войско по домамъ, которое, согласно съ тогдашнимъ устройствомъ военной части, нуждалась въ томъ въ виду наступленія зимы. Между тѣмъ Лжедимитрій, при всемъ своемъ критическимъ положеніи, успѣлъ утвердиться въ Орлѣ, куда снова стали стекаться къ нему отряды изъ Польши и окрестностей. Въ то же время въ степи появились новые самозванцы, выдававшіе себя за сыновей Ивана Грознаго и Ѳедора Ивановича. Самозванство, не смотря на свои пораженія, находило постоянно свѣжія силы въ соціальномъ движеніи. Стоило самозванцу объявить крестьянамъ, чтобы тѣ изъ нихъ, господа которыхъ находятся на службу у Шуйскаго, брали себѣ помѣстья и вотчины ихъ, и женились на ихъ дочеряхъ—и охотниковъ служить у него являлось много. Такимъ образомъ, многіе изъ нихъ въ это время сдѣлались господами, по свидѣтельству современника (Соловьевъ, VIII, 195).

Въ такое-то время царь задумалъ отпраздновать свою свадьбу (17 янв. 1608 г.) съ княж. Маріей Петровной Буйносовой-Ростовской, а за тѣмъ и свадьбу своего племянника — Скопина.

*) Только 10 окт. 1607 г. Тула сдалась. Въ дѣйствіяхъ подъ нею участвовалъ и Скопинъ Шуйскій. (Карамзинъ, XII, 34).

Между тѣмъ царское войско, подъ начальствомъ нелюбимаго имъ Димитрія Шуйскаго и кн. Василія Голицына, знаменит аго своими интригами и измѣнами, потерпѣло отъ Самозванца и гетм. Рожинскаго пораженіе подъ Болховомъ, (10 и 11 мая), очистившее Самозванцу путь къ Москвѣ. Повидимому исчезло и прежнее довѣріе къ успѣху Скопина. Въ войскѣ, назначенномъ подъ начальствомъ его и Ив. Ник. Романова дѣйствовать противъ Самозванца подъ Москвою (на р. Незнани) открылась измѣна и оно было возвращено, а изъ виновниковъ ея одни поплатились ссылкою (кн. Ив. Катыревъ, Юр. Трубецкой, Ив. Троекуровъ), другихъ казнили (Лѣт. о мятеж.130). Дальнѣйшія дѣйствія подъ начальствомъ уже самого царя, ни къ чему не привели: Самозванецъ спокойно утвердился въ Тушинѣ. Ни къ чему не привелъ и договоръ (25 іюля 1608 г.), заключенный между царемъ и польскимъ правительствомъ, обезпечивавшій границы обоихъ государствъ, и выводъ поляковъ изъ Россіи, такъ какъ послѣдніе теперь вполнѣ разсчитывали на успѣхъ. То была пора страшнаго политическаго разложенія въ Московскомъ государствѣ: за обѣдами и пирами родственники условливались между собою, кому служить царю, а кому царику, и разъѣзжались, чтобы имѣть, въ случаѣ торжества одного изъ нихъ, защиту и тамъ, и здѣсь; они переѣзжали изъ одного лагеря въ другой и слыли подъ именемъ перелетовъ. Получивъ жалованье въ Москвѣ, они снова требовали его въ Тушинѣ; ихъ терпѣли, хотя поляки и казаки имъ не вѣрили. Дворяне и купцы за деньги доставляли въ Тушино все необходимое, а кто доносилъ на нихъ царю — слылъ наушникомъ. Вельможи, окружавшіе царя, отличались двоедушіемъ: служили ему языкомъ, а не душею и тѣломъ,—говоритъ современникъ. Измѣна въ клятвѣ и словѣ повторялась на каждомъ шагу (Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря, Палицына, глава VI).

Конечно, при такомъ настроеніи общества ожидать благопріятнаго оборота для Шуйскаго было трудно—и онъ долженъ былъ обратиться къ посторонней помощи. Уже не разъ предлагалъ

ему свое содѣйствіе Карлъ IX, лично враждебный Польшѣ; но московское правительство не только не выражало своего согласія на это, но оскорблялось подобнымъ предложеніямъ, заявляя, что въ его государствѣ «смуты нѣтъ никакой», а мутятъ только воры и разбойники, которыхъ уже побили. Если же случится вражда съ какимъ нибудь недругомъ, то «у царскаго величества есть несчетныя русскія и татарскія рати и просить помощи государь не станетъ ни у кого, «кромѣ Бога». (Дѣла шведскія, у Соловьева, VIII. 220—223). Теперь Шуйскій рѣшился послать въ Новгородъ Скопина, для заключенія союза съ Швеціей. Въ тоже время онъ извѣщалъ императора и королей англійскаго и датскаго о вѣроломствѣ Сигизмунда и просилъ у нихъ защиты (Палицынъ, 67). Уѣзжая въ Новгородъ, Скопинъ взялъ съ собою шурина своего окольничаго Сем. Вас. Головина. Но въ то время, какъ они условливались съ новымъ союзникомъ, шла уже упорная осада Троицкой лавры поляками (Сапѣга и Лисовскій).

Не легкое дѣло предстояло Скопину на сѣверѣ. Если Шуйскій могъ разсчитывать на помощь новгородцевъ, въ силу ихъ исторической связи съ фамиліей Шуйскихъ (со временъ Грознаго) и нерасположенія къ Самозванцу (его плѣнныхъ въ Новгородѣ топили въ Волховѣ), то во Псковѣ и его пригородахъ было совершенно противоположное настроеніе. Вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, Шуйскій просилъ во Псковѣ денегъ и ему послали 900 р.; но «большіе» люди и богатые гости нашли въ этомъ случаѣ поводъ погубить своихъ противниковъ — меньшихъ людей, написавъ въ Москву, что меньшіе враждебны царю, а посланные съ деньгами главные измѣнники. Послѣднихъ посадили въ тюрьму и только псковскіе стрѣльцы, находившіеся въ Москвѣ, освободили ихъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Это обстоятельство сильно возмутило народъ во Псковѣ, откуда враждебное настроеніе распространилось и на пригороды. Притомъ московскій воевода во Псковѣ (Петръ Шереметевъ) и дьякъ его (Грамотинъ) присвоили себѣ дворцовыя помѣстья и притѣснили жителей, настроивъ крѣпкихъ тюремъ, какихъ прежде не бывало. А между тѣмъ изъ Новгорода пришло приглашеніе соединиться съ нимъ и нѣмцами, которые вскорѣ придутъ на помощь противъ поляковъ и Самозванца. Вѣковая борьба Пскова съ нѣмцами и старинное соперничество съ Новгородомъ высказались въ отказѣ содѣйствовать общему дѣлу; а 2 сент. 1608 г., Псковъ отворилъ уже ворота тушинскому воеводѣ, Өед. Плещееву, выпустивъ болѣе 400 чел., содержавшихся въ тюрьмѣ и снаряднвъ снарядъ подъ Москву. Враждебное движеніе распространилось и далѣе: Ивангородъ присягнулъ Самозванцу, а въ Орѣшкѣ не впустили даже Скопина, когда тотъ хотѣлъ занять городъ. (Полн. собр. рус. лѣт. IV, Псков. 1-я лѣт. 322—26; Лѣт. о мятеж. 144). Во Псковѣ «большіе» люди вступили въ сношенія съ Новгородомъ, за что ихъ подвергали жестокимъ пыткамъ и казнямъ (Псков. лѣт. 326). За то, въ свою очередь, демократическое движеніе изъ Пскова сообщилось Новгороду, гдѣ чернь уже готовила измѣну Скопину, который, по совѣту начальствовавшаго въ Новгородѣ, Мих. Игн. Татищева (другимъ былъ кн. Андр. Куракинъ) вышелъ оттуда и, не будучи впущенъ въ Орѣшекъ, находился въ самомъ критическомъ положеніи, такъ какъ, не смотря на завязавшіеся переговоры съ нѣмцами, Скопинъ не могъ разсчитывать пока на ихъ помощь. (Лѣт. о мятежахъ, 144, 147). Имѣя въ виду это, понятно, почему Скопинъ старался скрывать передъ шведскимъ правительствомъ настоящее положеніе Россіи, указывая только на частную смуту въ ней, поддерживаемую не болѣе какъ 10,000 измѣнниковъ и 6,000 поляковъ, и убѣждая шведскаго короля подать помощь, такъ какъ успѣхъ Самозванца побудитъ поляковъ обратить свои силы на Швецію, въ интересахъ распространенія католицизма, о чемъ хлопочутъ уже іезуиты и папа (Видекиндъ, 46, 63. Hist. belli sulso-moskov. decennal. MDCLXXII).

Вскорѣ однако обстоятельства измѣнились и дѣла Скопина получили иной оборотъ. Митрополиту Исидору удалось убѣдить новгородцевъ возвратить Скопина, за которымъ они послали даже почетную депутацію. Скопинъ возвратился

въ городъ и заключилъ съ королевскимъ секретаремъ Мартензономъ условіе, что Швеція выставитъ 5,000-ный вспомогательный отрядъ за 100,000 еф. *) въ мѣсяцъ, окончательное утвержденіе котораго должно было состояться на съѣздѣ въ Выборгѣ (Лѣт. о мятеж. 145; Дѣла швед. у Соловьева, VIII, 227). Положеніе вещей было однако таково (въ особенности если принять во вниманіе тѣ казни и интриги, которыя происходили въ самыхъ стѣнахъ Троицкаго монастыря), что даже когда Скопинъ сообщилъ въ Москву о своемъ первомъ успѣхѣ на сѣверѣ, то тамъ этому не повѣрили (Лѣт. о мятеж. 145, 147). Обстоятельство это касается нападенія на Новгородъ отряда запорожцевъ, высланнаго изъ Тушина подъ начальствомъ Кернозицкаго. Мы должны коснуться нѣсколько подробнѣе этого дѣла, такъ какъ въ немъ окончательно обрисовываются отношенія Скопина и Татищева.

Узнавъ о высылкѣ изъ Тушина отряда Кернозицкаго, Скопинъ хотѣлъ не допустить его къ Новгороду и распорядился выслать противъ него отрядъ въ Бронницы. Начальникомъ его вызвался быть Татищевъ. Но когда все уже было готово къ выступленію, новгородцы донесли Скопину, что Татищевъ собирается измѣнить правительству и сдать Новгородъ Кернозицкому. Тогда Скопинъ, собравъ ратныхъ людей, объявилъ имъ объ этомъ въ присутствіи Татищева; а они, въ порывѣ негодованія, немедленно умертвили послѣдняго. Поэтому передовой отрядъ не былъ высланъ противъ Кернозицкаго. Многіе изъ дворянъ перешли къ послѣднему, что поставило Скопина въ весьма затруднительное положеніе, и только отрядъ, собравшійся въ окрестностяхъ Новгорода и слухъ о сборѣ большаго войска подъ Грузиномъ заставили Кернозицкаго поспѣшно удалиться отъ Новгорода. Это весьма обрадовало Скопина, митрополита и новгордцевъ (Лѣтоп. о мятеж. 146—147). Татищевъ, по распоряженію Скопина, былъ похороненъ въ Антоніевомъ монастырѣ. Карамзинъ, называя Татищева «лукавымъ царедворцемъ» объясняетъ исходъ самаго дѣла неопытностью Скопина, не съумѣвшаго удержать страсти противъ человѣка «едва-ли виновнаго» (XII, 90). С. М. Соловьевъ видитъ въ обвиненіи Татищева доносъ, которымъ думали только заподозрѣть его и удалить (VII, 269). П. П. Костомаровъ объясняетъ подозрительностью того времени и нелюбовью къ Татищеву въ Новгородѣ, но не входитъ въ разборъ самыхъ мотивовъ (Ист. Смутн. врем. II, 172). Въ своихъ-же характеристикахъ лицъ Смутной эпохи, онъ замѣчаетъ: «Событіе съ Татищевымъ въ жизни Скопина представляется чѣмъ-то страннымъ, набрасываетъ какъ-бы тѣнь на безупречность его поступковъ, но, по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій, все таки не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго человѣка». II, судя по прежнимъ дѣйствіямъ Татищева, г. Костомаровъ не допускаетъ въ этомъ случаѣ исключенія, то есть измѣны (Вѣст. Евр. 1871, іюнь, 501). Постараемся объяснить это дѣло.

Татищевъ, извѣстный при Борисѣ Годуновѣ по дипломатическимъ порученіямъ (въ Литву, Грузію, для пріема швед. принца Густава. Карамзинъ, XI, 20, 38—42, прим. 47) и пожалованный имъ въ думные дворяне (Послуж. списокъ въ Древ. Рос. Вивл. XX, 70), успѣлъ удержаться въ этомъ званіи и при Димитріѣ Самозванцѣ (ib. 75) и даже былъ нѣкоторое время его любимцемъ (Маржеретъ, 300). Но онъ былъ поклонникъ старины и потому немогъ вынести нарушенія московскихъ обычаевъ при Самозванцѣ; въ спорѣ съ нимъ о жареной телятинѣ, Татищевъ поддерживалъ князя Василія Шуйскаго, за что ему грозила ссылка въ Вятку, но онъ былъ прощенъ, благодаря заступничеству Басманова (ib. 300—301; Сказ. еже содѣяся.. Чтен. Моск. общ. ист. 1847, №9, стр. 20) *). Впрочемъ, онъ «отличался злымъ сердцемъ, не забывавшимъ обиды» (Марж. 301.) Онъ вошелъ въ близкія отношенія къ Василію Шуйскому и вмѣстѣ съ нимъ руководилъ возстаніемъ противъ Самозванца (ib. 303 и Дневн.

*) 140,000 руб. сер.

*) Въ означенномъ сказаніи Татищевъ называется «добрымъ православія поборникомъ» 20.

Марины въ изд. Устрялова, 168. Hist. Rus. Monum. II, 118). Любимецъ послѣдняго, Басмановъ, не смотря на оказанную недавно услугу Татищеву, палъ подъ ударомъ его ножа (Буссовъ, 60, Марж. 303). Въ переговорахъ съ поляками, веденіе которыхъ ему были поручено при Самозванцѣ и Шуйскомъ, онъ отличался дерзкими рѣчами (Historica Russiae Monumenta, II, Dyaryusz dziejow Moskiewskiohi legacyi Poslow etc. 127—130, 133—135). Заговоръ противъ Самозванца сблизилъ Татищева съ Шуйскимъ: послѣдній поручилъ ему вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Димитріемъ Шуйскимъ, перенесеніе мощей Димитрія Углицкаго (Маржер. 304), а затѣмъ мы встрѣчаемъ Татищева воеводою въ Новгородѣ (Карамз. XII, 89), важнымъ теперь еще по своему пограничному положенію. И такъ, что могло быть причиною неудовольствія противъ человѣка, отличающагося такими крайними проявленіями патріотическаго чувства и можетъ-ли онъ быть заподозрѣнъ въ настоящемъ случаѣ въ измѣнѣ?

Татищевъ былъ человѣкъ книжный и религіозный до фанатизма, достойнаго впрочемъ лучшаго дѣла *), преданный своимъ убѣжденіямъ. Но ни патріотизмъ, ни религіозность не спасли его отъ того насильственнаго способа дѣйствій, которымъ отличалась тогдашняя русская администрація, особенно въ областяхъ. У людей, подобныхъ Татищеву, эти крайности часто примиряются очень удобно и даже закрываютъ тѣ недостатки, которые у другихъ прямо бросаются въ глаза. Однако сохранилась опись его имущества, занимающая 40 печатныхъ страницъ, начало которой притомъ утрачено. Изъ нея видно, что Татищевъ былъ человѣкъ зажиточный: въ ней перечислены богатыя одежды, золотныя, шитыя жемчугомъ, часто шелковыя или бархатныя, на мѣхахъ; мѣха, бѣлье и полотно; оружіе и сбруя, выложенныя серебромъ и золоченыя; много хорошихъ верховыхъ лошадей, большой табунъ простыхъ лошадей; серебряная и вызолоченая утварь, разная посуда; собраніе драгоцѣнныхъ камней и ожерельевъ; запасы яствъ и питья, впрочемъ незначительные (Времен. Моск. общ. ист. VIII, смѣсь, 1—40). Изъ показаній людей Татищева видно, что «мало запасовъ осталось потому, что вновь ихъ изъ помѣстій не бывало; такъ какъ помѣстья Татищева были всѣ за ворами, а въ Новгородѣ запасовъ себѣ не запасалъ, потому что службы себѣ никуда неожидалъ» (ib. 21). Въ числѣ имущества была найдена также «заемная память», выданная митр. Исидору на сто рублей, подъ залогъ платья (32 — 33), свидѣтельствующая, что Татищевъ иногда нуждался въ деньгахъ. Но не всегда онъ прибѣгалъ къ такому мирному средству. Въ той-же описи читаемъ: «Саадакъ кованъ серебромъ, съ чернью, лукъ писанъ золотомъ, и взялъ саадакъ Матьяшъ Доморацкій, билъ челомъ кн. Михаилу Васильевичу (Скопину) и сказалъ, что тотъ саадакъ взяли у него новгородцы съ двора грабежемъ съ рухлядью его сына, въ ту пору какъ приходили грабить ихъ дворы» (ib. 9). «Столъ писанъ красками; по приказу боярина и воеводы кн. Скопина Шуйскаго отданъ тотъ столъ по челобитью подъячему Медвѣдеву безъ денегъ; сказалъ: взялъ тотъ столъ у него Татищевъ на подержанье, да не отдалъ». Имѣя большой запасъ лошадей, онъ взялъ коураго мерина у митрополита и денегъ также не заплатилъ. У Григорія Шорина онъ взялъ посмотрѣть 3 пары самопаловъ—и не возвратилъ (25 и 10). Служилымъ людямъ была назначена теперь часть его имущества, въ вознагражденіе за не выдачу имъ ржи во время осады (ib. 16). Эти отдѣльные факты показываютъ, что Татищевъ позволялъ себѣ въ Новгородѣ такіяже дѣйствія, какъ другія воеводы въ Псковѣ. Отсюда можетъ быть объяснено и неудовольствіе противъ него въ Новгородѣ. Вотъ почему онъ присовѣтовалъ Скопину выйти изъ Новгорода во время обнаружившагося тамъ движенія и самъ удалился изъ города вмѣстѣ съ нимъ *). Вслѣдствіе этого, главнымъ дѣятелемъ въ усмиреніи вол-

*) Въ описи его имущества мы встрѣчаемъ слѣдующія книги: Шестодневъ, Псалтирь, Трефолой, Космографію. Въ ней-же значатся 65 образовъ и 2 пары четокъ. (Врем. Моск. общ. ист. VIII, 34).

*) Въ «Лѣтописи о мятежахъ» объ этомъ говорится

ненія въ Новгородѣ оказался митроп. Исидоръ; а между тѣмъ усмирить мятежъ было такъ легко (Лѣт. о мятеж. 145; Нов. лѣт. 99). Есть основаніе даже полагать, что одною изъ причинъ его былъ самъ Татищевъ. Дѣйствительно, какъ только возвратился въ Новгородъ Скопинъ, неудовольствіе противъ Татищева снова повторилось. Мы знаемъ уже, какъ счастливо вышелъ Скопинъ изъ дѣла съ Кернозицкимъ; но подобный исходъ трудно было предполагать. Вотъ почему мы считаемъ вѣроятнымъ, что Татищевъ, видя передачу Пскова, Иванъ-города и Орѣшка на сторону Самозванца, успѣхъ Кернозицкаго на пути къ Новгороду (онъ занялъ Торжокъ и Тверь), занятіе еще до того его помѣстій тушинцами, нерасположеніе къ нему въ Новгородѣ,—рѣшился и самъ передаться на сторону Самозванца *). Такъ поступали многіе тогда; такъ было и на глазахъ Татищева: во Псковѣ, въ Орѣшкѣ (гдѣ передался М. Салтыковъ) **). Дѣйствіямъ Скопина въ Москвѣ пока не давали «никакой вѣры, многаго ради междоусобія и великой нужды» (Нов. лѣт. 99); власть Шуйскаго висѣла почти на волоскѣ; а между тѣмъ переходъ изъ одного лагеря въ другой былъ такъ легокъ. Правда, Скопинъ отдалъ послѣдній долгъ Татищеву, похоронивъ его въ Антоніевскомъ монастырѣ; но негодованіе противъ Татищева было такъ сильно, что онъ не могъ даже изслѣдовать дѣла, да какъ видно онъ и не имѣлъ этого въ виду: онъ только сообщилъ его поступокъ *). Замѣчательно, что о существованіи замысла Татищева сообщили Скопину «многіе новгородцы» (Нов. лѣт. 99) и они же являются на первомъ планѣ въ рѣшеніи участи виновнаго. Съ другой стороны заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Скопинъ, послѣ удовлетворенія гнѣва толпы, не послалъ уже отряда противъ Кернозицкаго, какъ видно опасаясь измѣны, а когда Кернозицкій подошелъ къ Хутынскому монастырю и сталъ опустошать новгородскій уѣздъ, то «многіе дворяне измѣнили и отъѣхали въ литовскіе полки «(ib.), слѣдовательно заговоръ дѣйствительно существовалъ. Новгородъ былъ освобожденъ не собственными силами, а стараніемъ «уѣздныхъ людей».

Но опись имущества Татищева обрисовываетъ намъ и другую сторону Татищевской исторіи. Скопинъ распорядился о продажѣ имущества съ публичнаго торга безъ указа изъ Москвы, причемъ даже родственники Татищева, оказавшіеся въ то время въ Новгородѣ, не получили ничего кромѣ своихъ вещей (Временникъ, VIII, 3, II, 12, 15, 30). Отсюда можно заключать, что продажа имущества была сдѣлана съ цѣлью уплаты долговъ и удовлетворенія претензій, заявленныхъ на Татищева въ Новгородѣ, а съ другой стороны она подтверждаетъ фактъ са-

---

такъ: «князь Михайло жъ совѣтовавъ съ Михайломъ Татищевымъ, да изъ дьяковъ съ Ефимомъ Телепневымъ, и, побоясь отъ новгородцевъ измѣны, пойдеша изъ Новогорода тайно къ Ивану-городу не съ великими людьми». 144. Въ томъ-же видѣ передается и въ редакціи этой лѣтописи, помѣщенной въ Никон. лѣт. VIII, 107.

Въ «Новомъ лѣтописцѣ» который считаютъ первоначальною редакціею обоихъ предъидущихъ списковъ, выражено: «и побѣже (Скопинъ) изъ вел. Новогорода тайно къ Ивану-граду, взяжъ съ собою Михаила Татищева, да дьяка Ефима Телепнева и иныхъ дворянъ, которые съ нимъ посланы съ Москвы». (Времен. Моск. общ. ист. XVII, 98) Видно, что Скопинъ взялъ Татищева съ собою, какъ и дворянъ московскихъ, боясь неудовольствія противъ нихъ, а при этомъ совѣтъ Татищева выйти изъ города получаетъ опредѣленный смыслъ.

*) Въ Новомъ Лѣт. сказано прямо, что Скопину сообщили, «что Михайло Тат. просится у него не для послуги, но хощетъ измѣнити и Новгородъ сдати». 99. Въ «Лѣт. Мятеж..» объ этимъ читаемъ: «что идетъ для того, что хощетъ ц. Василію измѣнить и Новъ городъ сдать» 146.

**) Объ общемъ отпаденіи новгородскихъ пятинъ въ концѣ 1608 г. свидѣтельствуетъ отписка Вербышева къ Вычегодцамъ о вѣстяхъ про кн. Мих. Васильевича. (Акты Экспед. II, № 99,)

*) Въ Нов. лѣт: «Кн. Мих. Вас. собравъ всѣхъ ратныхъ людей, извѣсти имъ Михайлово умышленіе, еже слыша; Новгородцы же вси возопили на Михаила и, нераспрося его, убиша вси міромъ и погребенъ въ монаст. Антоніевѣ» (99). Въ Лѣт. о мятежахъ: «Кн. Мих. Вас., слышавъ такое дѣло, собра всѣхъ ратныхъ людей и возвѣсти имъ про Михайла. Они же вси возопиша и не разпросивъ убиша его міромъ. Князь Михайло повелѣ его погрести въ Ант. монастырѣ» (146). Попытки со стороны Скопина разсудить самое дѣло не видно; о погребеніи же Татищева по его повелѣнію является въ позднѣйшемъ спискѣ.

мой измѣны, такъ какъ часть имущества Татищева пошла на удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Изъ этого источника Скопинъ угощалъ и дарилъ шведовъ. Шуринъ Скопина, Головинъ, получилъ на съѣздъ съ шведами лучшее платье, оружіе, сбрую, посуду (1—311, 36). Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, начальствовавшій въ Новгородѣ вмѣстѣ съ Татищевымъ, значится въ числѣ покупщиковъ, но онъ не уплатилъ всѣхъ денегъ(15,27—32). Для себя Скопинъ взялъ безденежно нѣсколько штукъ холста и сукна на шатры, скатерти, 500 копенъ сѣна, а съ дороги прислалъ за серебряными кубками и персидскою саблею въ 50 руб., которые оставилъ у себя (4. 7, 8, 24, 21, 33, 40). Біографъ Скопина говоритъ, что послѣдній ѣхалъ въ Новгородъ «на четырехъ подъяремныхъ мщатехъ» (Изборн. Попова, 389) *) Изъ Новгорода онъ велъ съ собою сѣраго грузинскаго жеребца въ 66 р., бураго жеребца въ 70 р. и сѣраго литовскаго мерина въ 18 руб. (Опись имущ. Тат. 40), а также везъ подлинныя книги и списки вещей Татищева.

Такъ закончилась новгородская драма—прелюдія драмы самаго Скопина Шуйскаго.

*) Мща—молодой мескъ, осленокъ.

В. Иконниковъ.

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

АДМИНИСТРАТОРЪ И ИСТОРИКЪ XVIII ВѢКА.

IX.

Умъ, образованность и значительная ширина взгляда Татищева видны были уже намъ и въ административной его дѣятельности, не смотря на то, что дѣятельность эта никогда не была вполнѣ самостоятельною и что сценою ея служили отдаленныя провинціи, гдѣ встрѣчались ей всякаго рода препятствія: и отъ мѣстныхъ жителей, по большей части инородцевъ, стоявшихъ на весьма низкой степени развитія и преслѣдовавшихъ свои интересы, по большей части противные интересамъ русскаго правительства, и отъ интригъ лицъ, поставленныхъ въ равное съ Татищевымъ положеніе, которыя должны были бы дѣйствовать съ нимъ за одно, но дѣйствовали очень часто въ противность ему, и отъ интригъ петербургскихъ, или петербургскаго непониманія, и отъ недостатка въ помощникахъ, и наконецъ отъ того, что нигдѣ ему не привелось быть такъ долго, чтобы онъ могъ вполнѣ развить свои планы и дать окрѣпнуть своимъ начинаніямъ. Въ литературной дѣятельности Татищева мы увидимъ эти же свойства его, но полнѣе и цѣльнѣе, хотя конечно и въ этой области, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онъ не могъ чувствовать себя вполнѣ свободнымъ: и здѣсь онъ встрѣчался съ предразсудками и нетерпимостію къ чужой мысли и наконецъ съ завистью людей не мысливщихъ къ мыслящему человѣку. Не даромъ его исторія появилась только при Екатеринѣ; не даромъ его «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ», въ которомъ онъ высказалъ все свое міросозерцаніе, былъ напечатанъ тоже при Екатеринѣ *).

*) Если только былъ когда либо напечатанъ. Сопиковъ указываетъ на то, что онъ былъ напечатанъ при 2-мъ изданіи «Духовной»; но этого втораго изданія in 4° до сихъ поръ не видѣлъ ни одинъ библіографъ и его не существуетъ въ Публичной Библіотекѣ, въ чемъ я лично убѣдился, и о содержаніи его, сколько извѣстно, нигдѣ не было заявлено печатно.

Это тѣмъ интереснѣе, что Татищевъ въ своей литературной дѣятельности былъ тѣмъ, что въ настоящее время назвали бы публицистомъ: онъ принялся за географію и исторію ради той пользы, которую исторія и географія должны принести обществу; свое міросозерцаніе онъ высказалъ въ сочиненіи о пользѣ наукъ; свои общественныя и нравственныя воззрѣнія въ «Духовной», обращенной къ сыну. Птенецъ гнѣзда Петрова оставался вѣренъ идеямъ того, кто и по праву рожденія и по высшему праву генія былъ умственнымъ вождемъ своей эпохи. Какъ Петръ требовалъ отъ всего пользы, такъ и Татищевъ постоянно старался быть полезнымъ по мѣрѣ возможности. Примѣнимость, полезность (англійское expediency) составляютъ основныя начала общественной и литературной дѣятельности Татищева, которыя, исходя изъ одного и того же начала, суть только два различные пути къ достиженію одной и той же цѣли. Въ изложеніи литературной дѣятельности Татищева постараемся возможно обстоятельнѣе и яснѣе указать на особенности его воззрѣній и ихъ взаимную связь. Встрѣчая у Татищева мнѣнія и взгляды, которые казались бы странными на нашъ современный взглядъ, не будемъ, читатель, торопиться осудить Татищева и объявить его идіотомъ, а постараемся никогда не забывать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ другаго времени и другаго образованія, скажу болѣе,—съ человѣкомъ, трудами котораго, какъ и трудами ему подобныхъ, создалось и наше

теперешнее образованіе. Будемъ же помнить, что «справедливость—по возвышенному опредѣленію римскихъ юристовъ — есть постоянная и неизмѣнная воля каждому воздавать свое» *).

Изложеніе литературной дѣятельности Татищева начинаемъ съ тѣхъ его сочиненій, въ которыхъ онъ высказываетъ свои идеалы, свои требованія отъ жизни и науки. Такой порядокъ мы считаемъ болѣе естественнымъ потому, что тогда намъ понятнѣе будутъ его ученые труды, въ которыхъ, какъ мы замѣтили, онъ старался удовлетворить насущнымъ потребностямъ общества и въ которыхъ нельзя не видѣть литературнаго осуществленія его идеаловъ, подобно тому, какъ въ общественной его дѣятельности нельзя не видѣть попытки ихъ практическаго примѣненія. Къ этому разряду сочиненій Татищева мы относимъ три его произведенія: «Духовную», въ которой онъ высказываетъ сыну свои нравственные и умственные идеалы въ руководство для его послѣдующей жизни**); «Экономическія записки», составленныя имъ для управляющаго деревнею, въ которыхъ онъ высказывалъ свои требованія отъ крестьянъ и свой взглядъ на отношенія попечительнаго помѣщика къ крестьянамъ***) и «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ» ****), гдѣ высказывается съ наибольшею полнотою его воззрѣнія на науку и ея отношенія къ жизни.

«Духовная» Татищева принадлежитъ къ обширному разряду сочиненій, любимому въ средневѣковыхъ литературахъ, типическимъ представителемъ котораго служитъ извѣстный «Домострой». Еще недавно велся у насъ споръ о томъ, что такое «Домострой»? — произведеніе ли это одного лица, или выраженіе цѣлаго общественнаго строя, цѣлостнаго взгляда на жизнь и житейскія отношенія? Въ настоящее время подобный споръ становится невозможнымъ, ибо уже извѣстны болѣе старые списки и указаны точки соприкосновенія нашего «Домостроя» съ домостроями другихъ литературъ. Произведенія этого рода по большей части имѣютъ одну общую форму: отецъ сообщаетъ сыну плоды своего житейскаго опыта и указываетъ ему какъ онъ долженъ жить. Конечно, очень часто это только удобная форма, ибо авторъ, предлагая совѣты на разные случаи, имѣетъ въ виду не одного только сына: такъ напр. Татищевъ въ своей «Духовной» пишетъ о тѣхъ книгахъ, по которымъ начинается ученіе, а между тѣмъ сынъ его уже былъ тогда взрослый: мы видѣли его дѣйствующимъ во время оренбургской экспедиціи. Такимъ образомъ, книга подобнаго содержанія назначалась для болѣе широкаго распространенія; она не была только исключительно писана для близкихъ людей и, дѣйствительно, мы знаемъ, что такія книги охотно читались, распространялись въ рукописяхъ. Вспомнимъ, что мы имѣемъ довольно много списковъ «Домостроя» и самая «Духовная» Татищева извѣстна до сихъ поръ въ рукописяхъ. Но между домостроями средневѣковыми и домостроями XVIII в.

*) Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi. Inst. L. I. t. I.

**) Духовная издана С. Друковцевымъ подъ заглавіемъ: «Духовная т. с. и Астраханскаго губернатора В. Н. Татищева, сочиненная въ 1733 (?) году сыну его Евграфу Васильевичу». СПБ. 1775, in 8; втораго изданія, in 4°, о которомъ говоритъ Сопиковъ, никто не видѣлъ. Любопытно, что въ 50-хъ годахъ въ «Отеч. Зап.» была перепечатана «Духовная» Татищева, но рукописи, за духовную неизвѣстнаго дворянина.

***) Напечатаны во «Временникѣ» Общества Исторіи Древностей. Кн. XII.

****) Существуетъ въ рукописи, подаренной А. И. Артемьевымъ Публичной Библіотекѣ. Рукопись эта, къ сожалѣнію не совсѣмъ полная, писана in 4, заключаетъ въ себѣ 176 листовъ; писана она до 1767 г., ибо къ этому году относится имѣющаяся на ней приписка одного саратовца о рожденіи у него сына. Хотя имени Татищева на ней нѣтъ, но принадлежность ему несомнѣнна, какъ по общности заглавія съ сочиненіемъ, упоминаемымъ въ «Духовной», такъ и по внутреннимъ признакамъ: такъ въ «Разговорѣ» упоминается разговоръ автора передъ отъѣздомъ въ Швецію съ Блументростомъ и Петромъ; тотъ же самый разговоръ сообщаетъ Татищевъ въ письмѣ къ Шумахеру. (И. И. Пекарскаго «Исторія Академіи» I, XIII), въ «Разговорѣ» авторъ упоминаетъ о своей исторіи, говоритъ какъ очевидецъ о разныхъ инородцахъ. Замѣчательно сходство многихъ мѣстъ «Разговора» съ другими сочиненіями Татищева: такъ исторію просвѣщенія онъ раздѣляетъ на три періода: до изобрѣтенія азбуки, до Р. Х. и до изобрѣтенія книгопечатанія («Исторія» I, XXVII, «Разговоръ», вопр. 36) и т. д. Слѣдственно въ принадлежности «Разговора» Татищеву не можетъ быть никакого сомнѣнія.

есть одна существенная разница,—люди средневѣковые являются по большей части крѣпкими стоятелями за обычай; въ XVIII в. обычай пошатнулся, поколебался: является личное разсужденіе, личный характеръ, личное образованіе, тогда какъ прежде на всемъ лежала печать общаго для всѣхъ людей порядочныхъ и чинныхъ образованія. Отъ первой половины XVIII в. дошли до насъ два сочиненія этого рода, сравненіе между которыми можетъ быть очень любопытно. Въ первыхъ годахъ XVIII в. (послѣ 1710 г.) грамотный,довольно начитанный крестьянинъ, истый великорусъ по уму и смѣтливости, сочувствующій дѣлу реформы съ практической ея стороны,написалъ наставленіе сыну, въ которомъ вполнѣ высказалъ то, на сколько могли привиться новыя понятія, вносимыя реформами, къ людямъ просто грамотнымъ и начетчикамъ въ литературѣ до-петровской,—мы говоримъ о Посошковѣ и его «Отеческомъ завѣщаніи» *); въ 1740 г.,Татищевъ, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ людей русскихъ XVIII в., бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лучшими по образованію людьми, членъ «ученой дружины», стоявшій если не на самомъ верху административной лѣстницы, то вблизи этого верха, пишетъ свою «Духовную». Въ чемъ же сходились и въ чемъ разнились эти два человѣка?Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ указаніемъ на то, какъ оба они смотрятъ на одни и тѣ же предметы.

Обѣ книги написаны въ религіозномъ настроеніи; но въ религіозномъ чувствѣ авторовъ есть значительная разница. Татищевъ между современниками слылъ за вольнодумца: таково было мнѣніе Гануея; сохранился даже разсказъ о томъ, что Петръ разъ побилъ Татищева за то, что онъ «говорилъ слишкомъ вольно о предметахъ церковныхъ, относя оные къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства; при чемъ касался онъ въ ироническомъ тонѣ и нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія» **). Мы видѣли, что «Исторія» его заподозрѣна была въ неправославіи; наконецъ знаемъ, что Ѳеофанъ написалъ толкованіе на книгу «Пѣсня пѣсней», побуждаемый къ тому сомнѣніями Татищева въ ея каноничности; но тотъ-же Ѳеофанъ прибавляетъ, что Татищевъ усердно просилъ его написать обѣщанное объясненіе этой книги *). Самъ Татищевъ подобное воззрѣніе на свои вѣрованія объясняетъ такимъ образомъ: «Я хотя о Богѣ и правости Божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или пренія вступалъ; но потому, что я нѣкогда о убыткахъ законами человѣческими въ тягость положенныхъ говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ невѣдущихъ Божьяго закона и токмо человѣческіе уставы противо заповѣданія Христова чтущихъ, не токмо за еретика, но и за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ» **). Едва-ли это не самое лучшее объясненіе такъ называемаго вольнодумства Татищева, ибо во всѣхъ его сочиненіяхъ едвали можно найдти примѣръ сомнѣнія въ истинахъ христіанства, а постоянныя ссылки на различныя книги священнаго писанія свидѣтельствуютъ о близкомъ его знакомствѣ съ библіею. Конечно онъ самъ говоритъ, что человѣкъ въ старости, или подъ вліяніемъ горя и болѣзней, получаетъ болѣе религіозное настроеніе, чѣмъ въ молодости, когда не думаетъ о религіи ***); но изъ этого общаго факта, и при томъ отмѣченнаго въ духѣ покаянія, нельзя выводить того, чтобы Татищевъ только въ эпоху составленія духовной обратился къ религіи. Совершенно напротивъ: мы видимъ, что и въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ», писанномъ за 7 лѣтъ до «Духовной» и послѣ написанія «Духовной» въ «Исторіи» и въ личныхъ раз-

*) Издано А. Н. Поповымъ въ 1873 г.

**) Голиковъ «Дополн. къ Дѣяніямъ»,XVII, 354., тоже говоритъ и Шлецеръ («Сборн. II отд. Ак. Н.», XIII).

*) И. В. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ», 614.

**) «Духовная» 15. Впрочемъ главное обвиненіе противъ Татищева со стороны духовенства состояло въ томъ, что онъ писалъ подъ вліяніемъ протестантскихъ идей; такое мнѣніе высказывалъ въ началѣ XIX в. архіепископъ тверской Меѳодій въ своей исторіи церкви (Исторія Росс. Академіи, I, 243).

***) «Духовная» 1—2.

говорахъ, Татищевъ отдѣлялъ религію отъ суевѣрія и постоянно неблагосклонно относился къ духовенству, въ чемъ—какъ и во многомъ другомъ — онъ оставался вѣрнымъ ученикомъ Петра В., нелюбившимъ «большихъ бородъ, которыя нынѣ по тунеядству своему не въ авантажѣ обрѣтаются». И Петръ и Татищевъ въ борьбѣ съ суевѣріемъ заходили иногда далеко: таково свойство всякой борьбы; но ни Петръ, ни Татищевъ не были тѣмъ, что можно было-бы назвать вольнодумцами *). Проникнутыя глубокимъ и крѣпкимъ чувствомъ религіознымъ, первыя страницы «Духовной» говорятъ, кажется, ясно сами за себя и имъ непротиворѣчитъ ничто въ дальнѣйшей умственной дѣятельности Татищева. Какъ въ «Разговорѣ» 1733 г., такъ и въ «Духовной» 1740 г. онъ равно требуетъ изученія закона Божія отъ частнаго и общественнаго воспитанія. Требуя отъ сына, чтобы онъ отъ юности до старости поучался въ вѣрѣ и прилежалъ познать волю Творца, «зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата и сребра и каменія драгоцѣнна», Татищевъ указываетъ сыну на необходимость изучать священное писаніе, творенія св. отцевъ, «между которыми у меня Златоустаго первое мѣсто имѣютъ», сверхъ того совѣтуетъ читать Ѳеофаново «Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ» **) и «Юности честныя зерцало» ***); послѣдняя книга, которую Татищевъ рекомендуетъ какъ лучшее нравоученіе, заключаетъ въ себѣ, рядомъ съ наставленіями нравственными, и правила общежитія, доходящія иногда до наивныхъ подробностей (о томъ какъ сморкаться, кашлять и т. п.) и свидѣтельствуетъ о томъ, чему въ XVIII в. нужно было учить не въ одной Россіи, ибо книга несомнѣнно переведена съ нѣмецкаго, хотя подлинника и не найдено. Послѣ изученія книгъ православныхъ, Татищевъ совѣтуетъ сыну читать книги иновѣрныя. «Если ты подлинно ихъ основаній и толковъ незнаешь,—говоритъ онъ—то легко обмануться можешь, а особливо отъ папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ». Указывая сыну на необходимость изучать чужія вѣрованія, Татищевъ тѣмъ не менѣе предписываетъ ему никогда не мѣнять вѣры, хотя бы «нѣкоторыя погрѣшности и неисправности или излишнее въ своей церкви быть возмнилъ, ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ». Опасеніемъ, чтобы сынъ не перемѣнилъ вѣры, увлекшись поверхностнымъ сомнѣніемъ, объясняется и совѣтъ Татищева сыну читать прологи и житія святыхъ только послѣ тщательнаго изученія священнаго писанія: «въ нихъ многія гисторіи въ истинѣ бытія кажется оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ». «Однако жъ—заключаетъ Татищевъ,—тѣмъ не огорчевайся, но разумѣвай, что все оное къ благоуханному наставленію предписано и тщися подражати дѣламъ ихъ благимъ».

Покровскаго села крестьянинъ Иванъ Посошковъ, водившійся въ молодости своей съ монахами *) и быть можетъ въ монастырѣ научившійся грамотѣ, во всякомъ случаѣ возросшій и воспитанный на произведеніяхъ старорусской духовной литературы, представляетъ образецъ иного проявленія религіознаго чувства. Вѣра его сопровождается полнѣйшею нетерпимостью: сочувственно одобряя сожженіе раскольниковъ, онъ прибавляетъ «и буде кости ихъ останутся, то разбивъ ихъ паки сожжечь, чтобы въ пепелъ претворились, и тотъ пепелъ въ пометъ человѣчь взмѣсить или въ непроходимое болото развѣять», чтобы ученики не могли собрать этихъ костей. Жечь раскольниковъ онъ считаетъ нуж-

*) Къ многимъ причинамъ, заставлявшимъ Татищева смотрѣть неблагосклонно на духовенство, каковы напр. борьба съ петровскими стремленіями, владѣніе имуществами, не всегда чистая жизнь, отсутствіе образованія и т. п. прибавляется одна личная причина: И. В. Чистовичъ, на основаніи синодскаго дѣла 1723 г., сообщаетъ, что причиною развода Татищева съ женою была ея связь съ извѣстнымъ Рѣшиловымъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ, 466, пр. 1).

**) Настоящее названіе книги: «Первое ученіе отрокомъ» (Наука и литер.» II, № 499).

***) Тамъ же, № 339.

*) «Истор. Россіи» С. М. Соловьева, XIV, 242.

нымъ потому, что: «совершенные богохульцы, никогда на совершенное покаяніе обратитися не могутъ, понеже отъ таковыхъ благодать Божія отъемлется и владѣетъ ими діаволъ». Посошковъ обращаетъ усиленное вниманіе на внѣшнюю обрядовую сторону религіи и вопросу о молитвѣ посвящаетъ большую главу своего завѣщанія *), въ которой подробно разсказывается когда и какую молитву читать и что думать при томъ. Въ примѣръ подобныхъ толкованій приводимъ то, что—по его наставленію—долженъ думать сынъ, когда налагаетъ на себя крестное знаменіе: «Егда же руку свою возложиши на чело, то въ умѣ своемъ помышляй о вышнемъ рогѣ креста Христова. Едва же низводити будеши руку свою на животъ, то помышляй о длинномъ древѣ крестномъ, а егда уже руку свою низведеши на пупъ, то помышляй о нижнемъ рогѣ креста Христова; а егда положиши руку свою на правое плечо, то помышляй о правомъ рогѣ крестномъ; егда же съ праваго плеча понесеши руку свою на лѣвое плечо, и тогда въ умѣ своемъ держи о поперечномъ древѣ крестномъ; егда же положиши руку свою на лѣвое плечо, и при томъ положеніи руки, въ мысли своей держи о лѣвомъ рогѣ крестномъ». Къ духовенству Посошковъ чувствуетъ большое уваженіе: «отца своего духовна паче родившаго ти отца почитай и во всемъ передъ нимъ рабствуй: яко душа честнѣе плоти, тако и отецъ духовный плотскаго честнѣе есть».—По этому, онъ предписываетъ никогда не садиться за обѣдомъ выше священника и ничего не предпринимать, не поговоривъ съ отцомъ духовнымъ. Изъ иновѣрныхъ исповѣданій Посошковъ преимущественно вооружается противъ протестантизма, какъ онъ выражается, противъ лютеровъ и ихъ учителя Мартина, для которыхъ онъ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ словъ. Его обвиненія наивны часто до неприличія и всѣ направлены на внѣшность. Такъ, между прочимъ, Посошковъ ставитъ въ вину лютеранамъ введеніе париковъ. Чрезвычайно характеристично, что представитель старой книжности, подобно Стефану Яворскому, видитъ болѣе вреда въ лютеранствѣ, чѣмъ въ католицизмѣ и сильнѣе нападаетъ на лютеранство; а представитель новаго образованія, подобно Ѳеофану, видитъ болѣе вреда въ католикахъ, прибавляя къ своему осужденію чрезвычайно знаменательныя слова, что хотя несвѣдующаго можетъ обмануть близость въ обрядахъ католицизма съ православіемъ, но «въ главнѣйшихъ (они) такъ далеки, что едва можетъ ли кто ихъ за христіанъ, а иногда каѳоликами, какъ они хотятъ именованы быть, почитать». Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ» встрѣчаемъ остроумное сближеніе между калмыцкою вѣрою (ламаизмомъ) и католицизмомъ *). Сдѣлавъ оговорку, что между многобожнымъ ламаизмомъ и христіанскимъ католицизмомъ не можетъ быть полнаго сходства, авторъ находитъ сходство въ нѣкоторыхъ, по его выраженію, «исповѣданіяхъ или признаніяхъ». Такъ, если латины и не считаютъ папу Богомъ, то «ему яко единому Богу принадлежащая: безгрѣшность, грѣхи отпущать и спасеніе продавать, согласно съ Далай-Ламою приписуются»; ламаисты вѣрятъ, что Далай-Ламы знаетъ все, что дѣлается въ мірѣ черезъ ангеловъ, но паписты не такъ глупы: «вѣдая, что то вскорѣ ученые обличить могли, то они имѣютъ вмѣсто ангеловъ или демоновъ, езуитовъ, которыхъ они братьями или товарищами христовыми именуютъ, хотя мнимъ, что они ближе Веліару неже Христу въ братья годятся (Кор. гл. 1, ст. 15), и сіи, подлинно весь свѣтъ обѣгая, вѣсти папѣ приносятъ и его повелѣнія по всюду исполнять прилежатъ». Безбрачіе католическаго духовенства Татищевъ сближаетъ съ безбрачіемъ ламаистскаго и видитъ въ немъ источникъ богатства папы, «ибо ко вступающихъ въ чинъ духовный богатство прибываетъ, а отъ нихъ никуда кромѣ ихъ наложницъ и дѣтей побочныхъ не выходитъ. Чрезъ оное же безженство духовныхъ вездѣ имъ у[женъ, а болѣе молодыхъ, всѣ тайности не скрытны». Католическую продажу реликвій Татищевъ сближаетъ съ ламаистскою; запрещеніе имѣть сви-

*) Глава IV, 75—141.

*) Вопросъ 67.

щенныя книги на народныхъ языкахъ авторъ тоже считаетъ пунктомъ соприкосновенія и говоритъ: «чтобы народъ въ темнотѣ невѣдѣнія содержать, обоихъ вымыселъ единъ, ибо паны, кромѣ латинскаго языка книгъ законныхъ печатать и кромѣ духовныхъ (что съ тяжкою присягою) богословія учить не допущаютъ. Равно у калмыковъ богослуженіе на одномъ тангутскомъ языкѣ отправляется, котораго я совершенно знаю во всемъ калмыцкомъ народѣ изъ духовныхъ едва 3 или 4 знающихъ сыщется, а прочіе научены токмо читать; не духовному же и книгу церковную въ руки взять въ грѣхъ поставляютъ» *). Таково воззрѣніе Татищева на католицизмъ, вполнѣ связанное со всѣмъ строемъ его религіозныхъ воззрѣній.

За поученіемъ въ вѣрѣ у обоихъ авторовъ слѣдуетъ указаніе на то, какимъ наукамъ должно учиться. Татищевъ говоритъ: «Весьма нужно тебѣ поучится и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее право и складно писать, за тѣмъ ариѳметика, геометрія, артилерія и фортификація, и прочія части математики, такожде нѣмецкій языкъ». За тѣмъ, совѣтуетъ изучать исторію и географію Россіи и указываетъ на собранные имъ матеріалы. Въ заключеніе прибавляетъ «необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества, и для того конечно во младости надобно тебѣ, Уложенье и Артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не одново, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; паипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, якоже и толкованію законовъ, не меньше же и коварствы ябедническія познавать, а не дѣлать, научиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ». Планъ чисто практическій: указано все, что нужно знать для примѣненія къ жизни. У Посошкова идеалъ ученія иной: «Въ началѣ отрочества сынъ мой, паче всѣхъ наукъ прилежи книжному ученію: не токмо славянскому одному, но и греческому, или латинскому, или хотя польскому, понеже и на польскомъ языкѣ много таковыхъ книгъ есть, кои у насъ на славянскомъ языкѣ не обрѣтаются, а къ наукѣ польскій языкъ иныхъ языковъ поемнѣе, и аще латинскому поучишися, обаче не вси ихъ книги пріемли: кіи обрящеши на развратъ благочестивыя нашея вѣры, или къ какому грѣху приводящія, тыи и весьма отъ себя отрѣвай»; въ другомъ мѣстѣ совѣтуетъ онъ: научивъ славянской граматикѣ и «выкладкѣ цыфирной до дѣленія» учить по латынѣ, или по гречески, или по польски; и потомъ учить какому-нибудь художеству; но непремѣнно учить рисованію: «аще въ размѣрѣ будетъ силу знати, то ко всякому мастерству будетъ ему способно». Разсматривая «Разговоръ о пользѣ наукъ», мы ближе присмотримся ко взгляду Татищева на науку, но и здѣсь въ объясненіе этой разницы учебныхъ плановъ считаемъ нужнымъ привести его разсужденіе на вопросъ: который языкъ нужнѣе къ ученію? *). «Какъ люди — говоритъ онъ — разной породы суть и по оному разныя науки и услуги себѣ и своимъ дѣтямъ избирать склонность имѣютъ, такъ и языки должны полезные и нужные къ тѣмъ наукамъ и услугамъ избирать. Напр., кто хочетъ сына своего въ духовенство привести, то необходимо нужно ему: 1) еврейскій, на которомъ ветхій законъ писанъ; 2) греческій для того, что на ономъ Новый Завѣтъ, соборы первые вселенскіе и помѣстные и всѣхъ Восточной церкви, и многихъ западныхъ учителей книги писаны; 3) латинскій, на которомъ наиболѣе нужныхъ священнику книгъ, яко реторическія, метафизическія, моральныя и ѳеологическія, находится. Но у насъ, хотя указомъ Петра Великаго по примѣру другихъ государствъ и по разсужденію нашего священства, шляхетству въ священникахъ

*) Какъ знатокъ русской исторіи, Татищевъ оговаривается, чтобы не почли его мнѣніе местію за вредъ сдѣланной латинянами православію. Интересенъ какъ образчикъ любознательности Татищева сообщаемый имъ здѣсь же фактъ: «Особую книжку: Ѣзду Кутухты Ламы въ рай и муку на калмыцкомъ языкѣ, чрезъ искуснаго переводчика доставъ, императорской академіи отдалъ».

*) Вопросъ 69.

быть опредѣлено, однакожъ до днесь ничего еще не видимъ. Мню, что никто первый быть не хочетъ или для того, что священство, для ихъ подлаго обхожденія и недостатка въ наукахъ, въ презрѣніи находится. Да и научась, получить оное, по обстоятельствамъ супружества, неблагонадежно, ибо кто женится по случаю не на дѣвицѣ, священства не достоинъ; и на исповѣди иногда передъ Богомъ лгать не хочетъ или, сказавъ правду, принужденъ будетъ немалыми деньгами докупаться. Да если бы то ему не помѣшало, то другое опаснѣе есть, что если по несчастью его жена погрѣшитъ или умретъ, то онъ уже священства лишится или принужденъ будетъ въ монашество противъ воли и возможности вступить. Еще же женатый, хотя сколько бы ученъ не былъ и благочестиво жилъ, въ чинъ епископства не допустится. И для того шляхетству учиться для духовнаго чина, кромѣ самой подлости *), не охотно. Однако же, ктобы какой филозовской наукѣ учиться хотѣлъ, то ему латинскій и греческій языки для знанія древнихъ филозовскихъ мнѣній весьма полезны; но понеже и на французскій языкъ почитай всѣ оные переведены и отъ разныхъ ученыхъ презрядными примѣчаніями изъяснены, то можно и симъ языкомъ довольну быть. Особливо же знатному шляхетству велико и бѣло-русскому **) нуженъ и полезенъ нѣмецкій языкъ для того, что онаго много въ Россіи подданныхъ, такожъ сосѣдственные намъ Пруссы, Германія и проч. Онаго мало же меньше нуженъ французскій языкъ, зане оной вездѣ между знатными употребляемъ и лучшія книги во всѣхъ шляхетству полезныхъ наукахъ на ономъ находятся; но Казанской губерніи шляхетству, хотя и оные языки для пріобрѣтенія науки полезны, но по сосѣдству и всегдашнему съ татары обхожденію—и татарскій, а другихъ губерній—сарматскіе (т. е. финскіе) языки нужны. Затѣмъ сосѣднихъ государствъ: китайскій, мунгальскій и турецкій не токмо тѣмъ, которые могутъ тамо быть, но и для пріобрѣтенія находящихся у нихъ собственныхъ наукъ и знанія ихъ исторій не безполезны». Такимъ образомъ татищевская теорія образованія вполнѣ совпадаетъ съ подмѣченнымъ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ стремленіемъ первой половины XVIII вѣка всякому сословію дать отдѣльное ему свойственное образованіе, стремленіемъ, коренящимся въ необходимыхъ потребностяхъ, созданныхъ реформою Петра, и давшимъ у насъ начало профессіональнымъ, сословнымъ школамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что гуманитарное образованіе, неимѣющее въ виду никакихъ практическихъ цѣлей, теоретически самая высокая форма образованія; можно спорить только о томъ, что положить въ основу такому гуманитарному образованію; но несомнѣнно также и то, что въ петровское время такому вопросу не было никакого мѣста. Петръ засталъ у насъ только одну (и то плохо еще прививавшуюся) форму образованія: схоластическое ученіе, представляющее испорченный классицизмъ. Оставить это образованіе, только порождающее гордость мнимымъ знаніемъ, Петръ не могъ: онъ сталъ заводить практическія школы, и къ этой-то мысли Петра въ ея основѣ — въ необходимости дать образованію практическій характеръ, въ особенности въ виду настоятельныхъ неотложныхъ потребностей жизни—пристаетъ и Татищевъ, самъ подобно и Петру, болѣе или менѣе автодидактъ, пріучившійся схватывать знанія на лету и требующій отъ ученія только передачи такихъ знаній, которыя могутъ быстрѣе повесть къ необходимой цѣли — практическому примѣненію. О той задачѣ, которую ставитъ наше время—о необходимости создать самостоятельное просвѣщеніе, взойдти самимъ къ источникамъ, изъ которыхъ въ началѣ черпали и другіе европейскіе народы — тогда и думать никому не приходило въ голову: тогда нужно было поскорѣе взять результаты и приложить ихъ къ русской почвѣ; о чистой наукѣ думать было рано: «довлѣетъ бо дневи злоба его».

*) Подлость, подлый народъ—низшее сословіе.

**) Бѣлоруссія, по Татищеву, нынѣшнія губерніи Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимірская, Рязанская; Великоруссія — Сѣверный край. См. статьи Татищева въ «Журн. Министерства Внутрен. дѣлъ». 1839.

Только наше время, нерѣдко забывающее, что во всякомъ великомъ историческомъ дѣлѣ съ добромъ смѣшивается и зло, т. е. зло можетъ истекать изъ великаго дѣла, если упорно держаться его начала и тогда, когда уже они перестаютъ быть плодотворными — только наше время—говорю—могло породить обвиненіе Петра въ томъ, что онъ, давая практическое направленіе образованію, убилъ будто бы классическое образованіе въ Россіи *). Будемъ же справедливы къ Петру и его сотрудникамъ, первымъ насадителямъ наукъ въ Россіи.

Мало вдаваясь въ разсужденіе о нравственныхъ обязанностяхъ, для яснаго пониманія которыхъ совѣтуетъ внимательно читать св. писаніе, Татищевъ останавливается только на обязанности почитать родителей, считая необходимымъ разъяснить этотъ пунктъ въ виду того, что онъ разстался своей женою, но отъ сына требуетъ уваженія къ ней. Болѣе онъ останавливается на вопросѣ о бракѣ, вступать въ которой совѣтуетъ не ранѣе 30-ти лѣтъ. Противъ раннихъ браковъ, которые тогда поощрялись родителями и считались лучшимъ средствомъ удержать молодыхъ людей отъ безнравственности, Татищевъ возражаетъ на томъ основаніи, что въ случаѣ ранняго брака служебныя отлучки охлаждаютъ любовь, что такимъ образомъ люди себя «много ко пріобрѣтенію науки и черезъ службу въ непсканіи себѣ благополучія препятствуютъ; а паипаче многократно здравіе себѣ разрушаютъ». Выборъ невѣсты зависитъ отъ жениха, но слѣдуетъ посовѣтоваться въ этомъ случаѣ съ родителями. Выбирать невѣсту слѣдуетъ не по красотѣ, не по молодости (хотя и не слѣдуетъ брать старше себя) и не по богатству; но не слѣдуетъ брать жену ни ниже, ни выше себя общественнымъ положеніемъ: «Изъ подлости взятыя жены хотя бываютъ довольно милы и честнаго житія; но ихъ родственники за подлость непріятны, презрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ-бы оныя достаточны ни были: честные дворяне великое отвращеніе имѣютъ. Хотя отцы ихъ по своему природному коварству иногда и въ чиновныхъ людяхъ бываютъ; однако-жъ всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище; а великородные иногда гордостію надменны, и супругамъ уничтожительны являются». Жену должно любить, быть ей вѣрнымъ, не ревновать и обращаться съ нею кротко, хотя и не позволять ей завладѣть собою. «Если-бы—разсуждаетъ Татищевъ—что тебѣ и противно показалась, не надобно скоро и запальчиво поступать, но добрымъ порядкомъ тайно разсужденіемъ отъ того отвратить и на лучшіе поступки наставить, а не разглашать, ниже вида невѣрности другимъ показывать. Паче же имѣя то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ, такъ и тебѣ къ ней должно быть». Съ женою слѣдуетъ сообща воспитывать дѣтей, управлять домомъ. Свои разсужденія о брачной жизни Татищевъ заключаетъ двумя совѣтами: «Не дѣлай свадебной церемоніи, чтобы не сдѣлать изъ себя живой картины, какъ мыши кота погребаютъ. По сочетаніи-жъ брака, ежели хочешь спокойной жизни, то ханжей, бродягъ, и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстопошей, какъ злѣйшаго яда, берегись, и елико возможно такихъ отъ дома своего пристойнымъ образомъ отлучай, какъ-бы оныя тебѣ утѣшны ни казались, ибо отъ нихъ всегда поношеніе, ссоры съ друзьями и несогласіи между супружествомъ, однимъ словомъ сказать, кромѣ вреда ничего добраго небываетъ; сіи звонкіе колокольчики за деньги нетокмо тебя, но и себя продать въ состояніи».

Нравственные совѣты Посошкова переносятъ насъ не только къ другой степени образованія, но и въ другую сферу житейскую. Онъ совѣтуетъ сыну прежде всего соблюдать цѣломудріе. Его совѣты въ этомъ отношеніи напоминаютъ во многомъ подобныя-же наставленія древней Руси. За тѣмъ онъ требуетъ отъ сына смиренія—другой добродѣтели, которую проповѣдывали усердно въ древней Руси. «Никакого человѣка дуракомъ не называй—говоритъ онъ—но передъ всѣми себя смиряй, а повыситися ни передъ каковыми и самыми простыми людьми

*) Такое обвиненіе слышали очень многіе въ одномъ ученомъ собраніи года четыре тому назадъ.

не моги, понеже гордымъ Богъ противится, смиреннымъ-же даетъ благодать свою». Настаивая на необходимости смиренія и милосердія, Посошковъ требуетъ милосердія и къ животнымъ: «егда научишися миловать и скоты, то уже устыдишися не жаловати человѣка»; онъ считаетъ даже грѣхомъ срубить безъ нужды дерево. Какъ уживались такія кроткія воззрѣнія съ безжалостнымъ отношеніемъ къ еретикамъ и вообще всякимъ преступникамъ, это одна изъ тайнъ человѣческой природы, до извѣстной степени объяснимая состояніемъ умственнаго развитія. Нельзя однако не замѣтить, что подобное ученіе должно было плодотворно дѣйствовать въ средѣ общества, непривыкшаго себя сдерживать и должно было съ особенною настойчивостью приниматься тѣми, которые всегда могли ждать противъ себя несправедливыхъ, не всегда даже на корысти, а часто на капризѣ основанныхъ дѣйствій. Мы знаемъ, что Посошковъ видѣлъ надъ собою подобную грозу и стало быть понималъ какъ-бы хорошо, если-бы всѣ люди были благосклонны другъ къ другу и какъ важно быть смиреннымъ на свѣтѣ. Татищеву, еслибы даже подобныя разсужденія и пришли въ голову, не зачѣмъ было на нихъ долго останавливаться: общія нравственныя правила можно было найти въ тѣхъ книгахъ, на которыя онъ указывалъ; а ему важнѣе были результаты его житейскаго опыта, и самъ по себѣ онъ не былъ человѣкомъ мягкимъ, да и по своему положенію чувствовалъ потребность болѣе въ энергіи. Учить же сгибаться передъ людьми, которые поставлены выше, онъ не считалъ необходимымъ: сама жизнь научитъ; да гордому человѣку трудно было и признаться въ этой необходимости, хоть и случалось подчиниться ей; конечно и Татищевъ говоритъ противъ гордости, но касается этого вопроса слегка: «первая есть степень — говоритъ онъ — глупости гордость и роскошь. Не меньше того презрѣнія достойна и скупость» и совѣтуетъ избѣгать этихъ пороковъ: подъ гордостью разумѣется спѣсь; а смиренія, какое могъ имѣть въ виду Посошковъ, Татищевъ нигдѣ не предписывалъ. О бракѣ Посошковъ распространяется и не рѣдко впадаетъ въ такія разсужденія, которыя въ наше время становятся невозможными въ печатной книгѣ, а тогда во время простодушное, были обычными. Жениться онъ совѣтуетъ въ избѣжаніе грѣха раньше. Наставленія его о сватаніи чрезвычайно характерны для быта: онъ совѣтуетъ сыну не сватать за разъ нѣсколько невѣстъ, «понеже дѣвица такой-же человѣкъ, какъ и ты, а не лошадь»; выбирать невѣсту надо не за красоту лица, а за хорошій нравъ: стараться ее увидѣть не на смотринахъ, а случайно; выбирать надо равную себѣ или даже низшую: «жена мужемъ честна, а не мужъ женою». На свадьбу не слѣдуетъ пускать колдуна и вообще беречься отъ порчи: по этому «брака своего — говоритъ Посошковъ — тайно не твори, но приведи свою обручницу ко святой церквѣ, къ литургіи, и послѣди литургіи при всемъ народѣ начни вѣнчаться». Жить съ женою слѣдуетъ въ мирѣ, учить дѣтей вѣрѣ и грамотѣ, но небаловать ихъ: не водить въ роскошныхъ одеждахъ, не пріучать къ лакомству и отстранять отъ легкомысленной жизни, за покушеніе къ которой сына слѣдуетъ строго наказать: «то ты и ребра ему сокруши». А такимъ покушеніемъ считается шутка съ молодыми дѣвушками. Такъ сказывается въ Посошковѣ до-петровская Русь.

Главное назначеніе дворянина или шляхтича, по понятію нашихъ дѣдовъ, была служба, потому Татищевъ въ своей духовной много говоритъ о службѣ. Онъ начинаетъ свои правоученія общими замѣчаніями, весьма характеристическими для оцѣнки его взглядовъ и дѣятельности. «Въ службѣ государя и государству — говоритъ онъ — долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ; такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной прилежать, и государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобой власти, честь и повиновеніе отдавать». «Если на тебя случится гнѣвъ государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ, или по невинному оклеветанію отъ кого, терпишь и пріемли съ благодареніемъ яко отъ Бога посланное наказаніе». «Главное же повиновеніе въ томъ

состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда-бы тебя не опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи». «Что-же до вѣрности и ревности къ службѣ государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ опасностямъ и горестямъ подвержены для того, что отъ вины плутовъ, хищниковъ и прихоть преисполненныхъ не нависть, клеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ». «Не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразумно вѣрность храни и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай; съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда несогласуйся». Въ примѣръ гибели отъ подобныхъ взглядовъ указывается на попытку верховниковъ. «Паче всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай; всего же болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся, чтобъ нечаяно изъ тебя не вывѣдали». «Никогда о себѣ не воображай, чтобъ ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя обойтиться будетъ невозможно и о другихъ того не думай: знай что такихъ людей Богъ въ свѣтъ не создавалъ».

Для шляхтича предстоитъ три пути дѣятельности: служба военная, гражданская и придворная; въ духовенство рѣдко поступаетъ шляхетство и то черезъ монашество; «токмо нынѣ—прибавляетъ Татищевъ—наши дворяне хотя бъ кто престарѣлыхъ лѣтъ былъ и неимѣющій никакого пропитанія, монахомъ быть никакой склонности не имѣютъ, сіе для такихъ людей весьма не похвально». Военная служба считается первою для шляхетства, но въ нее надо поступать не моложе 18-ти и не старѣе 25-ти лѣтъ; очень молодому человѣку служба военная можетъ быть вредна для здоровья и онъ можетъ «между подлостію» благонравіе потерять; но дурно и долго не поступать въ военную службу: «коли кто долго въ домѣ удержится и къ домашнему обхожденію, и болѣе своевольству привыкаетъ, то ему подъ властію быть, послушаніе и прилежность изъявить и себѣ произвожденіе пріобрѣсти весьма трудно является». Воину, по мнѣнію Татищева, не нужно ни опрометчивой храбрости, ни робости, а «надлежитъ посредство хранить, чтобы въ передъ не вырываться и назади не оставаться; за тѣмъ прилежать отъ начальниковъ почтеніемъ и послушаніемъ, а отъ подвластныхъ ласкою и благоразуміемъ почтеніе и любовь пріобрѣсти». За военною службою слѣдуетъ гражданская. Татищевъ считаетъ ее самою важною, «ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія, ничто же въ добромъ порядкѣ содержано быть не можетъ, и въ ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ потребно; для того нужно градоправителю законы и состояніе своего государства обстоятельно знать и разумѣть изъ чего можетъ вредъ и польза приключиться». По этому онъ хвалитъ мѣры Петра: опредѣлить при коллегіяхъ и посланникахъ юнкеровъ (т. е. молодыхъ людей для обученія), въ секретари назначать изъ шляхетства; въ столицахъ и губерніяхъ сдѣлать гражданскія должности выборными и опредѣлять въ гражданскую службу лицъ довольно послужившихъ въ войскахъ или по слабости здоровья къ военной службѣ неспособныхъ; не одобряетъ же онъ того, что многіе отставленные отъ военной службы за пьянство и другіе пороки опредѣлены въ гражданскую: «можетъ ли сіе ихъ управленіе полезнымъ быть?» — говоритъ онъ и продолжаетъ: «чего же ради сіе дѣлается я не разумѣю и разсуждать не могу». Въ гражданской службѣ Татищевъ требуетъ правосудія и при этомъ развиваетъ уже извѣстную намъ теорію вознагражденія; другимъ условіемъ хорошаго управленія онъ считаетъ доступность правителя челобитчикамъ. «Для чего у меня—прибавляетъ онъ—никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ». Правитель не долженъ поддаваться просьбамъ своихъ знакомыхъ и пріятелей, которые стали бы передъ нимъ хлопотать о чемъ-нибудь, и особенно не слѣдуетъ поддаваться

своему секретарю. Татищевъ такъ далеко простираетъ свое недовѣріе къ секретарямъ, что совѣтуетъ даже тогда, когда совѣтъ его справедливъ, исполнять его не сейчасъ, чтобъ онъ не подумалъ, что вполнѣ овладѣлъ начальникомъ. «Когда жъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненный, не алчный и справедливый человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отличнымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай». Много вредятъ также правителямъ безсовѣстные товарищи и потому надо къ товарищамъ приглядываться. Совѣтуя останавливать подчиненныхъ отъ дурныхъ поступковъ разговоромъ на единѣ, Татищевъ считаетъ лучшимъ удалить того, кто не нравится, а не заводить съ нимъ ссоры и не жаловаться на него. Придворная служба многими считается почетною, но Петръ В. не цѣнилъ ее; и хотя при Аннѣ она была возвышена, но Татищевъ не совѣтуетъ сыну въ нее поступать, «понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едва ли не все вмѣсто добродѣтели происходитъ; а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, не смотря на то, что губятъ невинныхъ». Въ 50 лѣтъ дворянинъ, — по мнѣнію Татищева, — долженъ поселиться въ деревнѣ и заняться хозяйствомъ *). Его совѣты по этому вопросу разсмотримъ вмѣстѣ съ «Экономическими записками».

Посошковъ тоже дѣлаетъ обозрѣніе разныхъ житейскихъ положеній, въ которыя можетъ попасть его сынъ: такъ онъ обозрѣваетъ положеніе земледѣльца, раба, ремесленника, купца, солдата, офицера, крестьянина, нищаго, судью и подъячаго. Была кажется и глава о духовенствѣ, но она не дошла до насъ. Совѣтуя сыну оставаться хорошимъ человѣкомъ во всѣхъ этихъ положеніяхъ и всюду сохранять смиреніе, Посошковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ (офицерства и судейства) предостерегаетъ отъ угнетенія другихъ. Мѣстами онъ вдается въ спеціальные совѣты. Такъ въ офицерствѣ о стрѣльбѣ въ цѣль, къ чему онъ не разъ обращался въ другихъ своихъ сочиненіяхъ; въ купечествѣ о томъ, чтобы не мѣшать торговлѣ другъ друга; въ судействѣ подробно говоритъ о допросахъ и т. п.

Сопоставивъ два эти сочиненія, мы нисколько не думали сравнивать двѣ одинаковыя величины; мы очень хорошо понимали, что авторы ихъ различаются и своимъ личнымъ характеромъ, и степенью образованія, и общественнымъ положеніемъ; но мы думали, что ихъ сопоставленіе не лишено интереса въ томъ отношеніи, что показываетъ, какая разница между человѣкомъ стараго русскаго образованія, хотя и сочувствующимъ реформѣ, и человѣкомъ образованнымъ уже по европейски, хотя отъ того непереставшимъ быть русскимъ. Не вдаемся въ дальнѣйшія разсужденія, полагая, что дѣло само по себѣ ясно.

Въ «Экономическихъ запискахъ» Татищева, а отчасти въ «Духовной», высказывается его идеалъ хорошаго хозяина и попечительнаго о крестьянахъ помѣщика. Невполнѣ одобряя крѣпостное право, онъ считаетъ однако отмѣну его невозможною. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу въ примѣчаніяхъ къ «Судебнику»: «Вольность крестьянъ и холопей хотя во всѣхъ европейскихъ государствахъ узаконенная и многую въ себѣ государствамъ пользу заключаетъ, что можетъ и у насъ тогда (т. е. при Иванѣ Грозномъ) отъ обычая пользовало (приносило пользу), особливо когда крестьяне безпутными отчинниками утѣсняемы и къ побѣгамъ ихъ разоренiемъ понуждаемы не были». «Тогда въ добрыхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителяхъ мы такого недостатка не терпѣли бы; но оное съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить небезопасно, какъ то при царѣ Борисѣ и Василіѣ отъ учиненія холопей невольными

*) Говоря о необходимости по ослабленію здоровья оставить службу въ 50 лѣтъ, Татищевъ прибавляетъ: «Весьма остерегайся того, чтобъ тебя безъ прошенія отъ службы не отставили; сіе для честнаго и благороднаго человѣка стыдъ и поношеніе: одни только скоты сего наказанія не ощущаютъ. И для того лучше отстать по своей волѣ нежели съ нареканіемъ продолжать службу и отъ того терпѣть стыдъ и поношеніе».

приключилось» *). Признавая такимъ образомъ крѣпостное право необходимымъ зломъ, Татищевъ старается въ «Экономическихъ запискахъ» и «Духовной» устроить эти отношенія такъ, чтобы польза помѣщика тѣсно соединялась съ пользою крестьянъ. На отношенія помѣщика къ крестьянамъ Татищевъ переноситъ во всей его полнотѣ идеалъ XVIII в. отношеній правительства къ подданнымъ: по идеямъ, господствовавшимъ въ началѣ XVIII в. и прилагаемымъ у насъ Петромъ В., правительство принимало на себя обязанность опеки надъ всѣми нравственными и матеріальными интересами подданныхъ; частному почину открывался только путь, указываемый правительствомъ. Понятіе экономической свободы, неимѣвшее тогда никакого приложенія къ государству и даже до физіократовъ и Адама Смита не вошедшее въ сознаніе, менѣе всего могло быть приложено къ быту помѣщичьихъ крестьянъ. Отъ того то, въ тогдашнихъ воззрѣніяхъ на отношенія попечительнаго правительства къ подданнымъ, Татищевъ находитъ идеалъ отношеній попечительнаго помѣщика къ своимъ крестьянамъ. Во взглядахъ на этотъ вопросъ сходится съ нимъ и Волынскій въ своей «Инструкціи дворецкому Нѣмчинову объ управленіи дому и деревень»**). Заботясь о нравственномъ благосостояніи крестьянъ, Татищевъ совѣтуетъ имѣть попеченіе о благолѣпіи церкви и о пріобрѣтеніи ученаго священника, «который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо, гдѣ ты жить будешь; имѣй съ нимъ частое свиданіе; награди его безбѣднымъ пропитаніемъ деньгами, а не пашнею, для того чтобы отъ него навозомъ не пахло: голодный, хотя бы и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ неприлично и черезъ то надлежащее почтеніе теряютъ *). А крестьяне живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидятъ, подводя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучатъ и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ». Указавъ на то, что при исповѣданіи всѣхъ въ одинъ великій постъ священникъ не имѣетъ времени поучить всѣхъ въ вѣрѣ, Татищевъ совѣтуетъ раздѣлить крестьянъ по постамъ и продолжаетъ: «а невѣжды, лѣнивые и неученые попы, получая отъ крестьянъ алтыны, мирволютъ и совсѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ; къ тому жъ, почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одни только имъ разсказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво, сидѣть вино, ѣдить и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого и помышленія не имѣютъ. А потомъ пьяные, поссорясь, стараются крестьянъ научить отнять у сосѣда землю; зная, что съ земли платежа въ казну никакого нѣтъ, владѣть будутъ безъ убытка и вѣдая что челобитьемъ искать на обидчикѣ и вѣку человѣческаго не достанетъ; а хотя по суду и изобличенъ будетъ, однако останется своимъ пропыреством безъ надлежащаго наказанія»**). Недовольствуясь только устными наставленіями пастыря, Татищевъ приказываетъ въ своихъ вотчинахъ учить грамотѣ: «а крестьянскихъ ребятъ—говоритъ онъ—отъ 5 до 10 лѣтъ учить грамотѣ и писать, какъ мужскаго и женскаго пола, чрезъ что оные придутъ въ

*) Прим. къ § 27. Любопытно, что, различая въ началѣ крестьянъ отъ холопей, въ концѣ Татищевъ называетъ крестьянъ, о которыхъ только и шла рѣчь, холопями, некогда бывшими рабами.

**) «Москвитянинъ», 1854; №№ I, 2.

*) Еще Посошковъ («Сочиненія» 1. 23) совѣтовалъ освободить сельское духовенство отъ пашни и положить на прихожанъ давать на содержаніе духовенства 1/10 своего дохода. Волынскій въ своемъ «Разсужденіи о поправленіи государственныхъ дѣлъ» предлагалъ: «учредить по приходамъ сборъ для содержанія священниковъ, недопуская ихъ до необходимости заниматься хлѣбопашествомъ» («Зап. объ Арт. Волынскомъ», 155 въ «Чт. въ общ. Ист. и Др.» 1858. II); а въ «Инструкціи» предписываетъ отбирая изъ всего 1/10, продавать и употреблять на церковь и на призрѣніе дряхлыхъ, вдовъ и т. п. (пунктъ X): сахъ Татищевъ въ «Запискѣ» 1730 г. рекомендуетъ разсмотрѣть доходъ духовенства, чтобъ деревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами, бы не пахали («Утро», 377).

**) «Духовная», 49—51.

познаніе закона»; а отъ 10 до 15 лѣтъ учить разнымъ нужнымъ въ крестьянствѣ мастерствамъ «дабы ни одинъ безъ рукодѣлія не былъ, а особливо зимою оныя могутъ безъ тяжкой работы получить свои интересы, и въ томъ отъ нихъ не принимать никакого оправданія и всевозможными силами къ тому ихъ принуждать и обучать надлежитъ» *). Волынскій тоже заботится объ образованіи крестьянъ: велитъ раздать священникамъ по своимъ вотчинамъ народныхъ книжекъ Ѳеофана и обучать нѣсколькихъ мальчиковъ грамотѣ, и также мастерствамъ **). Принимая на себя обязанность заботиться о нравственномъ здравіи своихъ крестьянъ, Татищевъ считалъ нужнымъ заботиться и о тѣлесномъ и совѣтуетъ сыну имѣть въ деревнѣ лекаря и покой для пріема больныхъ, а также для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ***). Волынскій тоже считаетъ необходимымъ призирать на своемъ дворѣ старыхъ, увѣчныхъ и сиротъ ****). Если уже помѣщикъ принялъ на себя заботу о крестьянахъ, то логически онъ долженъ опредѣлить весь строй ихъ жизни. Такъ и понялъ это Татищевъ и даетъ пространное наставленіе, обнимающее весь образъ жизни крестьянина и весь его обиходъ. Мы теперь, зная что подобныя наставленія не приносятъ большой пользы и что вообще обычаи не истребляются и не укореняются наставленіями, не должны однако смотрѣть ни съ насмѣшкою, ни съ негодованіемъ, на подобныя воззрѣнія нашихъ дѣдовъ и отцовъ, а изучать ихъ какъ любопытный фактъ. «Каждый день—говоритъ Татищевъ—необходимо всякій добрый крестьянинъ долженъ по утру встать зимою и лѣтомъ въ 4 часа по полуночи, обуться, одѣться, умыться, голову вычесать, отдать Богу долгъ принести молитву, потомъ осмотрѣть свою скотину и птицъ накормить, хлѣвы вычистить, коровъ выдоить, послѣ того дѣлать разную по времени надлежащую работу до 10 часовъ; а потомъ обѣдать, а въ 12 часу поить всякій скотъ и птицы и доить коровъ; а сдѣлавъ то, взять роздыхъ лѣтомъ до 4 часу по полудни, потомъ надлежитъ умыться и ужинать; а въ 5 начать производить съ поспѣшеніемъ надлежащую работу до 10 часу по полудни; послѣ того должно убрать съ поля скотину и птицъ, коровъ выдоить, а въ ночь лѣтомъ корму недавать; сдѣлавъ оное, отблагодаря Бога, спокойно можетъ спать. Зимою же работу производить такимъ же образомъ съ раздѣленіемъ тѣмъ: обѣдать въ 12 часу, ужинать въ 9 часу пополудни, по холодному времени кромѣ 12 часу весь день производить работу; въ субботу по полудни идти въ баню, гдѣ обрѣзовать ногти у рукъ и у ногъ; а въ воскресеніе и торжественные праздники, кромѣ пустыхъ крестьянскихъ, должны быть въ церкви слушать божественную литургію въ бѣлыхъ рубашкахъ и во всякомъ опрятствѣ» *). Совѣтуетъ даже крестьянину имѣть у себя перину и разводить въ огородѣ разныя овощи, чтобы «отъ скота имѣть различіе въ своемъ покоѣ» и «различить себя отъ скота въ нищѣ». Крестьянинъ долженъ имѣть у себя въ домѣ опредѣленную посуду. «А кто сего вышеписаннаго въ домѣ своемъ имѣть не будетъ — прибавляетъ Татищевъ **)—таковыхъ отдавать другому въ батраки безъ заплаты, который будетъ за него платить всякую подать и землею его владѣть, а его лѣнивца будетъ имѣть работникомъ, пока онъ заслужитъ добрую похвалу». Далѣе опредѣляются признаки лѣниваго крестьянина, между которыми указывается и нечистота въ избѣ и неимѣніе квасу и печеніе дурнаго хлѣба. Волынскій приказываетъ ежегодно пересматривать достатки крестьянъ, обѣднѣвшихъ отъ лѣни наказывать, но давать ссуды, а если это не поможетъ, то брать во дворъ въ конюхи***). Прикащику Татищевъ поручаетъ смотрѣть и за работою и за поведеніемъ крестьянъ: «всего наипаче—говоритъ онъ ****)—смотрѣть надле-

*) Экон. Запис. (Врем. XII), 18.
**) Пунктъ II.
***) «Духовная», 55.
****) Пункты XI и XII.

*) Эконом. Зап., 27.
**) Тамъ-же, 28.
***) Пунктъ XIV.
****) Эконом. Зап., 20. Замѣтимъ, что въ выпискахъ мы не касаемся техническихъ подробностей работъ, а только обозначаемъ общее направленіе.

житъ дабы лѣтомъ во время работы ни малой лѣности и дневнаго покоя крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ однихъ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы, неторжествовать, понеже лѣнивые крестьяне ни о чемъ больше неекутся, какъ только узнать больше праздниковъ. И для того работу производить начавъ съ вечера ночью и поутру, а въ самое жаркое время отнюдь не работать, ибо какъ людямъ, такъ и лошадямъ оное весьма вредно». «Необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и прикащику съ великою строгостью и прилежностью обращаться надлежитъ, пока хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянской. Работу жъ производить, сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а недавать имъ то на волю; какъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, то не смотрятъ за крестьянской работой, когда они обращаются къ собственной работѣ, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходятъ, а послѣ произносятъ на судьбу жалобу. Когда жъ убранъ будетъ съ поля весь хлѣбъ, то староста и прикащикъ неимѣетъ ихъ больше къ работѣ принуждать, и долженъ имъ дать покой нѣсколько времени; а за труды ихъ, выбравъ свободный день и собравъ всѣхъ, напоить и накормить изъ боярскаго кошта. А въ зиму ревизуетъ художниковъ, что кто сдѣлалъ для своей продажи и не были ль праздны, понеже эти праздности крестьяне не только въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умираютъ: спятъ довольно, ѣдятъ много, а неимѣютъ муціону». Прикащикъ долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы у крестьянъ было скота не менѣе опредѣленнаго. «Крестьянинъ не долженъ продавать хлѣбъ, скота и птицъ лишнихъ кромѣ своей деревни, а когда купца нѣтъ, то долженъ купить помѣщикъ повольною цѣною; а когда помѣщикъ купить не захочетъ, тогда вольно продать постороннему. А кто безъ вѣдома продастъ или къ работѣ лѣнивъ будетъ, тѣхъ сажать въ тюрьму *) и недавать хлѣба двои или трои сутки. А особливо вражды, ссоръ и дракъ между собою отнюдь не имѣть подъ жестокимъ наказаніемъ». «А кто въ томъ виновенъ явится, или какимъ злодѣемъ себя окажетъ, то штрафовать денежнымъ штрафомъ, и сверхъ того чинить наказаніе: не давать пить и ѣсть время, смотря по винѣ, до трехъ дней. Прикащикъ же ни подъ какимъ видомъ недолженъ имѣть присѣвокъ или пашню, кромѣ своего дохода, положеннаго отъ помѣщика; а можетъ держати скотъ на барскомъ корму, сколько ему позволено будетъ, а лучше содержать прикащика деньгами. Крестьянъ въ чужую деревню въ батраки и пастухи не пускать и въ свою непринимать; вдовъ и дѣвокъ на выводы недавать подъ жестокимъ наказаніемъ, понеже отъ того крестьяне въ нищету приходятъ: всѣ свои пожитки выдаютъ въ приданое и тѣмъ богатятъ чужія деревни. Въ своей деревнѣ между собою кумовства не имѣть, за тѣмъ чтобъ было можно жениться. Крестьянъ старыхъ и хворыхъ мужеска и женска пола по міру не пущать, а опредѣлять ихъ въ домовую богадѣльню, которыхъ поить и кормить боярскимъ коштомъ. Прикащикъ долженъ имѣть годовой ежедневный журналъ что когда сдѣлано и за чѣмъ когда работы небыло. На барскомъ дворѣ имѣть каждую ночь карауьщиковъ по 3 человѣка съ рогатинами. Естьли же наче чаянія въ случаѣ недорода хлѣба, или въ дороговизнѣ, долженъ всякій прикащикъ у крестьянъ весь хлѣбъ ихъ собственный заарестовать и продавать имъ запретить, дабы они въ самую крайнюю нужду могли тѣмъ себя пропитать, чрезъ что можно ихъ удержать въ случаѣ крайней нужды отъ разброду». «Всякому помѣщику—говоритъ Татищевъ—должно имѣть на пашнѣ деревни въ одномъ мѣстѣ для того, чтобъ самъ всю экономію могъ видѣть, а прочія имѣть на оброкѣ по разсмотрѣнію своихъ дачь и всякихъ угодьевъ. Ежели онъ помѣщикъ самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ, то, отдавъ всю землю и всякія угодья крестьянамъ, пользу себѣ получить симъ положеніемъ полезнѣе, нежели заочно содержать прикащика или старосту». Затѣмъ, исчисливъ поборы, собираемые съ крестьянъ на-

*) Татищевъ предписываетъ въ деревнѣ имѣть «для винныхъ людей тюрьму» (тамъ-же, 20).

турою, онъ прибавляетъ: «и ежели довольно земли, луговъ и лѣсовъ, чтобы не менѣе было на каждое тягло въ поле трехъ десятинъ мужу съ женою, то за все вышеописанное въ состояніи будетъ заплатить каждое тягло безъ тягости въ годъ помѣщику 10 р.» *). Къ умноженію доходовъ помѣщиковъ служитъ винокуреніе и продажа вина, потому какъ Волынскій желалъ**), чтобы винокуреніе предоставлено было исключительно шляхетству (тогда право это принадлежало помѣщикамъ и винным подрядчикамъ ***), такъ и Татищевъ стоитъ за вольную продажу вина, которою пользовалось бы шляхетство. Въ «Духовной» онъ совѣтуетъ сыну въ случаѣ, если правительство спроситъ дворянство желаетъ ли оно вольной продажи вина, не останавливаться даже на томъ, что потребуется въ такомъ случаѣ новый поземельный сборъ. «Сія—говоритъ онъ ****)—прямая есть должность дворянская, и общенародная въ томъ польза разведеніемъ скота, а отъ большаго навоза урожаемъ хлѣба. Цѣловальники жъ, чумаки, подпощики, смотрители, повѣренные, кабацкіе головы и самые главные откупщики, которыхъ числомъ всѣхъ въ государствѣ болѣе 5000 человѣкъ праздноживущихъ хлѣбоядовъ и сжегодной саранчи, всѣ тѣ тунеядцы войдутъ къ своимъ мѣстамъ; а многіе изъ нихъ прямо сознаютъ чьи они прежде были; беззаконно прижатые и бѣглые разные люди опредѣлятся къ прямымъ должностямъ; напротивъ же того, въ городахъ бѣдные жители, вдовы, солдатскія жены и дочери, отъ вольной продажи будутъ получать свое безгрѣшное содержаніе». Даже примѣромъ другихъ государствъ (Швеція) Татищевъ доказываетъ, что и пьянства будетъ тогда меньше.

Отъ управленія деревнями Татищевъ переходитъ къ управленію домомъ. Начинаетъ онъ разсужденіемъ объ экономіи: совѣтуетъ каждому откладывать $^1/_5$ часть дохода на непредвидѣнные случаи. Человѣкъ, получающій 1000 р. дохода, можетъ, по его мнѣнію, имѣть прислуги 9 человѣкъ мужчинъ (камердинеръ, поваръ, ученикъ его, кучеръ, форейторъ, два лакея, истопникъ, работникъ), 3 женщины (1 на верху, бѣлую прачку, работную), карету и четверку лошадей.

Не останавливаясь на обязанности каждаго изъ прислужниковъ, укажемъ только общія замѣчанія: «Необходимо должны въ домъ всѣ люди взяты быть изъ поваровъ (вѣроятно, потому, что Татищевъ отъ повара прежде всего требуетъ опрятности), и каждый день быть убраны и напудрены, въ башмакахъ, въ обѣды и ужины всѣ быть у стола». «Сѣрыхъ кафтановъ и нагольныхъ шубъ никому не имѣть, у каждаго должна быть постель и одѣяло, пара платья и епанча, и зимою могутъ подъ камзоломъ носить фуфайки байковыя для тепла, три рубашки, всѣ должны умѣть грамотѣ, партесъ пѣть и на музыкѣ играть; жалованья давать на каждаго не менѣе трехъ рублей въ годъ, дабы оные всѣмъ были довольны, и за тѣмъ наказывать за вину нещадно: одна милость безъ наказанія быть не можетъ по закону божію». «Никакой пьяница и воръ во дворѣ терпимъ (быть) не можетъ, и какъ можно стараться его изъ числа дворовыхъ людей исключить, хотя бы какъ онъ надобенъ не былъ, ибо отъ того великое поношеніе и разореніе господинъ его терпѣть долженъ. Какъ уже извѣстно, что отъ пьянства всякая бѣда произойти можетъ: пожаръ, воровство, убивство, однимъ словомъ сказать всему злу корень». Таковы должны быть, по мнѣнію Татищева, отношенія между помѣщикомъ и его крѣпостными, и въ деревнѣ и во дворѣ. По тогдашнимъ понятіямъ, онъ является въ своихъ наставленіяхъ добрымъ и человѣколюбивымъ помѣщикомъ, который заботится не только о своихъ интересахъ, но и объ интересахъ подвластныхъ ему людей. Большаго отъ его времени и требовать было нельзя.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

*) Эконом. Зап. 29 и 30.
**) Зап. объ Арт. Волынскомъ; 155.
***) П. С. З. VIII, № 5342.
****) «Духовная», 81.

ССЫЛКА ПРУССКАГО ПОЧТЪ-ДИРЕКТОРА ВАГНЕРА ВЪ СИБИРЬ.

(1759—1763).

Въ 1759 году наши войска заняли все королевство прусское, жители котораго приносили присягу на вѣрноподданство императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а всѣ государственные доходы королевства велѣно было сбирать въ пользу русской казны. Между тѣмъ нѣкоторые изъ прусскихъ чиновниковъ, оставаясь вѣрными прежнему королевскому правительству, сносились съ нимъ секретно и пересылали тайкомъ въ его распоряженіе, поступавшіе къ нимъ казенные доходы. Къ числу такихъ чиновниковъ принадлежалъ и почтъ-директоръ въ Пилавѣ Іоганъ-Людвигъ Вагнеръ. На него, однако, былъ сдѣланъ доносъ инспекторомъ-отъ-строеній Лангомъ и онъ, какъ нарушившій присягу, данную имъ русской императрицѣ, былъ признанъ государственнымъ преступникомъ и дорого поплатился за это.

О жизни Вагнера до захвата его русскими ничего намъ неизвѣстно, а по возвращеніи его изъ Россіи въ Пруссію онъ горько жаловался на то, что королевскимъ правительствомъ были забыты оказанныя имъ услуги, за которыя,— какъ писалъ онъ—если бы только знали о нихъ русскіе, его непремѣнно подвергли бы смертной казни. Король вознаградилъ Вагнера за всѣ перенесенныя имъ страданія только предоставленіемъ ему должности почтъ-директора сперва въ Пилавѣ, а потомъ въ Грауденцѣ. Находясь на этомъ послѣднемъ мѣстѣ, Вагнеръ написалъ свои воспоминанія о Россіи и издалъ ихъ въ 1789 году въ Берлинѣ подъ заглавіемъ: «Johann Ludwig Wagners Schicksäle während seiner unter den Russen erlittenen Stadtgefangenschaft in den Jahren 1759 bis 1763, von ihm selbst beschrieben und mit unterhaltenden Nachrichten und Beobachtungen über Sibirien und das Königreich Casan durchiebt», т. е. «Участь Іогана-Людвига-Вагнера, испытанная имъ во время государственной его ссылки русскими отъ 1759 до 1763 г, описанная имъ самимъ съ присовокупленіемъ дополнительныхъ свѣдѣній и наблюденій о Сибири и царствѣ Казанскомъ». Книга эта заключаетъ въ себѣ не поденныя записки, но только воспоминанія о времени, проведенномъ Вагнеромъ въ Россіи или, говоря точнѣе, въ Сибири. Она, какъ надобно полагать, возбудила интересъ за границей, потому что, на другой же годъ послѣ своего появленія въ Берлинѣ, была переведена на французскій языкъ и издана въ Бернѣ. Переводъ однако былъ крайне неудовлетворителенъ какъ въ отношеніи вѣрности съ подлинникомъ, такъ и полноты. Вагнеръ, заявляя о несомнѣнной достовѣрности внесенныхъ въ его книгу фактовъ, а также и о томъ, что онъ не пользовался записками другихъ путешественниковъ, проситъ снисхожденія читателей только въ отношеніи географическихъ данныхъ, которыя могутъ оказаться у него не точными.

Разсказъ о своей невольной побывкѣ въ Сибири, Вагнеръ начинаетъ съ того, что 25 февраля 1759 года, въ 10 часовъ вечера, когда онъ аккомпанировалъ на клавесинѣ пѣнію своей сестры, въ комнату къ нимъ вошелъ русскій маіоръ фонъ Виттксе, въ сопровожденіи плацъ-маіора Репнина. На вопросъ Вагнера, что вызвало посѣщеніе маіора въ такую позднюю пору? послѣдній отвѣчалъ, что коменданту нужно сейчасъ же имѣть четыре почтовыя лошади и карету и что онъ объ этомъ хочетъ лично переговорить съ Вагнеромъ. Вагнеръ попытался-было уклониться отъ свиданія съ русскимъ ко-

мендантомъ, но тогда маіоръ Витткзе прямо объявилъ ему, что онъ арестованъ. Вагнеръ долженъ былъ покориться военной силѣ; его вывели изъ дому, посадили въ карету и подъ сильнымъ конвоемъ отвезли въ Кенигсбергъ, гдѣ и засадили въ Фридрихсбургскую цитадель, гдѣ впрочемъ содержали его очень хорошо.

Спустя пятнадцать дней послѣ привоза Вагнера въ Кенигсбергъ, явился къ нему русскій генералъ баронъ Корфъ для допроса, при чемъ произведена была Вагнеру очная ставка съ Лангомъ; на ней этотъ послѣдній предъявилъ собственноручную записку Вагнера, въ которой тотъ просилъ Ланга разузнать, сколько находится русскаго гарнизона въ Гейлигенбейлѣ. Вагнеръ далъ такой оборотъ этой уликѣ, что будто онъ писалъ представленную ему записку только для шутки надъ Лангомъ, который, какъ болтунъ и хвастунъ, служилъ посмѣшищемъ даже для русскихъ офицеровъ. Такая отговорка Вагнера лишь вспылила Корфа и онъ разразился угрозами не только противъ арестанта, но и противъ самаго короля прусскаго. Далѣе Корфъ сталъ обвинять Вагнера въ пересылкѣ какого-то плана графу Гордту отъ капитана Шамбо. Вагнеръ, возражая на это обвиненіе, замѣтилъ, что при такой пересылкѣ онъ только исполнялъ свои служебныя обязанности, какъ почтамтскій чиновникъ, но объясненія эти не были приняты Корфомъ въ уваженіе. По прошествіи нѣкотораго времени, генералъ Корфъ и надворный совѣтникъ Клингенбергъ сняли съ Вагнера вторичный допросъ, на которомъ онъ опять ни въ чемъ не признался.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого, Корфъ и Клингенбергъ снова вошли къ Вагнеру; за ними какой-то человѣкъ несъ въ рукахъ кнутъ, который и былъ положенъ на столъ. Вагнеръ зналъ, однако, что русскіе никогда не употребляли противъ нѣмцевъ этого страшнаго оружія истязанія и потому принесеніе къ нему кнута счелъ только пустою угрозою. Но баронъ Корфъ, объяснивъ Вагнеру способъ употребленія русскими кнута для принужденія подсудимыхъ къ сознанію, прибавилъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства со стороны Вагнера и противъ него будетъ употреблена эта понудительная мѣра, почему и предлагалъ ему сказать сущую правду, положившись на милосердіе императрицы; но такъ какъ Вагнеръ и послѣ этого несознавался, то въ комнату, гдѣ производился допросъ, былъ призванъ заплечный мастеръ. Вагнеръ поспѣшилъ замѣтить Корфу, что пытка будетъ напрасна, такъ какъ подъ ударами кнута онъ поневолѣ дастъ противъ себя ложное показаніе. Этотъ доводъ подѣйствовалъ на Корфа, кнутъ былъ прибранъ со стола и Корфъ отложилъ допросъ Вагнера на нѣкоторое время.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Вагнеру были предъявлены письменныя показанія капитана Шамбо, сдѣланныя имъ въ улику Вагнеру, и тогда обвиняемому не оставалось уже никакихъ средствъ къ оправданію. Вскорѣ надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ, которымъ опредѣлялось: подвергнуть Вагнера смертной казни четвертованіемъ посредствомъ привязки къ четыремъ лошадямъ. При объявленіи этой ужасной казни, Вагнеръ упалъ въ обморокъ и когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ подлѣ своей кровати своего однофамильца, пастора Вагнера, явившагося напутствовать приговореннаго въ будущую жизнь. Увѣщанія пастора не имѣли, однако, никакого успѣха на раздраженнаго до послѣдней степени Вагнера, который смотрѣлъ на представителя церкви съ такимъ ожесточеніемъ, что даже не хотѣлъ разговаривать съ нимъ, а между тѣмъ заботливая пасторша доставила Вагнеру костюмъ, въ который, по обыкновенію существовавшему тогда въ сѣверной Германіи,—одѣвали отправлявшихся на смертную казнь. Растерявшійся въ конецъ Вагнеръ надѣлъ этотъ костюмъ и оставался въ немъ нѣсколько дней съ-ряду, но онъ не понадобился Вагнеру для предназначенной цѣли, такъ какъ спустя нѣсколько времени послѣ произнесенія смертнаго приговора, къ нему вошелъ генералъ Корфъ, опять въ сопровожденіи Клингенберга, прочитавшаго при этомъ высочайшій указъ, по которому Вагнера, освобожденнаго отъ смертной казни, повелѣно было сослать въ Сибирь. При объявленіи этого приговора, Корфъ

обнадежилъ Вагнера, что, по заключеніи мира, онъ будетъ возвращенъ на родину.

8 или 9 іюля,—Вагнеръ въ точности числа не помнитъ,—его посадили въ тележку, набитую соломой, въ двѣ другія тележки сѣли капитанъ Шамбо и инспекторъ Лангъ и такимъ образомъ всѣхъ троихъ повезли въ Сибирь. Въ Пилавѣ посадили его на судно съ 150 ранеными русскими, отправлявшимися на родину. На этомъ суднѣ Вагнеръ пріѣхалъ въ Дюнаминдъ, откуда его, въ сопровожденіи капитана «Ивана Микеферовича» повезли на почтовыхъ прямо въ Сибирь.

Съ этихъ поръ начинается описаніе, хотя и весьма поверхностное, тогдашней Россіи, но интересное въ томъ отношеніи, что показываетъ какое замѣтное различіе существовало въ ту пору между нашимъ отечествомъ и Пруссіею относительно общаго благоустройства и многихъ сторонъ домашняго быта. Такъ Вагнеръ удивлялся тому, чему впрочемъ можетъ иностранецъ подивится еще и теперь, а именно, что въ крестьянской избѣ печка, служившая для отопленія, замѣняла въ тоже время и кухонную печь, при чемъ изба была наполнена удушливымъ дымомъ, не дѣйствовавшимъ однако нисколько на привыкшихъ къ тому русскихъ крестьянъ и солдатъ. Русская пища, и въ особенности черный хлѣбъ, щи и квасъ, не пришлись по вкусу пруссака. Его изумляла также и видѣнная имъ всюду нечистота. Поражала его и неопрятность русскихъ. Такъ онъ разсказываетъ, что его тошнило, когда онъ видѣлъ, какъ русскіе черпаютъ изъ ведра квасъ ковшомъ и, отпивъ изъ него, опускаютъ его опять въ ведро, но за то ему понравились калачи и за тѣмъ мало по малу первоначально разборчивый нѣмецъ попривыкъ и къ простымъ простонароднымъ русскимъ яствамъ. Крайне неудобно казалась ему покрышка нашихъ дорожныхъ кибитокъ рогожею, черезъ которую проходилъ свободно дождикъ. Не смотря на то, что со времени проѣзда Вагнера по Россіи прошло слишкомъ сто лѣтъ, но, конечно, и нынѣшніе по ней путешественники могутъ еще вносить въ свои описанія подобныя замѣтки.

Въ началѣ октября 1759 года, Вагнера доставили въ Москву, но онъ не могъ даже взглянуть на этотъ городъ, потому что при въѣздѣ туда кибитку его закрыли на глухо. Въ день его проѣзда черезъ Москву былъ какой-то царскій праздникъ и колокольный звонъ ошеломилъ Вагнера. По разсказамъ его, въ Москвѣ, по случаю торжества, стрѣляли изъ пушекъ такого огромнаго калибра, что кибитка его какъ будто подпрыгивала на воздухѣ при каждомъ выстрѣлѣ и онъ запиралъ голову подъ подушку, чтобы не слышать этой страшной канонады. По всей вѣроятности разсказы о царь-пушкѣ сильно настроили воображеніе Вагнера и безъ того уже слишкомъ раздраженнаго постигшимъ его несчастьемъ и истомленнаго мучительною ѣздою.

Изъ Москвы Вагнера везли далѣе безъ всякой остановки ни днемъ, ни ночью, и онъ на восьмой день пріѣхалъ въ Козьмодемьянскъ, который, по замѣчанію его, былъ городокъ довольно порядочный. За тѣмъ Вагнеръ миновалъ Соликамскъ, Тюмень, Верхотурье и въ ноябрѣ былъ на берегахъ Иртыша въ семи верстахъ отъ Тобольска. Такъ какъ переѣздъ черезъ эту рѣку, по причинѣ шедшаго по ней тогда льда, былъ невозможенъ, то Вагнеръ оставался въ одной деревнѣ, гдѣ хозяинъ — татаринъ, узнавъ что Вагнеръ и спутникъ его Шамбо нѣмцы и при томъ подданные прусскаго короля, отлично принялъ ихъ. Татаринъ угостилъ ихъ прекраснымъ обѣдомъ и чаемъ, а потомъ игралъ съ ними въ шахматы. По описанію Вагнера, татаринъ этотъ жилъ не только богато, но даже роскошно; такъ на приготовленной для Вагнера постели простыня была изъ тонкаго полотна, подушки были обтянуты зеленою китайскою шелковою тканью, а одѣяло было изъ стеганаго атласа. По словамъ Вагнера, онъ провелъ у татарина ночь такъ, какъ будто былъ въ раю. Все это до такой степени изумило Вагнера, что онъ предполагалъ не держитъ ли его хозяинъ нѣмецкой прислуги, но таковой вовсе не оказалось. Въ особенности же полюбился Вагнеру татаринъ за свое нерасположеніе къ русскимъ; это чувство Вагнера, конечно, очень понятно

при томъ положеніи, въ какомъ онъ находился.

Когда же ледъ на Иртышѣ сталъ, то Вагнеръ съ своими спутниками—хотя и не безъ опасности—переправился черезъ эту рѣку. На другой день по прибытіи Вагнера въ Тобольскъ, онъ, въ сопровожденіи молодаго прапорщика «Ивана Александровича», былъ отправленъ далѣе. Не смотря на жестокую стужу, Вагнеру путешествіе это казалось очень пріятнымъ. Сопровождавшій его офицеръ нисколько не стѣснялъ своего арестанта и Вагнеръ пользовался свободою, между прочимъ и для того, чтобы осматривать церкви и заходить къ священникамъ, которые принимали его очень привѣтливо. Невольное путешествіе Вагнера по Россіи въ значительной степени облегчалось, по его словамъ, тѣмъ, что онъ зналъ по русски. Вагнеръ не говоритъ гдѣ онъ пріобрѣлъ знаніе русскаго языка, но по всей вѣроятности онъ успѣлъ нѣсколько научиться по русски во время занятія Пруссіи нашими войсками.

Изъ Тары Вагнеръ поѣхалъ Барабинскою степью и накануѣ заговѣнья пріѣхалъ въ Енисейскъ. Изъ окошка той комнаты, въ которую посадили Вагнера подъ карауломъ солдата, онъ видѣлъ масленичныя забавы русскихъ. Его очень заняли невидѣнныя имъ никогда прежде качели, которыя, однако, онъ находилъ опасною забавою. Дешевизна жизненныхъ припасовъ въ Енисейскѣ также поразила его и онъ даже съ грустью оставлялъ этотъ понравившійся ему городъ.

Изъ Енисейска Вагнера повезли далѣе, къ крайнему его изумленію, на собакахъ въ Мангазею въ сопровожденіи казаковъ. Онъ въ подробности описываетъ этого рода поѣздку и надобно полагать, что именно эта часть его воспоминаній представляла самыя любопытныя страницы для тогдашнихъ иностранныхъ читателей. Страшныя мятели вынудили однако «Ивана Александровича», послѣ пятнадцати дневнаго странствованія по безлюднымъ мѣстамъ, вернуться въ Енисейскъ, гдѣ Вагнеръ и прожилъ до 7-го іюня 1760 года. Въ этотъ день поручикъ «Семенъ Семеновичъ» объявилъ ему, что завтра онъ долженъ отправиться съ нимъ въ дальнѣйшій путь и дѣйствительно на другой день Вагнеръ поплылъ на баркѣ внизъ по Енисею и, наконецъ, въ іюлѣ прибылъ въ Мангазею, мѣсто назначенное для постояннаго его пребыванія. Тамъ ему принялись строить особый деревянный домъ, не вдалекѣ отъ дома воеводы, на берегу рѣки Турухана. По отстройкѣ дома, состоявшаго изъ двухъ комнатъ, перевели туда Вагнера съ барки, приставивъ къ нему караулъ изъ трехъ солдатъ и одного сержанта.

Особое вниманіе къ Вагнеру, какъ нѣмцу, выразилось въ томъ, что печь той комнаты, которая предназначалась для него, топилась снаружи, такъ что Вагнеру не приходилось жить въ курной избѣ и задыхаться отъ дыму.

Если странствованія Вагнера изъ Пруссіи въ глубину Сибири представляютъ интересъ своего рода, то въ свою очередь не безъинтересны и хлопоты около него русскихъ властей, снаряжавшихъ значительные караулы, какъ для препровожденія его въ ссылку, такъ и для наблюденія за нимъ въ мѣстѣ его постояннаго пребыванія, строившихъ для него особый домъ и выдававшихъ ему ежедневно на харчи по 20 коп., что для того времени составляло вообще значительную денежную дачу для ссыльнаго.

Въ Мангазеѣ жилось Вагнеру не очень дурно; онъ запасался хорошею провизіею, которую въ изобиліи привозили туда на судахъ отъ Енисейска, обзаводился домашнею утварью, ловилъ тенетами птицъ и сѣтями рыбу и ходилъ на охоту, прогуливался на лыжахъ, игралъ на скрипкѣ и флейтѣ, читалъ бывшія у него три книги, которыя онъ, наконецъ, выучилъ наизусть. Говоря о своихъ занятіяхъ музыкой, Вагнеръ замѣчаетъ, что русскіе съ особеннымъ удовольствіемъ слушали его игру и по поводу этого прибавляетъ, что у русскихъ есть свои музыкальные инструменты, изобрѣтенные ими помимо всякаго подражанія; что они кромѣ музыки еще очень способны къ рѣзьбѣ изъ дерева и что онъ не разъ удивлялся ихъ искусству по этой части. Вообще,—говоритъ Вагнеръ—русскій отличается способностями и ему нужно

только учиться, для того, чтобы сдѣлаться замѣчательнымъ художникомъ.

Вагнеръ былъ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ и рѣшился выжидать терпѣливо благопріятнаго переворота въ своей судьбѣ. Такъ тянулась спокойно его жизнь въ продолженіи пятнадцати мѣсяцевъ, какъ вдругъ онъ вздумалъ повздорить съ приставленнымъ къ нему сержантомъ за то, что тотъ не выдавалъ всѣхъ слѣдовавшихъ Вагнеру, по положенію, свѣчей. Сержантъ нажаловался на него воеводѣ и дѣло кончилось тѣмъ, что ставни въ комнатѣ были заколочены на глухо. «Если онъ такъ любитъ свѣчи—съострилъ воевода,—то ему не нужно дневнаго свѣта» и вслѣдствіе этого приказалъ, чтобы въ совершенно темной комнатѣ Вагнера постоянно горѣла свѣчка. Въ іюлѣ 1760 года, мѣсто прежняго воеводы занялъ знакомый уже Вагнеру прапорщикъ «Семенъ Семеновичъ». Новый воевода разсказывалъ Вагнеру, что полученіе имъ этой должности обошлось ему въ Петербургѣ, въ сенатѣ, въ 30,000 руб., но—замѣчаетъ Вагнеръ—по всей вѣроятности онъ не останется въ накладѣ.

Для тогдашнихъ сибирскихъ воеводъ, — по разсказамъ Вагнера,—составляли самый главный источникъ легкой, скорой и безопасной наживы, пушные промыслы.

«Должности воеводъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся этого рода промыслы — пишетъ Вагнеръ—чрезвычайно выгодны. Когда осенью посылаютъ казаковъ за Енисей, въ тѣ мѣстности, въ которыхъ собираются состоящіе подъ покровительствомъ Россіи инородцы, для взиманія съ нихъ ясака, то казаки очень скоро истрачиваютъ свое жалованье на пьянство и потомъ не въ состояніи бываютъ пріобрѣсти на свой счетъ товары, необходимые для мѣновой торговли съ дикарями. И вотъ они занимаютъ тогда деньги у воеводы, который никогда имъ въ этомъ не отказываетъ и даетъ имъ столько, сколько они попросятъ. Но если заемщики благоразумны, то они никогда не возьмутъ большой суммы, такъ какъ потомъ за каждый рубль должны будутъ расплачиваться мѣхами, несравненно дороже стоющими той суммы, въ какой они будутъ приняты при расчетѣ съ воеводой. При существованіи такихъ доходовъ воеводы дорого платятъ за свои мѣста и послѣ трехлѣтняго пребыванія на мѣстѣ, когда ихъ сживаютъ другіе, они успѣваютъ наживаться порядочно и нерѣдко просятъ сами объ отставкѣ». Вагнеръ видѣлъ, что за такіе мѣха, за которые купцы, пріѣзжавшіе въ Сибирь изъ Москвы, или Петербурга, давали воеводѣ по 20 и даже по 30 рублей, самъ воевода платилъ не болѣе рубля. Казаки сами пріобрѣтали мѣха не высокою цѣною и на деньги, полученныя отъ воеводы за мѣха, они для мѣны съ дикими покупали бусы, шелкъ для шитья, ножи, топоры, китайскія трубки, курительный табакъ, пуговицы и разныя побрякушки, и въ обмѣнъ на такія бездѣлицы они получали отъ дикихъ драгоцѣнные мѣха.

«Для сбора ясака,—передаетъ Вагнеръ—не требовалось значительной военной силы и какихъ нибудь шесть казаковъ сбирали ясакъ среди орды, состоявшей изъ 200, а иногда и болѣе человѣкъ. Передъ отъѣздомъ казаковъ въ юрты, являвшіеся въ казацкое становище инородцы удостовѣряли, что между ними не было оспы, и въ подтвержденіе этого оставляли заложниковъ. Въ свою очередь и дикіе съ такими же предосторожностями вступали въ сношеніе съ казаками. Сборъ ясака производился по числу душъ и взимался съ каждаго, достигшаго годоваго возраста. Послѣ сбора ясака начиналась торговля, выгода отъ которой постоянно была на сторонѣ казаковъ, платившихъ, напримѣръ, за песцовый мѣхъ не болѣе трехъ копѣекъ. За тѣмъ казаки отбирали лучшіе мѣха и представляли ихъ воеводѣ, который тайкомъ сбывалъ ихъ купцамъ и въ числѣ сбытыхъ имъ мѣховъ были и такіе, самые превосходные мѣха, которые должны были бы быть предназначены для императрицы».

По разсказамъ Вагнера, даже петербургскіе вельможи участвовали въ злоупотребленіяхъ пушнымъ промысломъ въ Сибири. Они сбывали вывезенные оттуда мѣха за границу, при чемъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, устроивали дѣло такъ, что за вывозъ мѣховъ изъ Россіи не пла-

тили таможенныхъ пошлинъ, которыя однако были очень высоки.

Наконецъ, 27 іюля 1763 г., воевода «Семенъ Семеновичъ», пришедши къ Вагнеру, — остававшемуся постоянно при свѣчкѣ, въ силу прежняго воеводскаго распоряженія, — прочелъ ему высочайшій указъ объ освобожденіи его изъ ссылки; при этомъ было сдѣлано распоряженіе о препровожденіи Вагнера съ должнымъ почетомъ до границъ Курляндіи съ угрозою за не исполненіе этого предписанія наказаніемъ кнутомъ. Только послѣ упомянутаго указа были открыты ставни, заколоченныя прежнимъ воеводою, такъ что Вагнеръ отсидѣлъ безъ дѣнного свѣта около двухъ лѣтъ. Освобожденный изъ ссылки Вагнеръ былъ приглашенъ на ужинъ къ «Семену Семеновичу». Тамъ онъ былъ встрѣченъ чрезвычайно радушно, а на другой день мангазейское общество устроило въ честь его вечеръ, на которомъ музыкантами были казаки и мѣщане. Дамское общество состояло изъ казачекъ, изъ которыхъ многихъ, — какъ говоритъ Вагнеръ, — онъ предпочелъ бы великосвѣтскимъ нѣмецкимъ дамамъ, и предпочелъ бы не за ихъ платья изъ золотой и серебряной парчи, но за ихъ красоту и за тонкія черты лица. Описывая казачекъ, Вагнеръ замѣчаетъ, что у нихъ маленькія ноги, которыя, однако, онѣ очень безобразятъ тѣмъ, что поддерживаемые подвязками чулки спускаются на туфли. Весь ихъ головной уборъ, — говоритъ Вагнеръ, — ограничивается китайскимъ шелковымъ платкомъ такъ хорошо перевитымъ золотымъ и серебрянымъ галуномъ, что такой уборъ заставлялъ забывать отсутствіе вкуса въ обуви. Танцовали всю ночь и Вагнеръ возбудилъ ревность въ кавалерахъ и въ мужьяхъ, по поводу чего и замѣчаетъ, что онъ могъ бы поплатиться за это жизнью, если бы не поспѣшилъ уѣхать изъ Мангазеи.

Вагнеръ, оставляя городокъ, въ которомъ провелъ четыре года, такъ описываетъ его: «Мангазея расположена въ пустынѣ по близости трехъ рѣкъ; рѣки эти прорѣзываютъ густой лѣсъ, находящійся вдали отъ города. Въ Мангазеѣ считалось въ ту пору 60 домовъ, построенныхъ изъ бревенъ, а жители были казенные крестьяне. Каждый изъ нихъ получаетъ отъ казны крупу, муку и по три рубли въ каждую четверть года. Они не платятъ никакихъ податей, не занимаются земледѣліемъ, а только въ волю косятъ сѣно. Вдали отъ города на горизонтѣ виднѣется цѣпь горъ, покрытыхъ лѣсомъ, въ долинахъ болота и рѣки, впадающія въ Енисей. Въ окрестностяхъ города нѣтъ никакой возможности ходить пѣшкомъ по топямъ и нѣтъ ни одной равнины, которая могла бы быть приспособлена къ хлѣбопашеству. Въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаются девяностолѣтніе старики, которые, отродясь, не видывали хлѣбнаго зерна, но за то трава достигаетъ здѣсь человѣческаго роста и это особенно удивляло Вагнера, такъ какъ зима оканчивалась только въ іюнѣ и началась опять въ августѣ. Мангазейскіе жители содержали лошадей, коровъ и свиней, а зимою ѣздили на лошадяхъ въ окрестные лѣса за дровами. Овесъ и всѣ жизненные припасы привозили въ Мангазею изъ Енисейска и обмѣнивали здѣсь все это на мѣха. Въ лѣсахъ — продолжаетъ Вагнеръ — ростутъ кедровыя деревья громадной величины. Лѣтомъ молнія безпрестанно падаетъ на нихъ и производитъ пожары, которые продолжаются цѣлые годы, но лѣсовъ отъ этого не убавляется, такъ какъ новыя деревья выростаютъ съ неимовѣрною быстротою. По Енисею жили въ хатахъ русскіе, промышлявшіе единственно охотою и рыбною ловлею».

Изъ Мангазеи Вагнеръ выѣхалъ по Енисею на баркѣ, которая шла тягою.

Пользуясь теперь свободою, Вагнеръ, на пути изъ Сибири, старался ознакомиться съ живущими тамъ инородцами и оставилъ замѣтки объ остякахъ, жившихъ въ подземельяхъ и отказывавшихся отъ постройки домовъ и отъ занятія земледѣліемъ. Якутамъ онъ отдаетъ преимущество предъ остяками, находя, что первые гораздо способнѣе и склоннѣе къ промышленности нежели послѣднія. По дорогѣ къ Якутску они настроили большія деревни, сѣяли и жали хлѣбъ, а также разводили домашній скотъ въ громадномъ количествѣ. Въ отношеніи чистоплотности и домашняго порядка

онъ предпочитаетъ ихъ русскимъ. По замѣчанію Вагнера, только племя якутовъ было искренно предано Россіи, тогда какъ нельзя сказать того же самаго о тунгузахъ, чукчахъ и камчадалахъ. Русское правительство должно было уступчиво дѣйствовать противъ нихъ, чтобы не вызвать возмущенія. Вагнеръ изумлялся тому, какимъ образомъ русскіе могли покорить сибирскихъ туземцевъ и заставить ихъ быть данниками Россіи, такъ какъ необъятныя пустыни, густые лѣса и тѣсные проходы давали жителямъ всѣ способы обороняться отъ непріятельскаго нападенія. Кромѣ того, сибирскіе туземцы неимѣли никакой надобности въ русскихъ, потому что имъ вовсе не нужны ни хлѣбъ, ни соль, ни одежда,—они питались охотою и рыбною ловлею, а одѣвались въ звѣриныя шкуры. По всей вѣроятности—говоритъ Вагнеръ, — русскіе употребляли къ покоренію инородцевъ разные обманы и хитрости, чтобы принудить ихъ платить дань, которую они вносятъ теперь чрезвычайно исправно въ назначенные сроки. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Вагнеромъ, сибирскихъ инородцевъ было всего болѣе якутовъ и камчадаловъ, за ними по численности слѣдовали чукчи, тунгузы и юраки, менѣе всѣхъ было остяковъ.

Замѣчательно, что освобожденный изъ ссылки Вагнеръ не слишкомъ спѣшилъ на родину. Такъ, пріѣхавъ въ половинѣ августа 1763 года въ Енисейскъ, онъ остался тамъ на нѣсколько недѣль. Между тѣмъ спутникъ Вагнера, тамошній купецъ Токаревъ познакомилъ его съ енисейскими жителями и теперь Енисейскъ также полюбился ему, какъ и въ первый разъ. Онъ намѣревался остаться тамъ подолѣе, если бы съ нимъ не случилось романическое происшествіе, которое, по словамъ его, угрожало ему отравою. Вагнеру очень нравились енисеенки, отличавшіяся бѣлизною и нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Въ одну изъ нихъ, — дочь проживнагося купца, — влюбился Вагнеръ и мать этой дѣвушки, бывшая въ крайней нуждѣ, продала свою дочь Вагнеру за 6 рублей. Вагнеръ хотѣлъ отвести эту покупку на свою родину и, вѣроятно забывъ свою нѣмецкую невѣсту, намѣревался никогда не разставаться съ енисейскою дѣвушкою, но влюбившаяся въ него жена Токарева изъ ревности задумала отравить его пельменями и только счастливый случай открылъ Вагнеру этотъ страшный противъ него замыселъ. Тогда Вагнеръ поспѣшилъ поскорѣе выбраться изъ Енисейска и повезъ съ собою купленную имъ дѣвушку, но къ страшному отчаянію ея любовника, она была задержана на дорогѣ, какъ безпаспортная, и вскорѣ Вагнеръ получилъ поразившее его извѣстіе объ ея смерти.

Въ ту пору, когда ѣхалъ Вагнеръ Сибирью, въ ней, по большимъ дорогамъ, были выстроены на разстояніи 100 или 150 верстъ, на счетъ казны, постоялые дворы, гдѣ проѣзжіе должны были получать для себя продовольствіе безплатно. На содержаніе этихъ дворовъ были приписаны нѣкоторыя деревни, лежавшія въ верстахъ 400—500 отъ большой дороги, и за исполненіе упомянутой повинности жители этихъ деревень были освобождены отъ всякихъ податей и налоговъ и кромѣ того имѣли право занимать земли, сколько имъ оказывалось нужнымъ для производства хлѣбопашества. Разумѣется, —говоритъ Вагнеръ, —что крестьяне предпочли бы селиться не вдали, а вблизи большой дороги, гдѣ была превосходная земля, но они избѣгали этого и уходили въ дремучіе лѣса, чтобы сколько возможно болѣе охранить себя отъ притѣсненій, дѣлаемыхъ имъ военными командами. Дѣйствительно,—прибавляетъ онъ—военные чины расправлялись съ крестьянами вовсе не по человѣчески, заставляя ихъ дѣлать все подъ палочными ударами, почему крестьяне и были забиты и запуганы. Такую же крутую расправу съ крестьянами замѣтилъ Вагнеръ и со стороны десятскихъ и сотскихъ, при чемъ особенно удивляло его то, что крестьянинъ не имѣлъ права отлучиться съ мѣста своего постояннаго жительства.

Не лишены интереса замѣтки Вагнера о бѣглыхъ каторжникахъ. Убѣжавъ изъ мѣста ссылки, они—пишетъ Вагнеръ—соединяются въ разбойничьи шайки и принимаются грабить деревни, скрываясь послѣ грабежей въ лѣсахъ гдѣ устраиваютъ для себя избы. Если со временемъ

мѣстное начальство откростъ ихъ убѣжище, то оно, не зная о происхожденіи этихъ поселковъ, считаетъ тамошнихъ жителей честными людьми и потому не возвращаетъ ихъ на каторгу. Бѣглые каторжники похищаютъ женщинъ и уводятъ ихъ къ себѣ; уведенныя должны оставаться тамъ на всегда, такъ какъ имъ трудно пробраться оттуда въ прежнія мѣста. Бѣглые каторжники угоняютъ скотъ въ большомъ количествѣ. Добраться же къ нимъ весьма трудно, потому что они проводятъ къ своимъ притонамъ, находящимся или въ лѣсу, или въ горахъ, или за болотами, извилистыя тропинки и если ихъ могутъ выдать начальству, то развѣ только ихъ же измѣнники-сотоварищи. Водворяясь гдѣ нибудь, каторжники бываютъ опасны для окрестныхъ жителей только на первыхъ порахъ, но за тѣмъ когда они обстроятся и обзаведутся, то ведутъ себя смирно. По словамъ Вагнера, поселковъ, составленныхъ изъ каторжниковъ, было въ Сибири очень много, такъ что тамъ находилось не мало такихъ деревень, о существованіи которыхъ правительственныя власти вовсе даже не знали.

Вообще Сибирь была наполнена людьми, жившими только разбоемъ, который невозможно было истребить. Причина этому заключалась въ томъ, что страна слишкомъ обширна, а горы, болота, озера, рѣки, дремучіе лѣса, препятствуютъ розыскамъ, которые нельзя производить иначе какъ только въ сопровожденіи цѣлаго обоза съѣстныхъ припасовъ, да и тогда не возможно быть увѣреннымъ, чтобы посланная команда не умерла отъ голода на возвратномъ пути. Я думаю,—продолжаетъ Вагнеръ,—русское правительство не имѣетъ понятія о половинѣ подвластныхъ ему въ Сибири племенъ. Есть цѣлыя области, въ которыя нѣтъ никакой возможности проникнуть по неимѣнію тамъ вовсе средствъ къ продовольствію.

Въ половинѣ ноября Вагнеръ пріѣхалъ въ Тобольскъ; въ девятый день, послѣ его пріѣзда прибылъ туда новый губернаторъ Чичеринъ (The-Therin), получившій эту должность въ видѣ вознагражденія за свою гвардейскую службу въ Петербургѣ. Вагнеръ сдѣлалъ ему визитъ, а Чичеринъ былъ на столько уже предваренъ въ его пользу, что попросилъ его переѣхать на житье въ губернаторскій домъ.

Вотъ какъ описываетъ Вагнеръ тогдашній Тобольскъ.

«Тобольскъ обширенъ, но обстроенъ дурно, всѣ дома деревянные, за исключеніемъ губернаторскаго дома и церкви, архіерейскій домъ также каменный построенъ на горѣ противъ крѣпости, а та гора, на которой живетъ губернаторъ, высока, крута и окружена стѣною. Мѣсто это похоже на цитадель; около стѣны устроена земляная насыпь, на которой разставлены пушки, а въ самой стѣнѣ сдѣланы бойницы, для того, чтобы съ нихъ стрѣлять въ непріятеля. Городъ расположенъ на очень болотистомъ мѣстѣ, дома построены на сваяхъ, а улицы соединены бревенчатыми мостами. Въ городѣ есть нѣкоторые кварталы до того сырые, что въ нихъ невозможно жить».

Первые дни своего пребыванія въ Тобольскѣ, Вагнеръ провелъ очень пріятно; онъ обѣдалъ то у губернатора, то у архіерея, то у главнаго коменданта генералъ-маіора фонъ-Фюрстенберга. Обыкновенно каждый вечеръ былъ балъ, на которомъ танцовали только русскія и казацкія пляски. Вагнера всюду принимали какъ желаннаго гостя.

Послѣ побывки въ Тобольскѣ, Вагнеръ продолжалъ свое путешествіе безпрерывно, останавливаясь лишь по временамъ для того, чтобы заходить въ монастыри къ архимандритамъ, которые всѣ вообще, а въ особенности архимандритъ въ Верхотурьѣ, принимали Вагнера чрезвычайно ласково и приглашали къ себѣ обѣдать.

Верхотурье, послѣ Тобольска—главнаго города во всей Сибири — казался самымъ большимъ изъ всѣхъ провинціальныхъ тамошнихъ городовъ, но всѣ дома въ немъ были деревянные, а иные переулки до того были узки, что въ комнатахъ отъ этого было темно. Въ дальнѣйшей своей поѣздкѣ Вагнеръ не обращалъ особаго вниманія на другіе города, ничѣмъ впрочемъ не отличавшіеся отъ деревень. По замѣчанію его, во всей Сибири, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, не было оконныхъ стеколъ, но ихъ за-

мѣняли тонкіе пласты слюды (Marienglas) вдѣланные въ жестяныя рамы. Тамъ же гдѣ слюды было мало, ее на зиму вынимали изъ оконъ, замѣняя льдомъ. Для этого—пишетъ Вагнеръ—обрубаютъ кусокъ льда въ величину окна, вставляютъ его туда, плотно обкладываютъ снѣгомъ и поливаютъ водою; послѣ этого ледъ такъ крѣпнетъ, что не совсѣмъ разстаиваетъ даже въ теченіе лѣтнихъ жаровъ.

Въ Сибири въ ту пору занимались выдѣлкою полотна изъ азбеста (горнаго льна). Для приготовленія такого полотна—разсказываетъ Вагнеръ,—азбестъ дробятъ молоткомъ и чрезъ это обращаютъ его въ бѣлыя волокна, которыя придутъ какъ обыкновенный лепъ. Но не многіе изъ русскихъ знакомы съ этимъ производствомъ; такимъ тканьемъ занимаются женщины весьма мало потому, что оно чрезвычайно трудно. Вагнеръ купилъ за 4 рубли рубашку изъ азбестовой ткани, но, къ своему сожалѣнію, потерялъ ее въ дорогѣ.

Соликамскъ обратилъ на себя вниманіе Вагнера приготовленіемъ соли, которую добывали изъ озера находящагося близъ города. Вотъ какъ въ ту пору производилась ея добывка: или вырѣзали куски соли изъ толстаго пласта, покрывающаго озеро, или выпаривали озерную воду отъ чего образовывалась соль. Вагнеръ разсказываетъ, что ближайшіе къ озеру владѣльцы земли,—вельможи, генералы и сенаторы, проводили изъ него въ свои имѣнія канавы и, получивъ такимъ обрзомъ соленую воду, устраивали у себя соловарни. Почти всюду въ этихъ мѣстностяхъ Вагнеръ видѣлъ насосы для выкачиванія озерной воды. «Я убѣжденъ, — пишетъ онъ, — что все это дѣлается безъ вѣдома императрицы, и такъ какъ въ означенномъ злоупотребленіи участвуютъ всѣ, то никто и не дѣлаетъ на счетъ этого доносовъ, да и если бы наконецъ и былъ сдѣланъ доносъ, то никто не сталъ бы тревожиться этимъ. Вельможи скорѣе владѣльцы значительной части московскаго и казанскаго государствъ, нежели подданные императрицы и большая часть волостей не платятъ податей казнѣ; большинство же жителей находится въ крѣпостномъ состояніи у какого нибудь генерала или гражданскаго сановника».

Не смотря почти на пятилѣтнее удаленіе изъ Пруссіи, Вагнеръ, какъ мы уже замѣтили, не спѣшилъ на родину. Онъ не только останавливался на болѣе или менѣе продолжительное время въ лежавшихъ на пути его городахъ, но даже сдѣлалъ особую поѣздку по Казанской провинціи, внеся, впрочемъ, объ этой поѣздкѣ въ свою книгу самыя скудныя и не представляющія уже для насъ интереса свѣдѣнія о вотякахъ и раскольникахъ.

Казань,—по описанію Вагнера,—была большимъ и хорошо обстроеннымъ городомъ. Улицы въ ней были широки, но дома большею частію бревенчатые. Двѣ только церкви отличались громадностію размѣровъ. Домъ губернаторскій былъ расположенъ на горѣ. Населеніе города состояло частію изъ русскихъ и изъ татаръ. Губернаторъ былъ татаринъ по происхожденію, сѣдой старикъ, никакъ не менѣе 80 лѣтъ, но сохранившій бодрость зрѣлаго возраста; онъ отличался радушіемъ и сердечною добротою. Оставаясь въ Казани восемь дней, Вагнеръ очень часто посѣщалъ губернатора, который любилъ слушать его подробные разсказы о семилѣтней войнѣ.

По замѣчанію Вагнера, нигдѣ во всей Россіи и Сибири жизненные припасы не были такъ дешевы какъ въ Казани. На рынкахъ дичь продавалась въ такомъ изобиліи, что продавцы ея приставали къ проходившимъ съ неотступными предложеніями. За куропатку платили по 1 копѣйкѣ, а глухарь стоилъ 6 копѣекъ. Вагнеръ оставилъ Казань съ сожалѣніемъ. Онъ замѣчаетъ, что въ Казанской губерніи превосходная, но очень плохо воздѣлываемая почва и что тамъ нѣтъ никакихъ другихъ фабрикъ кромѣ сафьяныхъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Вагнеръ добрался до Москвы и остался тамъ на восемь дней съ цѣлью осмотрѣть городъ. По пріѣздѣ, онъ тотчасъ же отправился по лавкамъ, въ которыхъ нашелъ множество богатыхъ китайскихъ тканей, а также дорогихъ мѣховъ въ такомъ громадномъ количествѣ, какого онъ себѣ не могъ представить. Онъ жалуется на безпрестанные случаи воровства и полагаетъ, что жители Москвы

склонны къ убійствамъ и грабежамъ, и разсказываетъ, что для совершенія этихъ преступленій они устраиваютъ засады, такъ что не проходитъ дня, чтобы не было совершено убійства. Онъ самъ въ Нѣмецкой Слободѣ подвергся однажды нападенію шайки злоумышленниковъ, не смотря на то, что ходилъ не одинъ, а въ сопровожденіи двухъ солдатъ. Вообще, по его мнѣнію, Москва богата такими злодѣями, какихъ не отыщется въ Германіи. Даже женщины, шляющіяся изъ дома въ домъ, безпрестанно воруютъ. Женскій полъ, среди котораго была сильно развита любострастная болѣзнь, показался Вагнеру очень некрасивымъ изъ себя. «Женщины сильно румянятся,—говоритъ онъ—но цвѣтъ ихъ щекъ напоминаетъ цвѣтъ кровельныхъ черепицъ. Правда, что и въ Сибири румянятся, но тамъ употребляютъ совсѣмъ другія румяна, которыя отличаются благовоніемъ и натираются ими болѣе по этой причинѣ, а не изъ одного кокетства». При этомъ Вагнеръ особенно хвалитъ сибирскія бѣлила, привозимыя изъ Китая, придающія кожѣ бѣлизну снѣга. Онъ хвалитъ также и сибирскія румяна, описывая въ подробности способъ употребленія этихъ косметическихъ притираній, и замѣчаетъ, что когда бѣлила и румяна по прошествіи нѣсколькихъ часовъ высохнутъ, то краску нельзя отличить отъ натуральнаго цвѣта кожи. Почему онъ и совѣтуетъ ввести въ Германіи въ употребленіе сибирскія бѣлила и румяна.

Окружность Москвы Вагнеръ полагаетъ въ 86 верстъ. Дома въ ней были большею частію деревянные; каменныя же строенія были только: церкви, домъ губернатора и присутственныя мѣста (die Häuser der Staatsräthe); они поразили его своею громадностію. Вагнеру разсказывали, что въ Москвѣ 400 церквей; но онъ полагаетъ, что это число смѣло можно уменьшить на половину.

Онъ не видалъ большаго колокола потому, что никто не могъ проводить его; по разсказамъ же московскихъ жителей, колоколъ былъ такъ великъ, что подъ нимъ могъ бы помѣститься цѣлый баталіонъ солдатъ. При паденіи, колоколъ углубился въ землю и, какъ тогда говорили, не представлялось никакой возможности вытащить его изъ земли. «Въ одной изъ большихъ улицъ — продолжаетъ Вагнеръ — находятся четыре пушки съ такимъ огромнымъ жерломъ, что въ нихъ удобно можетъ ходить на четверенькахъ самый полный человѣкъ. Пушки эти стоятъ подъ деревяннымъ навѣсомъ безъ всякаго употребленія и ихъ показываютъ только, какъ одно изъ чудесъ свѣта».

Изъ Москвы Вагнеръ поѣхалъ по бревенчатой настилкѣ, замѣчая, что по ней очень часто ломаются экипажи, такъ какъ бревна сдѣлались дырявыми отъ гнили. Изъ Москвы онъ хотѣлъ проѣхать въ Петербургъ, но ему не дали на это надлежащаго дозволенія, а сопровождавшей его командѣ пригрозили кнутомъ, если она повезетъ туда Вагнера. Поэтому онъ и былъ принужденъ отправиться въ Новгородъ, а оттуда черезъ Лифляндію въ Ригу. Причина запрещенія ѣхать въ Петербургъ осталась для Вагнера неизвѣстной.

25-го февраля 1764 года, Вагнеръ пріѣхалъ наконецъ въ Кенигсбергъ, откуда онъ, ровно день въ день, пять лѣтъ тому назадъ, былъ отправленъ въ Сибирь.

Въ Берлинѣ Вагнеръ представлялся королю, который принялъ его благосклонно и поздравилъ съ возвращеніемъ изъ Сибири, но когда Вагнеръ обратился къ нему съ просьбою о вознагражденіи за понесенные имъ убытки, то король приказалъ отвѣчать, что хотя его величество и очень желалъ бы вознаградить Вагнера соотвѣтственно его заслугамъ, но что потери, понесенныя Пруссіею въ теченіе семилѣтней войны, не позволяютъ казнѣ производить денежныя выдачи, почему король и приказалъ начальнику почтъ въ Берлинѣ предоставить Вагнеру первое хорошее вакантное мѣсто, присовокупивъ, впрочемъ, что впослѣдствіи онъ особенно позаботится объ участи просителя.

Разсказъ свой о личныхъ впечатлѣніяхъ Вагнеръ дополняетъ особыми извлеченіями изъ описаній Россіи, сдѣланныхъ разными путешественниками, съ прибавленіемъ къ этимъ извлеченіямъ собственныхъ весьма немногихъ замѣчаній и притомъ исключительно относя-

щихся къ Сибири. Главнымъ источникомъ при составленіи дополненій служили записки извѣстнаго натуралиста Палласа. По поводу этихъ дополненій Вагнеръ пишетъ, что онъ, разсказывая о своемъ пребываніи въ Россіи, не желалъ прерывать послѣдовательную часть разсказа и обставлять его такими частностями, которыя не шли прямо къ дѣлу. Поэтому онъ посвятилъ имъ особый отдѣлъ своей книги, замѣчая при этомъ, что въ разсказѣ его русскіе выставлены въ неблагопріятномъ свѣтѣ, но что всѣ тѣ, которые, какъ онъ, знаютъ ихъ близко, найдутъ, что въ книгѣ его нѣтъ никакого преувеличиванія. Въ подтвержденіе этого, онъ ссылается на распоряженія Екатерины II и на нѣкоторыя русскія театральныя піесы, появившіяся недавно въ нѣмецкомъ переводѣ; по мнѣнію его, какъ тѣ, такъ и другія, доказываютъ, какъ мало успѣховъ сдѣлали русскіе на пути цивилизаціи въ теченіи двадцати лѣтъ. За тѣмъ слѣдуютъ: коротенькая замѣтка о происхожденіи русскихъ, основанная на догадкахъ Ломоносова, географическое описаніе Россіи и въ частности Сибири съ живущими въ ней инородцами; но все это уже не представляетъ никакого особеннаго интереса.

Е. Петровскій.

ОСТАТКИ ЗАСѢЧНО-СТОРОЖЕВОЙ ЛИНІИ

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ разное время привелось мнѣ проѣхать все разстояніе отъ гор. Усмани Тамбовской губерніи до слободы Уразовой, находящейся въ южной части Валуйскаго уѣзда Воронежской губерніи. Давно уже поражала меня масса кургановъ, городищъ и «печеръ», которымъ народъ приписываетъ то то, то другое таинственное происхожденіе, и наконецъ существованіе трехъ валовъ, тянущихся на значительное пространство; только въ послѣднюю поѣздку мою я обратилъ болѣе вниманія на ту связь, которая замѣтна въ этихъ постройкахъ и, повидимому, мнѣ удалось привести въ порядокъ разрозненные факты и возстановить по возможности цѣлую систему укрѣпленій, которая должна была ограждать Россію съ юго-востока и юга въ предѣлахъ Воронежской губерніи.

Достаточно бѣглаго взгляда на прилагаемую карту, чтобы замѣтить, что, собственно говоря, Демшинско-Уразовскій отдѣлъ засѣчно-сторожевой линіи—(такъ называю я ради удобства эту часть общей засѣчно-сторожевой русской линіи, хотя она никогда подобнаго названія въ древности не носила)—въ свою очередь можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько рѣзко выдѣляющихся отдѣловъ, съ такими характеристическими особенностями, которыя вовсе не могутъ быть приписаны случайности или фантазіи людей, создавшихъ систему, а вытекаютъ вѣрнѣе всего изъ характера самой мѣстности, которую предстояло сторожить и охранять отъ постоянныхъ нападеній.

Отъ Демшинска(или, какъ его называютъ мѣстные жители,—Городка) линія укрѣпленій состоитъ изъ вала, снабженнаго съ фланговъ отдѣльными укрѣпленными пунктами и затѣмъ двойнымъ рядомъ передовыхъ пикетовъ, располагавшихся вѣроятно на томъ двойномъ рядѣ кургановъ, который мы можемъ видѣть еще и теперь. Насыпанные въ степи, и при томъ всенепремѣнно или на прикручинѣ берега рѣки, или на залысинѣ лога, курганы эти, такъ сказать, командуютъ мѣстностью на довольно значительное пространство; есть курганы, съ которыхъ мѣстность видна въ округѣ верстъ на 20 и даже болѣе; есть однако и такіе, которые, вслѣдствіе вѣтровъ, сносившихъ съ нихъ составлявшую ихъ высохшую глину, а также и вслѣдствіе весеннихъ потоковъ и постоянныхъ распашекъ, даютъ возможность обозрѣвать съ нихъ мѣстность только лишь верстъ на 5 кругомъ. Надо однако полагать, что эти, въ настоящее время небольшіе, курганы были когда то гораздо выше, такъ какъ иначе они бы не удовлетворяли той цѣли, для которой предназначались. По нѣкоторымъ признакамъ слѣдуетъ думать, что сторожа на курганахъ стояла въ большинствѣ случаевъ постоянно или по крайней мѣрѣ выставлялась на нихъ на долгое время, едва только разнесется по сторожевой линіи вѣсть о какихъ либо движеніяхъ орды; нѣкоторые курганы (которые и въ тѣ времена могли быть насыпаны пониже), быть можетъ, снабжались сторожей въ томъ только случаѣ, когда опасность для сторожевой линіи наступала явная, а именно, когда на линіи становилось извѣстнымъ, что орда уже выступила и движется по направленію къ «польнымъ городамъ».

Обереганье границъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, происходило слѣдующимъ образомъ: только на нѣкоторыхъ курганахъ въ мирное время стояла сторожа, которая и разсылала отъ себя отдѣльные разъѣзды въ степь; доказательство этому предположенію мы находимъ, напримѣръ, въ курганахъ Сидоркиномъ и Поворотномъ, изъ которыхъ первый находится почти на границѣ земель селенія Неровскаго, Воронежскаго уѣзда, и села Средней Байгоры, Усманскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, а второй на землѣ, отошедшей въ надѣлъ крестьянамъ селенія Сопруновскаго, и при томъ на самомъ поворотѣ съ дороги, идущей изъ села Покровской Хавы въ гор. Воронежъ, въ сторону селъ Приваловки и Трисвятскаго. Ко-

нечно, съ давнихъ поръ уже крестьяне рылись въ этихъ двухъ курганахъ, но кромѣ угля, да кирпичеобразныхъ кусковъ глины ничего не находили; форма этихъ двухъ кургановъ такова, что они представляютъ видъ широкоосновной сопки съ подобіемъ кратера на самомъ верху, при чемъ края этой кратерообразной вершины нѣсколько возвышаются надъ общимъ уровнемъ вершины и вслѣдствіе этого вся вершина представляетъ собою нѣчто воронкообразное; тутъ то въ кратерѣ и находимы были угли и остатки необожженнаго кирпича, какъ я полагаю.

Къ числу такого рода кургановъ, т. е. кургановъ, по моему мнѣнію, если не съ постояннымъ населеніемъ, то съ населеніемъ, основывавшимся на нихъ на болѣе продолжительное время, слѣдуетъ причислить курганы (по направленію отъ Воронежа къ Липецку): Гололобовскій, находящійся близъ Гололобова хутора, въ 5 верстахъ отъ села Усмани-Собакиной, Парусинскій, или какъ его называютъ окрестные жители «Заводскій» (тутъ-де заводъ былъ: паруса дѣлали) не далеко отъ селенія Паруснаго, почти при впаденіи р. Хавы въ р. Усмань, Витневскій—на землѣ, отошедшей въ надѣлъ крестьянамъ селенія Витневскаго, Новоротный, Сидоркинъ, быть можетъ, два кургана Байгорскихъ—на границѣ земель крестьянъ селеній Среднебайгорскаго и Михайловскаго, Масоловскій или «Крестный», Кокуевъ курганъ, близъ селенія Княжой-Байгоры и накопецъ, Казацкій, находящійся близъ дороги, идущей по направленію отъ гор. Усмани въ гор. Козловъ, на землѣ крестьянъ селенія Московскаго. Крайне интереснъ тотъ фактъ, что и самъ народъ дѣлаетъ различіе между этими, только что поименованными, курганами и остальными; первые всегда носятъ какое нибудь прозвище, которое дается имъ или вслѣдствіе пребыванія кургана на землѣ того или другаго селенія, или вслѣдствіе иныхъ сторонннхъ причинъ (въ особенности интересно прозвище «Кокуй—курганъ», который намекаетъ на значительную древность *).

*) Почти нѣтъ ни одного изъ этихъ кургановъ, про который не сложилось бы въ народѣ преданія; то изъ земли одному кладоискателю показался крестъ рудяной (кровяной) и какой то голосъ совѣтовалъ крестьянину «такъ точно кровью облиться человѣческою» для того, чтобы получить кладъ; «то казакъ одинъ, до денегъ жадный на курганѣ удавился, когда кладъ ему не дался»; то воевода славный Кокуй перебилъ на курганѣ тысячу татаровъ». О Сидоркиномъ курганѣ народъ знаетъ хорошо и сложилъ про него крайне поэтичное преданіе, которое, если и неимѣетъ фактической основы, то чрезвычайно характеристично обрисовываетъ отношеніе народа къ личности Петра. Атаманъ Сидорка властвуетъ по р. Усмани и Петръ, пріѣхавши въ Воронежъ, хочетъ посмотрѣть на него и оказать ему какую либо милость за то, что стоитъ онъ за правду, не даетъ въ обиду слабаго, не потакаетъ сильному. Свиданье происходитъ на берегу р. Хавы. Царь хочетъ наградить Сидорку, но послѣдній замѣчаетъ, что онъ и сильнѣе и богаче Петра и потому въ наградѣ не нуждается. Петръ оставляетъ творить его судъ и правду на Воронежѣ. По смерти Петра, князья да бояре не могутъ перенести существованія Сидорки, посылаютъ на него отряды, но всѣхъ ихъ разбиваетъ голь Сидоркина; наконецъ, является огромная рать; Сидорка кличетъ кличъ всей голи Воронежской и рать его не могутъ сосчитать генералы, которые насыпаютъ курганъ, чтобы видиѣе было считать его рать. Въ боярскомъ войскѣ оказывается братъ Сидоркинъ, увидавъ котораго, Сидорка умираетъ съ горя, такъ какъ братъ говоритъ, что служба требуетъ отреченія отъ родныхъ и близкихъ. Сидорка похороненъ въ курганѣ вмѣстѣ съ богатствами своими, но достать эти сокровища можетъ тотъ только, кто никогда никакой неправды не сдѣлалъ, кто даже ни одного гада не убилъ въ свою жизнь. (См. подробнѣе въ Петровскомъ сборникѣ, изд. «Русской Старины»).

Остальные курганы не носятъ въ народѣ никакого прозвища и обыкновенно говорятъ, желая точнѣе обозначить ту или другую мѣстность: «на Рыканьскомъ логу у кургана». Подобныхъ кургановъ, сколько мнѣ извѣстно, существуетъ 23; они вообще должны были быть ниже, а теперь, вслѣдствіе раззоряющаго вліянія времени, подпашекъ, вешнихъ водъ и степныхъ вѣтровъ, сильно уменьшились въ размѣрахъ и съ году на годъ все бобѣе и болѣе осыпаются и сравниваются съ окрестною ровною мѣстностью. Ясно, что и въ нихъ народъ искалъ кладовъ, но, насколько намъ извѣстно, никто еще никогда ничего въ нихъ не отыскивалъ и потому неудачу всегда сваливали на тяжкое заклятіе, которое владѣлецъ наложилъ на скрытый имъ кладъ. Какъ видно, къ числу такихъ кургановъ относятся слѣдующіе: близъ села Усмани-Собакиной, тотъ, что находится вправо отъ дороги, идущей изъ села Орлова въ село Бабяково (а не Бабякино, какъ значится на картахъ); 2 кургана, расположенные на лѣво отъ бывшей большой дороги изъ Усмани въ Воронежъ, невдалекѣ отъ села Орлова; курганъ на логу, близъ села Рыкани; курганъ у деревни Шепелиновки; 2 кургана у Синицынскихъ хуторовъ; кур-

ганъ между селеніями Горками и Плясовою; курганъ при дорогѣ изъ села Покровской Хавы въ гор. Воронежъ, близь селенія Грушина; курганъ у Емельяновки; почти осыпавшійся вовсе курганъ, находящійся между селеніями Семеновкою и Архангельскимъ; курганъ между деревнею Плясоватою и селомъ Шукавкою; курганъ, находящійся недалеко отъ озера Барскаго близь села Луговатки; курганъ на большой дорогѣ изъ Воронежа въ Тамбовъ, между селомъ Кручинскою Байгорой и дер. Радищевой; 5 кургановъ при селеніяхъ Малой Матренкѣ, Матренскихъ Выселкахъ, Ольховкѣ и Нижней Матренкѣ; курганъ (прекрасно сохранившійся), находящійся у большой дороги, ведущей изъ гор. Усмани въ гор. Козловъ; курганъ близь селенія Петровскаго и наконецъ курганъ близь селенія Куриловки.

Эти курганы служили свою особую службу, которая значительно отличалась отъ лежавшей на курганахъ перваго рода. Конечно, быть можетъ, мое мнѣніе и ошибочно, но пока не доказано противнаго, я считаю себя вправѣ описать здѣсь то, что я вывелъ изъ своихъ наблюденій въ особенности надъ Демшинско-Воронежскимъ отдѣломъ Демшинско-Уразовской засѣчно-сторожевой линіи.

Сторожи на курганахъ перваго рода, черезъ языковъ ли, или при посредствѣ личныхъ наблюденій, извѣщались о томъ, что въ ордѣ происходитъ необычайное движеніе, что орда готовится, если не къ правильному походу, то къ набѣгу на одинъ изъ польныхъ городковъ, или къ простой барантѣ въ одномъ изъ поселеній, лежавшихъ по близости къ польнымъ городкамъ; сторожа, которой удавалось первой провѣдать объ опасности, тотчасъ же увѣдомляла лежавшій за нею городокъ, чтобы немедленно приняты были мѣры къ отраженію опасности. Воевода сообщалъ объ узнанномъ по всей линіи, а самъ снаряжалъ немедленно временные пикеты, которые и выставлялись на курганахъ втораго рода, какъ бы въ помощь большимъ постояннымъ сторожамъ, расположеннымъ на курганахъ перваго рода; назначеніе этихъ маленькихъ пикетовъ состояло въ наблюденіи за линіею и за движеніями врага и въ содержаніи постояннаго и болѣе быстраго сообщенія между сторожами всей линіи; привычка нашихъ граничниковъ (казаковъ, на прим. на Западн. Кавказѣ) устраивать всегда вышки съ смолянымъ боченкомъ, вздернутымъ на шестъ, или просто съ пукомъ соломы, которые зажигались для подачи вѣсти о наступленіи непріятеля, не могла появиться у нихъ съ вѣтру, а напротивъ того повелась, вѣроятно, изстари, найдена удобною, а потому и излюблена нашими граничниками; по всѣмъ вѣроятіямъ и тутъ на курганахъ перваго и втораго рода стояли шесты съ боченкомъ или съ пукомъ соломы; при появленіи вблизи одного изъ кургановъ непріятельской толпы тотчасъ же зажигался условный знакъ, тоже дѣлали сначала ближайшіе,а затѣмъ и болѣе дальніе курганы-пикеты и такимъ образомъ вѣсть о наступленіи врага быстро становилась извѣстною по всей сторожевой линіи, по всѣмъ польнымъ городкамъ, которые и могли вслѣдствіе этого принять необходимыя мѣры къ отраженію врага, надѣясь на то, что передовыя сторожи на короткій срокъ смогутъ задержать наступленіе.

Необходимость насыпки кургановъ истекала прямо изъ самаго внѣшняго вида мѣстности: ни холма, ни пригорка не отыщешь здѣсь нигдѣ и потому для большаго кругозора человѣку приходилось перехитрять природу и дѣлать искуственные холмы, съ которыхъ ему удобнѣе было обзирать широкую, гладкую степь, лежавшую передъ нимъ; и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что курганы попадаются чаще тамъ, гдѣ мѣстность ровнѣе, и напротивъ того рѣже тамъ, гдѣ мѣстность выдается залысинками логовъ или крутобережностью протекающей по ней рѣчки.

Правильныхъ раскопокъ въ этихъ мѣстахъ никогда еще не производилось, хотя и разсказываютъ, что кое гдѣ находили уголья, кирпичи, иногда нѣсколько монетъ, а то такъ и куски желѣза—по всѣмъ вѣроятіямъ—ржавое оружіе; въ одномъ изъ кургановъ оказалось нѣчто въ родѣ подземелья, когда верхушку раскопали: но въ подземельѣ этомъ ничего, говорятъ, не нашли; справлялся я и на счетъ костей, но ихъ нигдѣ не находили, или же не помнили ничего о подобной находкѣ. Слѣдуетъ однако думать, что правильно, научно веденная раскопка, по крайней мѣрѣ кургановъ перваго рода, могла бы дать интересные результаты; но до сихъ поръ ничего еще ровно не сдѣлано въ виду того, что у людей знающихъ не хватаетъ для раскопокъ средствъ, (раскопки обойдутся здѣсь очень дорого, какъ вслѣдствіе дороговизны рабочей силы вообще, такъ и вслѣдствіе непривычки мѣстнаго населенія къ землекопнымъ работамъ), а обезпеченнымъ людямъ

не до кургановъ, да они и не съумѣли бы взяться за дѣло.

За линіею кургановъ тянется собственно линія укрѣпленій, которыя или окончательно сравнены съ землею, или же значительно пообсыпались; эта линія распадается на укрѣпленныя мѣста, или городки, и валъ, назначеніе котораго состояло въ защитѣ не отдѣльнаго какого либо пункта, а перелаза между двумя укрѣпленными пунктами. Въ бывшихъ укрѣпленныхъ пунктахъ, городкахъ, вѣроятно, кромѣ огороды, закола, былъ и земляной валъ, но мнѣ не приводилось ни разу видѣть слѣды такихъ валовъ, или окружающихъ ихъ рвовъ, въ Демшинско-Воронежскомъ отдѣлѣ; причина этому кроется, вѣроятно, въ томъ, что практическій крестьянинъ мало по малу поднахалъ валъ и воспользовался бывшимъ укрѣпленіемъ для конопляника или гумна.

При обзорѣ самой линіи мы пойдемъ съ сѣвера на югъ, т. е. сообразно съ ходомъ моихъ наблюденій, хотя, собственно говоря, древнѣйшія укрѣпленія были выстроены на югѣ Воронежской губерніи въ силу обыкновеннаго русскаго пріема, состоящаго въ томъ, чтобы занять возможно большую часть непріятельской территоріи и затѣмъ уже мало по малу укрѣплять ея центральныя части, предоставленныя на произволъ врага, вовсе и не думающаго признавать пограничную укрѣпленную черту и продолжающаго считать вновь занятую землю своею собственностью.

Прежде всего мы встрѣтимся при наблюденіи засѣчно-сторожевой линіи между Демшинскомъ и Уразовымъ съ бывшимъ городомъ Демшинскомъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу р. Излегощи, впадающей въ р. Воронежъ. Въ народѣ и до сихъ поръ не услышишь названія «Демшинскъ» и никто не пойметъ о чемъ спрашиваютъ, если спросятъ дорогу въ Демшинскъ; окрестные жители знаютъ «Городокъ»: въ городкѣ бываетъ хорошая ярмарка, въ городкѣ дѣлается лучшее въ окрестности коробье тележное, тогда какъ Демшинска никто и не знаетъ. Ярмарка бываетъ здѣсь на такъ называемомъ «лугу», который отнюдь не представляетъ собою ровной лужайки, а напротивъ того, перерѣзанъ какими-то рытвинами, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ считать остатками земляныхъ укрѣпленій города Демшинска. Другихъ слѣдовъ укрѣпленій не осталось въ Демшинскѣ никакихъ, хотя онъ сравнительно еще недавно переименованъ изъ городовъ въ село. Говорятъ, что близъ Демшинска какъ-то напали при пахотѣ на какое-то древнее кладбище, «должно не наше руское — объясняетъ народъ, — такъ какъ покойники лежали не ко востоку, а такъ и этакъ»; вѣрнѣе всего, если только находка костей и череновъ правда, что здѣсь не существовало кладбища, а происходило когда-то одно изъ тѣхъ побоищъ, которыя были такъ часты на южной и юговосточной сторожевой русской линіи. Правильныхъ розысковъ, повторимъ еще разъ, какъ здѣсь у Демшинска, такъ и по всей описываемой линіи, никогда производимо не было.

Отъ Демшинска начинается непрерывный валъ, тянущійся приблизительно верстъ на 40, назначеніе котораго становится понятнымъ даже и при поверхностномъ взглядѣ на карту и рѣзко опредѣляется при знакомствѣ съ условіями мѣстности. И до сихъ поръ еще за валомъ находится лѣсъ, который въ прежнее время, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ гораздо значительнѣе и росъ на болотистой почвѣ праваго берега рѣки Усмани; слѣды этихъ болотъ существуютъ и теперь, но въ настоящее время они конечно уже болѣе доступны, нежели въ тѣ времена, когда приходилось еще русскому человѣку «беречись» отъ ордынца и иныхъ кочевыхъ враговъ юга и востока; самый уже лѣсъ мѣшалъ неусыпнымъ наблюденіямъ, а долина рѣки Усмани представляла превосходный путь для таящихся отъ сторожей враговъ; правда болотистая мѣстность затрудняла нѣсколько быстрое нападеніе барантачей и хищниковъ, но и здѣсь въ лѣсу были тропы, а по болотамъ имѣлось нѣсколько «перелазовъ» *). Въ виду всего этого, на болотахъ, при существованіи многихъ перелазовъ, представлялась необходимость уже не въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ, а скорѣе въ защитѣ всѣхъ перелазовъ вмѣстѣ непрерывнымъ валомъ, за которымъ могли-бы скрываться защитники границъ русскихъ. Кромѣ того въ близь лежащемъ лѣсу порублены были деревья и изъ ихъ стволовъ подѣланы были засѣки, которыя должны были затруднять ходъ татарской конницѣ и въ тоже время исполнять роль заваловъ для стрѣлковъ. Порубленный, но невывезенный еще лѣсъ и до сихъ поръ называется «засѣкой» и образуетъ «просѣку» только тогда, когда его уже вывезутъ. Въ народѣ кос-

*) Перелазомъ мѣстное населеніе называетъ: болотную тропу и лѣсную, а также и бродъ чрезъ рѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ противуположный берегъ не крутъ и удобенъ для въѣзда.

кто знаетъ, что валъ построенъ въ защиту отъ татаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дер. Завальской записано мною также и преданіе, что здѣсь на валу сгибли «чудки — такой, вишь, народъ былъ и воевалъ съ Грознымъ царемъ»; (пусть не подумаютъ, что въ названіи этого народа я усматриваю что либо похожее на воспоминаніе о Чуди—вѣрнѣе всего, что народъ этотъ прозванъ такъ русскими по своей необычайной вишнести: кто говоритъ меньше пятилѣтка ростомъ они были, а кто напротивъ того увѣряетъ, что «Чудки» были въ косую сажень вышины).— Именно подъ Усманью и загублены «Чудки» предстательствомъ Николая Угодника. Кое гдѣ по валу встрѣчаются «прорѣзи» (мѣстное выраженіе для незаставленнаго рамой окна въ землянкахъ, а также и для проходовъ, продѣланныхъ въ валу), но крайне рѣдко, что даетъ возможность предполагать, что «прорѣзи» употреблялись не для выставки пушекъ, а скорѣе для вылазокъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, запирались въ случаѣ нужды. На поворотахъ, Усманскій валъ имѣетъ значительно большій поперечникъ и потому мнѣ кажется возможнымъ предполагать существованіе на этихъ углахъ, если не башень, то небольшихъ бастіоновъ, или земляныхъ прикрытій для сторожи, тѣмъ болѣе, что напр. въ томъ поворотѣ, который валъ дѣлаетъ въ $3^{1}/_{2}$ верстахъ отъ деревни Завальской, по словамъ мѣстныхъ жителей, находимы были угли и опять таки необожженные кирпичи. Въ настоящее время на валу косятъ сѣно, сѣютъ хлѣбъ и съ году на годъ онъ болѣе и болѣе осыпается. Средняя вышина его по подъему доходитъ до 2 саженъ, а абсолютная высота немного болѣе одной сажени; ширина его у основанія простирается до двухъ саженъ, а въ вершинѣ—едва доходитъ до одной сажени; слѣдуетъ думать, что эскарповъ на валу никогда не было, такъ какъ нигдѣ не попадалась намъ какая-либо неровность откоса, которая давала-бы возможность предполагать о существованіи эскарпа. Народъ приписываетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, валу чудесную силу, такъ какъ беретъ вальную землю на знахарскія снадобья.

Начинаясь у Демшинска, валъ направляется къ деревнѣ Яхонтовой и недалеко отъ нея переходитъ чрезъ рѣку Излегощу Нижнюю; вообще слѣдуетъ замѣтить, что вездѣ, гдѣ валу приходится переходить на другой берегъ рѣки, тамъ у самаго берега онъ дѣлаетъ всегда небольшой загибъ въ сторону Россіи *) и тянется сажень на 50—100 по берегу; затѣмъ на противуположномъ берегу онъ начинается уже именно противъ того мѣста, гдѣ на другомъ берегу начинается загибъ. Отъ берега р. Излегощи валъ тянется мимо селенія Верхней Излегощи, а отсюда къ Сторожевой слободѣ гор. Усмани.

Уже самое названіе слободы показываетъ, что когда-то здѣсь было укрѣпленіе; народъ также помнитъ о томъ, что Сторожевая была когда-то укрѣпленіемъ и говоритъ иногда: „на Сторожевой, во рву“. Упоминаемый здѣсь ровъ когда-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, служилъ рвомъ для укрѣпленія, но теперь онъ обратился въ ложокъ, который съ каждою весною промываетъ себѣ все болѣе и болѣе глубокое ложе. Подойдя близь Сторожевой, какъ разъ у желѣзно-дорожной водокачальни, къ берегу рѣки Усмани, валъ переходитъ на другой берегъ и тянется мимо селенія Нечаевскаго, близь котораго пересѣкаетъ рѣку Байгору. Отъ рѣки Байгоры валъ проходитъ верстахъ въ 3-хъ отъ сел. Хомутовки или Завальскаго и пересѣкаетъ бывшую большую дорогу изъ города Воронежа въ городъ Усмань; здѣсь, не вдалекѣ отъ Софійскаго женскаго монастыря, онъ вступаетъ въ монастырскій лѣсъ и затѣмъ на протяженіи почти 20 верстъ тянется по лѣсу, принадлежащему къ казенной Усманской дачѣ. При вступленіи въ монастырскій лѣсъ валъ отстоитъ отъ города Усмани по крайней мѣрѣ на $3^{1}/_{2}$ версты. Мѣстное преданіе гласитъ, что гор. Усмань во времена оны служилъ ставкою для какого-то хана, который оставилъ свой городъ вслѣдствіе того, что любимая дочь его, Усмань, безнадежно влюбленная въ ханскаго стремяннаго, бросилась въ мутныя воды рѣки; но воспользовались-ли при занятіи этой мѣстности русскіе положеніемъ Усмани почти при сліяніи рѣкъ Усмани и Байгоры, или же нѣтъ—разрѣшить невозможно и скорѣе слѣдуетъ предполагать, что гор. Усмань никогда не былъ укрѣпленнымъ пунктомъ, что было бы совершенно излишнимъ, въ виду близкаго сосѣдства съ нимъ укрѣпленія Сторожевой слободы; одно впрочемъ возможно, а именно, что старинная Усмань стояла на мѣстѣ нынѣшней слободы и измѣнила мѣстоположеніе свое въ силу

*) Всѣ рѣки въ Воронежской губерніи обладаютъ такъ называемыми: руцкимъ и ногайскимъ берегами, смотря потому—къ чьей области въ древности берега принадлежали.

извѣстнаго закона тяготѣнія городскихъ построекъ въ сторону промышленнаго центра на нихъ реагирующаго.

Проходя лѣсомъ, валъ у сел. Новаго Углянца вновь пересѣкаетъ рѣку Усмань и тянется мимо озера Боярскаго почти параллельно Воронежско-Козловской желѣзной дорогѣ; на параллели дер. Мариновой онъ круто поворачиваетъ на юго-западъ, проходя недалеко отъ Усманскаго кордона; затѣмъ валъ тянется вблизи Чистаго озера и станціи Графской и невдалекѣ отъ сел. Боръ подходитъ къ чрезвычайно болотистой мѣстности, гдѣ и теряется въ болотѣ, то возвышаясь нѣсколько надъ уровнемъ топи, то сравниваясь съ нею *).

Кромѣ Демшинска и Сторожевой слободы, которые помѣщались, такъ сказать, на самомъ валу и составляли съ нимъ какъ бы одно цѣлое, строителю описываемой линіи укрѣпленій, повидимому, показалось, что фланги ея слишкомъ недостаточно защищены и потому онъ построилъ два укрѣпленные пункта внѣ непрерывной укрѣпленной линіи; эти «городки» служили какъ бы отдѣльными массивными фортами у большой крѣпости и играли туже роль по отношенію къ Демшинско-Боровской части линіи, какую напр. Монъ-Валеріенъ, Иссн и др. форты играютъ по отношенію къ непрерывной цѣпи укрѣпленій Парижа. Эти два городка были Сторожевое и Орловъ. Послѣдній однако быть можетъ еще и не стоялъ отдѣльно отъ вала и очень легко могло быть, что валъ тянулся когда то и къ нему, но теперь рѣшительно нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого вала и бывшій городокъ представляется теперь вполнѣ изолированнымъ отъ общей линіи. Надъ жителями Сторожеваго и теперь еще потѣшаются окрестные жители тѣмъ, что обзываютъ ихъ «заступниками, сторожами — воеводскую курицу пуще ока берегли, а Усмань проспали». Слѣдуетъ думать, что въ этомъ глумленіи есть фактическая основа, и что когда нибудь Усмань была взята и ограблена кѣмъ-то, благодаря недостатку бдительности со стороны сторожи на Сторожевомъ селѣ. Между такъ называемыми Воронежскими актами очень много найдется такихъ, которые прямо относятся къ Орлову городку, имѣвшему своего воеводу, по всѣмъ вѣроятіямъ командовавшаго всею Демшинско-Воронежскою частью засѣчно-сторожевой линіи, или по крайней мѣрѣ половиною ея, если только Демшинскій воевода вѣдалъ когда нибудь сторожу до р. Усмани. Орловъ стоитъ всего въ 30 верстахъ отъ Воронежа и былъ соединенъ съ нимъ цѣлою цѣпью сторожевыхъ постоянныхъ и временныхъ кургановъ, а потому между этими городами и нетребовалось болѣе никакихъ укрѣпленій тѣмъ болѣе, что въ этихъ мѣстахъ степь мало по малу начинаетъ холмиться, а рѣка Усмань, здѣсь также протекающая довольно широкимъ разливомъ, могла служить сильною защитою для оберегавшихъ границу войскъ; наконецъ еслибы сторожевая цѣпь и была здѣсь порвана, то впереди могла остановить враговъ Ливенская засѣка и повидимому цѣлый рядъ укрѣпленій тянувшихся отъ Линецка къ Ливнамъ.

Касательно времени постройки самаго вала, а также насыпки кургановъ и городьбы острожковъ въ этой сѣверной части сторожевой линіи, неизвѣстно ничего положительнаго; мы знаемъ только, что позднѣйшіе города, въ смыслѣ не спеціально сторожевомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще населенныхъ мѣстъ, Усмань и Орловъ, построены были около 1645 — 1648 года. Собственно Орловъ выстроенъ въ 1646 году Тихономъ Хоперскимъ съ товарищи. Вскорѣ послѣ постройки Усмани, на городъ сдѣлано было нападеніе орды (въ 1652 г.) и онъ былъ взятъ и разрушенъ; по этому поводу мы видимъ, что въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, царскою грамотою изъ Разряда предписано было Сокольскому воеводѣ Шишкину поѣхать въ село Вербилово и на Польный Воронежъ досмотрѣть въ которыхъ мѣстахъ на старыхъ городищахъ, или

*) Какъ оказалось изъ наведенныхъ мною справокъ у мѣстнаго жителя М. А. Веневитинова, Демшинско-Воронежскій отдѣлъ описываемой линіи не оканчивается у Бора, и на другомъ берегу р. Воронежа, какъ и слѣдовало ожидать, имѣется заканчивающій валъ укрѣпленный пунктъ, слѣды котораго и теперь еще можно видѣть въ Городищѣ, находящемся между селеніемъ Старо-Животинным и Чертовицкимъ; съ двухъ сторонъ Городище это ограничивается, такъ называемыми, Мокрымъ и Поземнымъ логами; кругомъ городища тянется ровъ, который въ народѣ называется „заваломъ“. Раскопокъ и здѣсь не производилось вовсе. Далѣе мы видимъ у сел. Старо-Животинаго 5 кургановъ, у Ново-Животиннаго 2 кургана, подъ Кулешевкою одинъ очень большой курганъ и между Животинным и Ольховаткою одинъ курганъ и затѣмъ цѣлую линію кургановъ, тянущуюся мимо Верейки, Землянска и Голой Сновы до цѣлой группы селеній, носящихъ названіе Курганки и до Ливенъ. Въ виду этого-то соединенія Воронежа съ Ливнами, вѣроятно, и встрѣчаемъ мы въ актахъ распоряженія о разъѣздахъ между Ливнами и Воронежемъ и вообще въ актахъ Ливны всегда упоминаются вмѣстѣ съ Воронежемъ и на оборотъ.

въ селахъ и деревняхъ на полыхъ мѣстахъ у рѣки пристойно устроить городъ, вмѣсто Усмани и Орлова, такъ какъ въ этихъ городахъ, устроенныхъ не въ крѣпостяхъ, а за ихъ чертою, служилымъ людямъ уберечись не умѣть» (Ворон. акты, I, 54 и 55). Извѣстіе это крайне важно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ мы видимъ, что уже въ 1652 году были извѣстны старыя городища, на которыхъ предлагается строить новый городъ, что вѣроятно было всегда въ обычаѣ и что объясняетъ намъ появленіе Воронежа, Коротояка, Таврова и всѣхъ иныхъ городовъ на мѣстахъ старыхъ противутатарскихъ городищъ; и во вторыхъ этимъ извѣстіемъ подтверждается, что гор. Усмань не обладалъ въ 1652 г. огородою, а укрѣпленія его, какъ было предположено выше, находились въ Сторожевой слободѣ.

На р. Воронежѣ оканчивалась Демшинско-Воронежская часть линіи укрѣпленій и начиналась Воронежско-Бирюченская, къ описанію которой мы и приступимъ, слѣдуя при этомъ направленію отъ Воронежа къ гор. Бирючу, гдѣ вновь встрѣчаемся съ засѣкою и валомъ, носящимъ названіе Ливенскаго.

У Воронежа, по всѣмъ вѣроятіямъ, начинался первый и притомъ древнѣйшій поворотъ засѣки сторожевой линіи по направленію къ Ливнамъ; намъ никогда не удавалось изслѣдовать эту предполагаемую нами линію, но тѣмъ не менѣе, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы можемъ существованіе такой линіи считать фактомъ; въ числѣ доказательствъ нашего предположенія мы приведемъ хотя бы нѣсколько названій населенныхъ мѣстъ, намекающихъ на существованіе въ этихъ мѣстахъ засѣчно сторожевой линіи; такъ напр., на р. Вѣдугѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Воронежа, мы видимъ село Завальское: при сел. Семидубровномъ урочище Орлиное гнѣздо; при сел. Царевомъ, почти при устьѣ Олымчика, — Ногайское городище; между Олымомъ и Богатою Совою—цѣлый рядъ селеній Курганокъ при курганахъ. И дѣйствительно, если мы обратимся къ актамъ, то увидимъ, что здѣсь въ этихъ мѣстахъ должна была быть въ концѣ XVI вѣка засѣчная линія, такъ какъ уже въ 1572 г. велѣно было именно по этому направленію жечь «поля», т. е. лежавшую передъ укрѣпленною линіею степь, при чемъ сказано, чтобы посланные люди жгли «сряду непрочущая, проѣзжая отъ Олыми межъ Сновъ и Ведугъ до Дону, да межъ Ведугъ и Дѣвицъ отъ Дону и до верхъ Олыми и съ верхъ Олыми къ верхъ Дѣвицамъ и къ верхъ Тихія Сосны и Дону, да съ верхъ Олыми къ верхъ Котла и Потудани и къ верхъ Валуйкѣ и по Валуйкѣ на подалъ и и до устья». (Бѣляевъ. О станич. службѣ на Украйнѣ. 21, 22). По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ уклонъ укрѣпленной линіи продолжался прежде по р. Кшени (нѣсколько сел. Городищъ) и затѣмъ по р. Осколу чрезъ Старый Осколъ и Корочу на Бѣлгородъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что Бѣлгородъ и Осколъ построены были въ 1593 году, т. е. всего черезъ 21 годъ послѣ сожженія степей Приломскихъ.

Собственно городъ Воронежъ построенъ былъ еще раньше Оскола и Бѣлгорода, такъ какъ указъ о построеніи его, въ двухъ днищахъ отъ Богатаго Затона, состоялся 1-го марта 1586 года*); слѣдовательно, годъ постройки засѣчно-сторожевой Демшинско-Воронежской линіи опредѣлится приблизительно періодомъ времени между 1586 и 1646 годами, если только Орловъ не построенъ позднѣе другихъ укрѣпленій, въ виду усилившейся именно въ этомъ пунктѣ опасности. Какъ бы то ни было, но мы въ правѣ думать, что обычай строить города на старинныхъ городищахъ имѣлъ мѣсто и при построеніи Воронежа, такъ какъ въ немъ именно, близъ слободы Чижевки, недалеко отъ шлюзовъ, находится такъ называемое «Хазарское городище», которое называется такъ отнюдь не одними офиціальными лицами, а и самимъ народомъ, не охотно соглашающимся съ офиціальными названіями мѣстностей**). Спустя не болѣе четырехъ лѣтъ***) послѣ царскаго указа, мы встрѣчаемъ уже извѣстіе, что едва построенный Воро-

*) ibid, стр. 35.

**) Новое подтвержденіе существованія болѣе старинаго Ливенско-Воронежскаго уклона описываемой засѣчно-сторожевой линіи мы видимъ въ томъ, что въ одно время съ Воронежемъ построены и Ливны, при чемъ предписывалось: «каковы будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на Государевы украйны и съ Ливенъ присылати съ вѣстями на Воронежъ, а съ Воронежа потому жъ на Ливны съ вѣстьми посылать». Ясно, что для пересылки вѣстей необходимы были станочныя сторожи, такъ какъ, въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, вѣстники легко могли быть дорогою убиты. По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ уклонъ представляетъ всѣ особенности Демшинско-Воронежской линіи, на что намекаютъ названія селеній: Завальское, Курганка и иныя (цитата изъ Бѣляева, стр. 35).

***) Карамзинъ. Т. X, пр. 192.

нежъ, былъ сожженъ до тла шайкою черкасъ, которые перебили и воеводу и всѣхъ жителей. Ясно, что такого важнаго въ стратегическомъ отношеніи пункта, каковымъ считался въ тѣ времена Воронежъ, невозможно было оставлять безъ укрѣпленій и потому, очевидно, немедленно же были приняты мѣры къ постройкѣ новаго города, такъ какъ уже въ 1598 г. мы видимъ, что Борисъ Годуновъ посылаетъ гонца въ Воронежъ «сказать милостивое слово воеводѣ и спросить о здравіи его, а также и дворянъ, сотниковъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ».

Правительство до такой степени дорожило мѣстомъ впаденія р. Воронежа въ р. Донъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, построило недалеко отъ вновь устроеннаго города еще особый острожекъ, въ Тавровѣ, гдѣ и теперь, кромѣ остатковъ при-Петровскихъ построекъ, показываютъ и еще болѣе древнее городище, въ которомъ попадаются опять-таки кирпичи изъ необожженной глины, встрѣчаемые на нѣкоторыхъ курганахъ Демшинско-Воронежскаго отдѣла. Петръ, въ 1701 году, понимая не менѣе своихъ предшественниковъ всю выгоду положенія Таврова, перевелъ сюда верфь изъ Воронежа, потому что тамошній фарватеръ р. Воронежа сталъ «мало способенъ для спуска кораблей»; вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ прекрасно укрѣпилъ Тавровъ, который, по его предположенію, долженъ былъ служить надежнымъ базисомъ для дальнѣйшихъ походовъ его на Азовъ, а также быть можетъ и для тѣхъ предполагавшихся походовъ на Крымъ и даже Константинополь, которые составляли его pia desideria. Старинное до-Петровское городище въ Тавровѣ находится отнюдь не на томъ же берегу, какъ и Петровское, такъ какъ укрѣпленія строились здѣсь съ двумя совершенно различными цѣлями. Строителямъ засѣчно-сторожевой линіи необходимо было избирать подъ сторожи и огороды такія мѣста, которыя командовали бы мѣстностью, представляли бы собою нѣкоторую, въ силу своего выгоднаго положенія, трудность для захвата ихъ и съ которыхъ на далекое пространство можно было бы наблюдать за степью; а потому мы и видимъ, что всѣ укрѣпленныя мѣста того времени строились на нагорномъ берегу рѣкъ, или на горахъ, или же, наконецъ, на искуственныхъ холмахъ; ту же снаровку строителей мы можемъ наблюдать и въ Тавровѣ, такъ какъ и здѣсь древнее городище находится на нагорной сторонѣ р. Воронежа, недалеко отъ селенія Шилова, на уступѣ, окруженномъ песками. Напротивъ того, Петру требовалось защитить его верфь, расположенную въ заливѣ р. Воронежа у самаго Таврова, а потому онъ и не воспользовался для новаго города старинымъ городищемъ тѣмъ болѣе, что наблюдать за окрестною степью не представлялось уже настоятельной необходимостью, такъ какъ окрестная степь на значительное разстояніе отъ Воронежа была уже отчасти населена разными пришлыми людьми.

Прежде, чѣмъ спускаться внизъ по р. Дону и описывать укрѣпленія, стоявшія по его теченію и входящія въ составъ Воронежско-Коротоякскаго отдѣла описываемой нами части южно-русской сторожевой линіи, мы находимъ умѣстнымъ замѣтить, что здѣсь не являлось никакой необходимости въ пикетахъ для содержанія сообщенія между укрѣпленными пунктами по той простой причинѣ, что здѣсь правый берегъ Дона возвышается надъ противуположнымъ берегомъ на очень значительную высоту и состоитъ изъ цѣлой гряды довольно значительныхъ мѣловыхъ холмовъ, которые представляли уже сами собою значительное препятствіе для нападающихъ ордынцевъ и съ которыхъ степь можно обозрѣвать на весьма большое пространство безъ прибѣганія къ насыпкѣ кургановъ и выставкѣ особыхъ вѣстовыхъ пикетовъ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ отдѣлѣ разстояніе между укрѣпленными мѣстами рѣдко превышаетъ 12 верстъ, а потому и сообщеніе между ними могло быть весьма легко поддерживаемо.

Слѣдующій затѣмъ городъ лежалъ почти на границѣ нынѣшнихъ Воронежскаго и Коротоякскаго уѣздовъ, на мѣстѣ существующаго теперь сел. Костенокъ; гор. Костенскъ стоялъ именно на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Костенки въ Донъ, и былъ построенъ по государеву указу въ 1648 году, хотя и слѣдуетъ предполагать, что Костенскъ, какъ сторожа, существовалъ еще гораздо раньше, такъ какъ у Костенска до сихъ поръ показываютъ остатки какого-то вала на такъ называемомъ «Татарскомъ перелазѣ», т. е. на томъ мѣстѣ, гдѣ татарскія толпы привыкли переправляться черезъ бурный и широкій Донъ. Валъ этотъ находится въ состояніи полнаго разворенія, такъ что, если бы не указанія мѣстныхъ жителей, можно было бы и не замѣтить этого остатка старины, когда-то защищавшагося противъ значительныхъ толпищъ татарскихъ.

Почти напротивъ сел. Аношкина, на правомъ

же берегу р. Дона, находится сел. Сторожевое, гдѣ и теперь еще можно видѣть хорошо сохранившіеся остатки валовъ и даже рвовъ; тутъ находилась, повидимому, постоянная сторожа, хотя и съ «огородой», но тѣмъ не менѣе служившая болѣе для подаванія вѣстей съ Воронежа на Коротоякъ и обратно. Гористый берегъ отъ Костенска до Сторожеваго и отъ Сторожеваго до самаго Урыва покрытъ прекраснымъ лѣсомъ, который въ старинныя времена былъ еще гуще и потому непроходимѣе для конныхъ по преимуществу татаръ. На это-то Сторожевское городище и указываетъ г. Германовъ въ статьѣ своей «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежской губерніи», помѣщенной въ XII т. «Зап. Геогр. Общ.».

По другому берегу р. Дона, вдоль дороги изъ сел. Олень-Колодезь въ Форостань и Коротоякъ, недалеко отъ сел. Аношкина, замѣтны нѣкоторые слѣды вала, но эта земляная постройка находится въ такомъ разрушенномъ состояніи, что ее легко принять съ перваго взгляда просто за небольшую холмистость мѣстности; на помощь въ этомъ случаѣ является народъ, который, опредѣляя эту мѣстность, всегда говоритъ: «на татарскомъ валу Аношкиномъ». Къ чему служилъ этотъ валъ? — опредѣлить трудно; слѣдуетъ предполагать, что здѣсь былъ передовой пикетъ въ виду того, что окрестная мѣстность сплошь покрыта сыпучими песками, которые тянутся вплоть до праваго берега р. Форостани, долина которой могла представлять удобный для ордынцевъ путь къ Дону. Г. Кремеръ, очень много писавшій о Воронежской губерніи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, утверждаетъ, между прочимъ, что по обоимъ берегамъ р. Дона встрѣчается много кургановъ; но сколько мы ни искали чего-либо подобнаго на лѣвомъ берегу Дона, поиски наши остались тщетными; правда, что на сѣверо-востокъ отъ Дона дѣйствительно встрѣчается масса кургановъ, напр. въ степяхъ Верхнестишанскихъ, но степи эти отъ Дона отстоятъ верстъ на 80, а потому ихъ и невозможно считать при-Донскими; Верхнетишанскіе курганы, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны быть причислены къ курганамъ, прилежащимъ къ Демшинско-Воронежскому отдѣлу.

Слѣдуя далѣе внизъ по теченію р. Дона, верстахъ въ 15 отъ Сторожеваго, мы встрѣчаемъ новое городище и бывшій городокъ Урывъ, построенный по указу 1648 г. Ранѣе этого времени трудно предполагать, что бы на этомъ мѣстѣ былъ укрѣпленный пунктъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ болѣе древнихъ построекъ въ Урывѣ не оказывается. Положеніе Урыва должно было казаться крайне выгоднымъ, потому что онъ стоитъ при сліяніи рр. Дона и Дѣвицы. Интересно, что по сохранившимся остаткамъ видно, что укрѣпленія Урыва обращены были фасомъ прямо на востокъ и южная часть была, повидимому, укрѣплена значительно слабѣе; даже и теперь можно видѣть причину такого устройства крѣпости, такъ какъ съ юга мѣловую скалу, на которой было расположено укрѣпленіе, отдѣляетъ отъ Дона и Дѣвицы топкое болото, въ древности бывшее вѣроятно еще болѣе топкимъ; ясно, что самое это болото достаточно защищало крѣпость съ юга и здѣсь татарскимъ толпищамъ движеніе и подступъ къ Урыву затруднялся топью, а потому и представлялось необходимымъ укрѣпить лишь восточный фасъ крѣпости. Быть можетъ также, что постройка Урыва не имѣла уже цѣлію обереганіе спеціально южной границы, а напротивъ того, должна была угрожать восточнымъ непріятелямъ, которые, не менѣе южныхъ, стали безпоконть въ это время московское правительство. — Конечно, Петръ долженъ былъ оцѣнить всю выгоду положенія Урыва, но онъ намѣтилъ другое мѣсто для крѣпости, лежащее южнѣе Урыва и потому болѣе близкое къ непріятелю, слѣдовательно болѣе подверженное риску нападенія, т. е. болѣе важное въ стратегическомъ отношеніи.

Верстахъ въ трехъ отъ устья р. Потудани, на правомъ же берегу р. Дона, расположенъ городъ Коротоякъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, большинство городовъ описываемаго отдѣла строились въ силу одного и того же задуманнаго правительствомъ плана, такъ какъ постройка ихъ по большей части относится къ одному и тому же году. Въ строенной книгѣ г. Коротояка, хранившейся до реформы въ тамошнемъ уѣздномъ судѣ, сказано между прочимъ, что городъ этотъ заложенъ стольникомъ Даніилой Яковлевымъ, 1 октября 1648 г. Интересно, что Коротоякъ населенъ былъ, какъ переведенцами изъ внутреннихъ губерній, такъ и черкасами, пришедшими изъ литовской стороны. Между прочимъ, въ томъ же году мы уже видимъ въ Коротоякѣ три слободы; кромѣ того защитники городка селились и по близости отъ него, напр. въ 5 верстахъ отъ Коротояка; между рѣкъ Потудани и Дѣвицы «у Дона, усть рѣки Дѣвицы, на татар-

скомъ перелазѣ», устроены были особою слободою 50 чел. дѣтей боярскихъ Елецкихъ, а въ 7 верстахъ отъ Коротояка и въ 1½ версты отъ Урывскаго острога,—«подъ лѣсомъ, у большой Дѣвицкой Луки», 30 человѣкъ нововерстанныхъ дѣтей боярскихъ. Изъ той же строенной книги г. Коротояка видно, что на Коротоякѣ, подъ городомъ, въ Царевой Лукѣ устроены были 77 человѣкъ перехожихъ черкасъ, изъ числа которыхъ 7 присланы изъ Сѣвска воеводою кн. Щербатовымъ; при этомъ обыкновенно давалась имъ царская грамота, въ которой предписывалось «давать имъ государево жалованье, по семьямъ глядючи, съ порукою, что имъ государеву службу служить и съ государевы измѣнники, съ Крымскими, Ногайскими, Литовскими и Нѣмецкими людьми биться, и государю не измѣнить, въ Крымъ, и Литву, и иныя государства никуды не отъѣзжать, и дворами на вѣчное житье строиться, и указныя свои пашни пахать, и хлѣбъ сѣять, и никакимъ воровствомъ не воровать, корчмы и блядни не держать, и табаку имъ не пить, и никого не грабить, и не побивать, и не красть, и силою ничего ни у кого не отымать». Мы нарочно привели здѣсь эту обычную форму поручной записи, даваемой вновь поступившими на службу служилыми людьми, чтобы выяснить разъ навсегда тѣ основанія, на которыхъ селились во вновь построенныхъ городахъ засѣчно-сторожевой линіи всѣ черкасы, такъ какъ на тѣхъ же основаніяхъ поселены они и въ Острогожскѣ, и въ Усердѣ и въ другихъ мѣстахъ. Изъ старинныхъ укрѣпленій въ Коротоякѣ и до сихъ поръ близъ зданія уѣзднаго казначейства можно видѣть слѣды вала; рва но всѣмъ вѣроятіямъ здѣсь не было, ибо въ немъ не представлялось необходимости, вслѣдствіе самой обрывистости въ этомъ мѣстѣ праваго берега Дона.

Слѣдуетъ предположить, что стольникъ Яковлевъ не былъ хорошимъ знатокомъ крѣпостнаго дѣла, такъ какъ мѣстность Коротояка для укрѣпленнаго пункта представляетъ одно крайне важное затрудненіе и въ случаѣ осады городъ легко было бы взять, — Коротоякъ страдаетъ недостаткомъ воды. Тѣмъ болѣе страннымъ можетъ показаться выборъ мѣстности стольникомъ Яковлевымъ, что уже въ его время извѣстно было «Старое Маяцкое городище», упоминаемое даже въ строенной книгѣ Коротояка. Это городище извѣстно мѣстнымъ жителямъ, которые разсказываютъ про него нѣсколько преданій никогда не пріуроченныхъ къ тому или другому лицу; и теперь еще можно видѣть слѣды этого городища на вершинѣ такъ называемыхъ Дивьихъ горъ, при Диво-горскомъ мужскомъ монастырѣ. Старое Маяцкое городище лежитъ на огромныхъ мѣловыхъ скалахъ и въ тѣ времена „огорода“ его должна была быть неприступною; уже самое положеніе его при впаденіи р. Тихой Сосны въ Донъ указываетъ на громадную важность для Россіи въ хорошей защитѣ этого пункта; правый берегъ р. Тихой Сосны могъ прекрасно служить для тайныхъ и быстрыхъ подходовъ орды и потому надо было устроить въ этомъ пунктѣ такую твердыню, о которую разбились бы толпы хищниковъ. Этой то цѣли и соотвѣтствовали вполнѣ Дивьи горы (а не Дивногорье, какъ ихъ теперь называютъ); онѣ дѣйствительно будто нагромождены какими-то великанами и были неприступны, подобно всѣмъ укрѣпленіямъ, изсѣченнымъ въ скалахъ. На вершинѣ Дивьихъ горъ до сихъ поръ можно видѣть идущую въ видѣ обода вокругъ вершины постройку, которая отъ дѣйствія времени скорѣе можетъ назваться насыпью въ настоящее время; съ южной стороны этой насыпи находится, повидимому, искуственный выступъ скалы, цѣль котораго съ перваго взгляда рѣшительно непонятна; но изъ разсказовъ сторожиловъ мы узнали, что подъ этимъ выступомъ, въ логу, найдено было какое то старинное дубовое бревно, совершенно почернѣвшее отъ времени;—ясно, что бревно это было ничто иное какъ «навалъ», который по всѣмъ вѣроятіямъ и помѣщался на упомянутомъ выше выступѣ и предназначался для низверженія на осаждающихъ. Съ сѣверовосточной и южной сторонъ Дивьихъ горъ до сихъ поръ видны пещеры; говорятъ, что ихъ выкопали иноки, но врядъ ли можно согласиться съ этимъ именно вслѣдствіе страннаго расположенія отверстій этихъ пещеръ, а потому я и позволю себѣ сдѣлать одно предположеніе, которое можетъ быть вполнѣ доказано лишь правильными научными раскопками. Всѣ выходы, или по мѣстному „печерки“, расположены именно съ южной и съ сѣверовосточной сторонъ, и при томъ нѣкоторыя изъ „печерокъ“ имѣютъ другъ съ другомъ сообщеніе; одинъ, по преданію давно уже засыпанный, выходъ приходился какъ разъ при вышеупомянутомъ выступѣ, гдѣ когда то лежали „навалы“; кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что всѣ пещерные выходы идутъ по радіусамъ, расходящимся изъ общаго предполагаемаго центра, который и приходится какъ разъ въ центрѣ го-

родища; изъ такого-то расположенія выходовъ я и заключаю, что гдѣ то на вершинѣ горы въ самой бывшей огородѣ существовалъ когда-то спускъ внизъ въ обширную подгородную пещеру, которая выходила по бокамъ горы довольно узкими выходами, служившими какъ для выбрасыванія «навалоѣ», такъ и, быть можетъ, въ качествѣ амбразуръ для стрѣлковъ. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ мѣстномъ преданіи, которое гласитъ, что кто-то сталъ рыть землю въ самомъ городищѣ съ цѣлью отыскать кладъ и попалъ въ горницу, гдѣ послышалось ему пѣніе; ясно, что копавшій или едва не натолкнулся на одну изъ нынѣ существующихъ «печерокъ», гдѣ монахи любятъ совершать службу или пѣть духовныя пѣсни, или же просто повѣрилъ обману своихъ напряженныхъ нервовъ. Какъ бы то ни было, но Дивогорье представляетъ несомнѣнно огромный интересъ для правильной расконки, которая могла бы дать богатые результаты; замѣчу здѣсь, что съ одной стороны «Старое Маяцкое городище» упоминается подъ этимъ названіемъ уже въ 1648 году, а съ другой, — что многіе изслѣдователи (и между ними такой почтенный авторитетъ, каковъ Бѣляевъ, въ статьѣ своей «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» помѣщенной въ VI т. Зап. Географ. Общ.) полагаютъ, что упоминаемые въ лѣтописи половецкіе города — Шарукань, Сугровъ, Болинъ и Чешлюевъ, находились въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи, при чемъ Бѣляевъ даже полагаетъ необходимымъ искать первые два именно близь Острогожска и въ Богучарскомъ уѣздѣ. Я отнюдь не осмѣливаюсь доказывать, за неимѣніемъ подтверждающихъ фактовъ, что Дивогорье и есть именно искомая Шарукань, но, пока не доказано противнаго, можно предполагать, что Дивогорье съ самыхъ древнихъ временъ было укрѣпленнымъ мѣстомъ, если не половцевъ, то по крайней мѣрѣ русскихъ. На Дивогорьѣ заканчивается предположенный нами для удобства разсмотрѣнія всей линіи Воронежско-Коротоякскій отдѣлъ ея, который тянется на протяженіи почти 100 верстъ.

При взглядѣ на карту мы увидимъ, что съ Коротояка начинался новый уклонъ описываемой линіи, который тянулся вверхъ по р. Потудани и затѣмъ внизъ по р. Котлу до Стараго Оскола. Въ 20 верстахъ отъ Коротояка, на правомъ берегу р. Потудани, находится сел. Ѣздоцкое, при которомъ мы находимъ урочище «Чортовъ валъ»; по всѣмъ вѣроятіямъ, урочище это находится на мѣстѣ старинаго укрѣпленія, такъ какъ тутъ мы видимъ цѣлую массу неровностей почвы, намекающихъ скорѣе всего на осыпавшіеся валы и рвы. Быть можетъ даже и самое названіе свое это селеніе получило отъ той сторожи, которая совершала когда-то разъѣзды въ этой мѣстности. Народъ ничего не помнитъ о существованіи здѣсь когда-то укрѣпленія и устройство «вала» приписываетъ нечистой силѣ, которая здѣсь ушла въ землю отъ заклятія какого-то благочестиваго мужа. «Чортовъ валъ» приходится какъ разъ на опушкѣ лѣсочка, почти у самаго берега Потудани и потому, по всѣмъ вѣроятіямъ, именно предназначался для защиты перелаза чрезъ этотъ въ настоящее время небольшой лѣсъ, но прежде связанный вѣроятно съ значительнымъ лѣснымъ пространствомъ, тянущимся по границѣ Коротоякскаго и Бирюченскаго уѣздовъ.

Верстъ за 15 отъ Ѣздоцкаго, близь селенія Богусловки, лежащаго при впаденіи р. Киселевки въ Потудань, мы снова встрѣчаемся съ урочищемъ „Кокуевымъ логомъ“, который и въ настоящее время окаймляется остатками вала и скорѣе всего можетъ быть признанъ искуственнымъ рвомъ, окружавшимъ когда-то бывшее здѣсь укрѣпленіе, что подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что онъ имѣетъ округленное очертаніе. Мѣстные жители увѣряютъ, что въ логу при пахотѣ когда-то нашли „стрѣлку“ (наконечникъ копья).

Подвигаясь далѣе вверхъ по р. Потудани, верстахъ въ 15 отъ Богусловки, мы встрѣчаемъ село Бутырки или „Старое Городище“, гдѣ находимъ довольно хорошо сохранившіеся валы и рвы, которымъ можно приписать значительную древность, такъ какъ о Бутырскомъ Старомъ Городищѣ успѣло сложиться въ народѣ крайне интересное преданіе о томъ, какъ здѣсь отсиживался 9-ть лѣтъ „древній воевода Орелъ отъ 33 тысячъ татаръ“.— Вслѣдствіе этого преданія и самое городище называется „Орловымъ гнѣздомъ“ и подъ этимъ названіемъ упоминается г. Германовымъ въ ст. его „Постоян. распростр. однодворч. населенія“.

Въ 20-ти верстахъ отъ Бутырокъ, при деревнѣ Владиміровкѣ мы снова встрѣчаемся съ крайне попортившимися отъ времени остатками укрѣпленія, извѣстными въ народѣ подъ названіемъ „Побойнаго городища“. Здѣсь отъ вала и рва остаются лишь одни намеки; но народъ увѣряетъ,

что въ этомъ именно мѣстѣ происходило побоище съ татарами, могилы которыхъ видны и теперь.

У Владиміровки, описываемый уклонъ засѣчно-сторожевой линіи переходилъ на лѣвый берегъ р. Котла, гдѣ при Готовьинскомъ болотѣ и находимъ село Городище, расположенное недалеко отъ села Солдатскаго. Извѣстно, что служилые люди поселяемы были не въ однихъ „огородахъ“; по всѣмъ вѣроятіямъ сел. Солдатское и есть ничто иное, какъ прежняя селитбенная слобода служилыхъ людей изъ того укрѣпленія, которое стояло на мѣстѣ нынѣшняго городища. Эти то селитбенныя слободы и обратились впослѣдствіи въ одноодворческія селенія, хотя однако и до сей поры носятъ названія, напоминающія о ихъ происхожденіи; таковы напр. Солдатка при сел. Заломномъ, Верхососенская Солдатка, Солдатское при Котловскомъ Городищѣ и нѣкоторыя другія.

Было ли укрѣпленіе на устьѣ р. Котла, при впаденіи его въ р. Осколъ, или нѣтъ?—опредѣлить трудно, да при томъ не было въ немъ и особенной надобности, такъ какъ въ 15 верстахъ отъ этого мѣста находился хорошо укрѣпленный пунктъ почти на мѣстѣ нынѣшняго гор. Стараго Оскола, гдѣ подъ 1571 годомъ упоминается уже сторожа на Усть-Ублѣ *). Усть-ублинское городище существуетъ и теперь еще, но больше въ памяти народной, нежели въ какихъ либо видимыхъ признакахъ; время сдѣлало свое дѣло, а кромѣ того и рр. Убля съ Осколомъ, сильно затопляя городищенскій перелѣсокъ, почти сравняли валы и рвы съ подъемомъ мѣстности. Сколько намъ извѣстно, и въ Осколѣ, подъ Усть-Ублею, никогда сколько нибудь правильныхъ раскопокъ не производилось, а рылись лишь искатели кладовъ.

Обращаясь снова къ постепенно подвигавшейся внизъ по р. Дону засѣчно-сторожевой линіи, мы замѣчаемъ, что, начиная съ Дивогорья, она оставляетъ р. Донъ и слѣдуетъ вверхъ по теченію р. Тихой Сосны, т. е. измѣняетъ юговосточное направленіе на югозападное. Первое укрѣпленіе по Тихой Соснѣ мы находимъ въ городѣ Острогожскѣ, гдѣ, по словамъ проф. Н. И. Костомарова, какъ оказалось изъ разсмотрѣнныхъ имъ Острогожскихъ актовъ, городъ построенъ былъ на городищѣ, оставшемся отъ бывшаго здѣсь когда-то острожка. Слѣды этого городища и теперь еще можно найти близъ подгородной слободы въ мѣстности, которую жители называютъ «Пески». Уже по самому положенію своему «Пески» представляли чрезвычайно удобное мѣсто для острога, такъ какъ здѣсь берега Тихой Сосны и теперь еще чрезвычайно болотисты, а прежде, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляли непролазную топь. Нынѣшній Острогожскъ построенъ нѣсколько ранѣе 1652 года, ибо въ этомъ году, какъ сказано въ строенной книгѣ г. Острогожска, хранившейся до реформы въ Острогожскомъ уѣздномъ судѣ прибыла сюда значительная партія черкасъ, подъ начальствомъ полковника Ивана Дзиковскаго и поселена здѣсь въ числѣ 1000 дворовъ. Въ слѣдующемъ 1653 году въ этомъ «Новомъ Черкасскомъ Острогожскомъ городѣ», какъ онъ называется въ актахъ, поселены были и прихожіе изъ Руси вольные люди, стрѣльцы и пушкари. Крайне интересно въ строенной книгѣ выраженіе «въ Новомъ Черкасскомъ Острогожскомъ городѣ», которое ясно указываетъ на существованіе здѣсь какого то стараго города и при томъ не-черкасскаго; выраженіе это вѣроятно и намекало на то городище, слѣды котораго и теперь можно видѣть близъ слободы Песковъ, отчасти затопленные болотистыми прилесами Сосны. Это именно городище и упоминается г. Германовымъ въ статьѣ его, подъ названіемъ городища «на Лысой горѣ», хотя мы такого названія уже не слыхали.

Въ 21 верстѣ отъ Острогожска, на лѣвомъ берегу р. Тихой Сосны, мы снова встрѣчаемся съ бывшимъ въ старину городомъ, а нынѣ селомъ Ольшанскомъ. Оставивъ въ сторонѣ видимо искуственное преданіе объ открытіи здѣсь старинной крѣпости Петромъ Великимъ, который и назвалъ по этому мѣстность Альтшанцемъ,—и обращаясь къ актамъ, мы видимъ, что въ архивахъ бывшаго уѣзднаго суда въ гор. Бирючѣ до реформы существовала строенная книга, озаглавленная такъ: «152 и 153 году, книга Ольшанскаго острога и всякому строенью, и что въ немъ наряду свинцу и ядеръ, и что въ немъ устроено служилыхъ всякихъ людей». Такимъ образомъ мы видимъ, что построеніе Ольшанска слѣдуетъ отнести ко времени ранѣе 1645 года, когда здѣсь въ стрѣлецкой слободѣ поселены были калужскіе, тульскіе и иные сведенцы и 77 челов. черкасъ, которымъ по государеву указу, велѣно было «Государеву службу служить въ дѣтяхъ боярскихъ по Ольшанскому острогу». При проѣздѣ черезъ Ольшанскъ, для насъ стало совершенно

*) Бѣляевъ. О сторож. сл. Источн. 7—21.

яснымъ мѣстоположеніе острожка и слободы: первый выстроенъ былъ на лѣвомъ берегу рѣки, тогда какъ послѣдняя была раскинута по пологому правому берегу. По разсказамъ, въ Ольшанскѣ часто находимы были на городищѣ, на мѣловой скалѣ большіе кирпичеобразные куски мѣла съ мѣтою, древнимъ до-петровскимъ орломъ; такіе куски привелось и намъ увидать у одного крестьянина, употребленные практическимъ человѣкомъ вмѣсто крылечныхъ ступенекъ. Слѣды укрѣпленія хорошо сохранились, и здѣсь мы находимъ эскарпы съ выходами изъ существовавшей прежде внутри скалы пещеры; недавно найденъ былъ на берегу рѣки «навалъ» или бревно, употреблявшееся для сбрасыванія на осаждающихъ. Внизу, у подошвы скалы, намъ удалось розыскать особый выходъ, служившій по всѣмъ вѣроятіямъ, какъ для добыванія воды, такъ и для печаянныхъ вылазокъ на правый берегъ, на защиту слободы. Ольшанская крѣпость крайне интересна по своему устройству, а также по кирпичеобразнымъ кускамъ мѣла съ таврами и потому мнѣ остается пожалѣть, что не удалось еще до сихъ поръ произвести здѣсь надлежащую расконку. Изъ помѣщеннаго выше народнаго преданія можно считать фактическимъ лишь то, что Ольшанскъ выстроенъ на мѣстѣ какого то стариннаго городища, что замѣтно даже при бѣгломъ обозрѣніи остатковъ укрѣпленій, изъ которыхъ одни могутъ быть отнесены по степени поврежденности своей къ новѣйшей эпохѣ, тогда какъ другіе—къ эпохѣ значительно болѣе древней. Говорятъ, что Петру, при проѣздѣ его чрезъ этотъ городъ, очень понравилось мѣстоположеніе Ольшанска и онъ оцѣнилъ его стратегическое значеніе; жаль, что при немъ археологія не была еще въ ходу, — такъ какъ этотъ энергическій человѣкъ безъ сомнѣнія произвелъ бы здѣсь ту расконку, которой ожидаетъ такъ долго Ольшанскъ въ частности и вся линія вообще.

Отъ Ольшанска начинался новый уклонъ, назначеніе котораго состояло въ томъ, чтобы охватить вновь выстроенные посселки и займища и такимъ образомъ защитить новоселовъ отъ нападенія хищниковъ. Эта система устройства уклоновъ замѣтна по всей линіи вообще; дѣлалось это конечно не спроста, а именно ради вышеупомянутой цѣли. Уже въ 8 верстахъ отъ Ольшанска мы находимъ городище въ Тростянкѣ, почти при впаденіи р. Камышевки въ р. Тростянку; городище это сохранилось весьма плохо и упоминается между прочимъ въ вышеназванной статьѣ г. Германова, хотя и отнесено имъ въ сел. Русскую Тростянку. Сколько мы ни искали и ни расспрашивали мѣстныхъ жителей, но въ послѣднемъ селеніи (Корот. уѣзда) не имѣется никакихъ намековъ на старинное городище, тогда какъ въ Тростянкѣ Острогожской привычный взглядъ тотчасъ же съумѣетъ найти остатки валовъ среди холмистой окрестной мѣстности.

Въ 12 верстахъ отъ Тростянки, при сел. Аоанасьевкѣ тѣмъ же г. Германовымъ упоминается городище, валы и рвы котораго намъ удалось видѣть; городище это мы нашли въ весьма хорошемъ еще состояніи; говорятъ, что остатками укрѣпленій пользовались даже стоявшія здѣсь войска для практическихъ занятій. Городище Аоанасьевское расположено влѣво отъ дороги изъ г. Бирюча, на пригоркѣ, и вполнѣ могло командовать надъ мѣстностью въ окружности верстъ на пять. Интересно, что подъ Аоанасьевкой оканчивается теперь большой лѣсъ, а за нею идетъ къ Бирючу безлѣсное пространство; укрѣпленіе и было вѣроятно выстроено на опушкѣ для защиты лѣснаго перелаза. На разстояніи между Аоанасьевкой и гор. Бирючемъ, по прямому направленію, и теперь не встрѣчается перелѣсковъ и ни кто не помнитъ лѣса въ этихъ мѣстахъ.

При сел. Заломномъ мы встрѣчаемъ на р. Камышенкѣ новое городище, которое чрезвычайно интересно тѣмъ, что представляетъ собою единственный, повидимому, на всей линіи примѣръ траншейнаго перехода, направляющагося къ сел. Солдаткѣ, отстоящему отъ городища всего версты на $2^1/_2$ или на 3. Мѣстные жители увѣряютъ, что здѣсь найденъ былъ лѣтъ 8 тому назадъ круглый, мелкій желѣзный тазъ; — осмѣливаемся предполагать, что этотъ тазъ есть ничто иное какъ щитъ; говорятъ, будто находка отправлена была по начальству «куда слѣдуетъ»; но гдѣ она въ настоящее время — неизвѣстно. Г. Германовъ упоминаетъ въ статьѣ своей и о Заломинскомъ городищѣ.

Если мы отправимся за тѣмъ изъ Заломнаго по проселку, идущему въ Старый Осколъ, то въ 15 верстахъ отъ Заломнаго увидимъ передъ собою возвышенную площадку верстъ 10 въ окружности, на которой расположены селенія Старое и Новое Уколово. Мѣстность крайне удобна для устройства укрѣпленій и дѣйствительно г. Герма-

новъ упоминаетъ о существовавшихъ здѣсь даже въ его время остаткахъ двухъ городищъ; въ памяти народной, за двумя боками площадки осталось еще названіе городищъ, но въ настоящее время только привычный взглядъ можетъ различить здѣсь остатки насыпей и рвовъ отъ простыхъ возвышеній и пониженій почвы. Старо и Новоуколовскія городища однако интересны еще и въ другомъ отношеніи. Долина рѣки Капустны, впадающей въ р. Потудань, а съ другой стороны ровная мѣстность, находящаяся между Новоуколовымъ и р. Грязною Потуданью, представляли превосходныя условія для нападенія хищническихъ шаекъ, не противополагая ихъ движенію никакихъ преградъ. Вслѣдствіе этого, у нашихъ сторожевыхъ воеводъ должна была явиться мысль о необходимости какъ нибудь устранить эту опасность; и дѣйствительно мы находимъ остатки вала и рва, тянущіеся отъ восточнаго угла Старуколовскаго городища по лѣвому болотистому берегу р. Капустны, мимо сел. Крепаковъ до самаго того мѣста на Капустнѣ, гдѣ на противуположномъ берегу находится западный конецъ Бутырскаго городища; съ другой стороны подобные же остатки вала и рва тянутся отъ западнаго угла Новоуколовскаго городища на западъ, мимо сел. Александровки и затѣмъ по правому берегу Грязной Потудани вплоть до югозападнаго угла Владимірскаго городища. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ольшанско-Уколовскій уклонъ засѣчно-сторожевой линіи соединялся при Владиміровкѣ съ Коротоякско-Старооскольскимъ уклономъ и составлялъ съ нимъ и съ главною линіею треугольникъ, гдѣ, вслѣдствіе такого расположенія укрѣпленныхъ мѣстъ, смѣло могли селиться и вольные и сведенные новоселы.

Отъ Ольшанска дорога, ведущая въ слободу Алексѣевку, пролегаетъ все время по утесистому лѣвому берегу Тихой Сосны, при чемъ мѣловыя скалы поднимаются иногда надъ уровнемъ рѣки на 200—300 ф.; ясно, что здѣсь не было нужды въ часто другъ отъ друга расположенныхъ укрѣпленіяхъ и первая необходимость воздвигнуть укрѣпленіе явилась лишь тамъ, гдѣ къ самому берегу подходитъ съ сѣвера широкая долина, чрезвычайно удобная для перелаза черезъ рѣку, а затѣмъ и для дальнѣйшаго слѣдованія хищническихъ шаекъ; такое то именно мѣсто и находится при слободѣ Алексѣевкѣ. Нигдѣ не удалось намъ найти какого либо указанія на существованіе Алексѣевскаго укрѣпленія, но въ томъ, что оно существовало дѣйствительно когда то, намъ привелось самимъ убѣдиться. На лѣвомъ берегу р. Тихой Сосны, направо отъ гати и плотины, ведущей на дорогу въ Усердъ, возвышается значительная мѣловая скала; въ сторонѣ плотины замѣтна разсѣлина, образовавшаяся отъ вешнихъ потоковъ, а вправо отъ этой разсѣлины находится уступъ и надъ нимъ засыпанный выходъ; народъ ничего не помнитъ о быломъ назначеніи пещеры и увѣряетъ лишь, что пещера эта святая, что тутъ кто то спасался; какой то досужій человѣкъ принесъ въ пещеру какую то икону, стали къ иконѣ ходить, свѣчи носить и затепливать; вслѣдствіе этого мѣстное духовенство и распорядилось засыпать пещеру; между тѣмъ точно такой же выходъ, засыпанный уже отъ времени, видѣнъ на сѣверовосточной сторонѣ мѣловой скалы и съ тѣмъ же непремѣннымъ уступомъ. На вершинѣ скалы можно и до сихъ поръ видѣть слѣды какой-то мѣловой кирпичной постройки; валяются обломки и кучи щебня, а по срединѣ самой заплѣшины мы отыскали засыпанный же выходъ или колодезь, который велъ по всѣмъ вѣроятіямъ въ центральную пещеру, оканчивавшуюся съ боковъ выходами. По всѣмъ признакамъ, въ Алексѣевскомъ городищѣ правильныя раскопки могли бы дать богатые результаты; но когда, вмѣсто раскопокъ, наиболѣе интеллигентные люди занимаются засыпаньемъ слѣдовъ древности, то нельзя будетъ удивляться, если эти немногіе слѣды скоро исчезнутъ окончательно.

Отъ Алексѣевки засѣчно-сторожевая линія измѣняла свое югозападное направленіе и круто поворачивала на западъ, строго и неизмѣнно слѣдуя теченію р. Тихой Сосны. При сліяніи болотнобережнаго Усердца съ Тихою Сосною являлась необходимость устроить преграду для набѣговъ хищническихъ шаекъ и вотъ почему въ 1637 году правительство сдѣлало распоряженіе о проведеніи новой пограничной линіи: положено было, по осмотрѣ мѣстъ по Калміусской сакмѣ, Изюмскому и Муравскому шляхамъ, поставить новые города, жилые и стоялые остроги и провести земляныя крѣпости *). Слѣдствіемъ такого распо-

*) Бѣляевъ «О станич. службѣ», 47. Тутъ особенно интересно указаніе на «жилые и стоялые остроги», т. е. на пикеты съ постояннымъ населеніемъ и лишь временнымъ, что несомнѣнно подтверждаетъ наше предположеніе о двоякаго рода курганахъ.

КАРТА
ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ
ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ
ГУБЕРНСКІЙ.
Уѣздный.
Селеніе.
Граница Губернская.
Уѣздная.
Городище-укрѣпленіе.
Курганъ.
Валъ.
Масштабъ.
въ Англійскомъ дюймѣ 120 верстъ.
ВОРОНЕЖЪ
Ливны
Царевъ
Землянскъ
Орлово гнѣздо
Землянскъ
Бобровъ
Новохоперскъ
Коротоякъ
Острогожскъ
Павловскъ
Богучаръ
С.Осколъ
Н.Осколъ
Короча
Бирючъ
Валуйки
Уразова
Кукуевъ
Таврово
Костенки
Никольское
Стороженое
Урывъ
Алексѣевка
Борисовка

ряженія и было построеніе, между прочими, города Усерда, *) гдѣ поселены были московскіе сведенцы, черняне и черкасы, какъ видно изъ сохранившагося небольшаго отрывка Усердской строенной книги. Въ тѣ времена, когда Усердъ исполнялъ свое назначеніе, только казаки и стрѣльцы поселены были въ самомъ укрѣпленіи, или вѣрнѣе послѣднее захватывало собою ихъ слободки, тогда какъ пушкари поселены были по другую сторону Тихой Сосны на Погайской сторонѣ и именно тамъ, гдѣ теперь находится казенный Быковъ хуторъ, который иначе называется еще и «Пушкарнымъ». Самое городище сохранилось очень сносно и одно мѣсто вала его называется до сихъ поръ «на валу, на Побоищѣ», что указываетъ на возможность плодотворныхъ раскопокъ именно въ этомъ мѣстѣ вала. Съ юговосточной стороны стрѣлецкой слободы мы не нашли никакихъ остатковъ укрѣпленій, что и становится вполнѣ понятнымъ, если вспомнить, что съ южной стороны засѣчно-сторожевая линія достаточно защищалась дальнѣйшимъ рядомъ укрѣпленій.

И дѣйствительно, отъ Усерда начинается новый уклонъ сторожевой линіи, который, повидимому, былъ однимъ изъ самыхъ большихъ по своему протяженію. Въ томъ же 1637 году распорядились постройкою еще одного города—Верхососенска, который былъ расположенъ въ верховьяхъ р. Сосенки. Въ настоящее время на мѣстѣ Верхососенска остались слободы: Гремяцкая, Казацкая, Даниковская и Пятницкая. Ни пушкарской, ни стрѣлецкой слободы мы по близости не находимъ и потому полагаемъ, что солдаты обоихъ родовъ оружія были поселены слободою въ Солдаткѣ, отстоящей отъ Верхососенска верстахъ въ 15-ти. Валы въ Верхососенскѣ превосходно сохранились и даже рвы обсыпались сравнительно незначительно; въ особенности хорошо сохранились валы, которые проходятъ о-бокъ дороги, идущей изъ Бирюча; тутъ же въ этомъ мѣстѣ мы замѣтили уклоненіе вала отъ общей системы Верхососенскихъ укрѣпленій; мы отправились по направленію этого вала и прослѣдили его версты на 4 по направленію къ селу Красному. Оказалось, что этотъ валъ, начинаясь у южнаго конца Верхососенскаго городища и проходя въ двухъ верстахъ отъ села Краснаго, тянется вдоль проселочной дороги изъ Краснаго въ гор. Н. Осколъ, входитъ въ Курскую губернію, между селеніями Завальскимъ и Васильевскимъ, переходитъ р. Яругу и доходитъ почти до самого города Новаго Оскола.

Самый Новый Осколъ построенъ при старинномъ городищѣ и тамъ еще до сихъ поръ существуютъ слѣды укрѣпленій; валы и рвы замѣтны явственно, и на городищѣ бываетъ гулянье. Далѣе Новаго Оскола намъ не привелось изслѣдовать Усердско-Бѣлгородскій уклонъ, но мы осмѣливаемся дать здѣсь просторъ соображеніямъ, такъ какъ за Новымъ Осколомъ находимъ селеніе Малое Городище, лежащее немного сѣвернѣе р. Холка, за тѣмъ городище въ Корочѣ, сел. Городище на р. Корени и наконецъ извѣстное городище въ Бѣлгородѣ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Усердско-Бѣлгородскій уклонъ тянется почти на 200 верстъ разстоянія и на столько былъ съ избыткомъ снабженъ укрѣпленіями, что можетъ быть признанъ совершенно самостоятельною засѣчно-сторожевою линіею.

Что касается описываемой нами засѣчно-сторожевой линіи, то она не заканчивается на Усердѣ, а принимаетъ, начиная съ этого укрѣпленнаго пункта, югозападное направленіе черезъ Бирюченскій и Валуйскій уѣзды. Такъ какъ восточная часть Бирюченскаго уѣзда представляетъ собою довольно ровную мѣстность и кромѣ того долиною р. Тихой Сосны шайки хищниковъ могли бы удобно пользоваться для своихъ набѣговъ, то и представилась необходимость въ значительномъ укрѣпленіи именно этой части линіи; тутъ-то на перелазѣ и устроенъ былъ слишкомъ на 30 верстъ валъ съ вылазами *) и рвомъ. Начинаясь напротивъ южнаго конца Усердскаго городища, онъ проходитъ въ 4 верстахъ отъ села Ильинки, затѣмъ направляется къ селу Котлярову, проходитъ здѣсь черезъ самый крестьянскій выгонъ, далѣе проходитъ мимо Кравцова, Коломыйцева, между Филькинымъ и Валуемъ, гдѣ вступаетъ на правый берегъ р. Валуя и по этому берегу достигаетъ сѣвернаго конца Ливенскаго городища.

Основаніе Ливенска относится ко времени тотчасъ же послѣ 1625 года, когда Воронежскимъ воеводамъ, Волынскому и Усову, предписано было съ Москвы «бирючемъ кликать на Воронежѣ, не похотятъ-ли которые воронежскіе вольные охочіе

*) Волховитиновъ, «Опис. Воронеж. губ.» 154 и 155.

*) Вылазомъ мѣстные жители называютъ тѣ выходы въ валахъ, которые усманцамъ извѣстны подъ именемъ прорѣзей.

люди на Валуй въ станичную службу, и тѣхъ, которые похотятъ, отпустить туда съ женами, дѣтьми и со всѣми животы безо всякаго мотчанья *)». Вѣроятно эти то вольные охочіе люди и были первыми насельниками Ливенска, такъ какъ Валуйка собственно построена была уже въ 1593 году при Ѳедорѣ Іоанновичѣ. Расположенный при сліяніи рр. Валуйчика и Валуя, древній Ливенскъ долженъ былъ играть значительную роль въ защитѣ нашихъ окраинъ, именно въ силу того, что онъ былъ хорошимъ стратегическимъ пунктомъ. Валы сохранились хорошо только по берегу Валуя, а въ другихъ мѣстахъ почти сравнялись съ окрестною мѣстностью, такъ какъ селеніе стоитъ именно на самомъ городищѣ. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, въ Ливенскѣ при копаньи колодцевъ сдѣлано было въ разное время много интересныхъ находокъ, которыя тоже отправлялись всегда «по начальству» и слѣдовательно пропадали безслѣдно для науки.

Въ 12 верстахъ отъ Ливенска, по новому уклону на западъ отъ главной описываемой нами засѣчно—сторожевой линіи, на перелѣскѣ, можно встрѣтить превосходно сохранившіеся валы и рвы бывшаго города Полатова, построеннаго въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Раскопки здѣсь дали бы богатые результаты, потому что Полатову часто приводилось страдать отъ хищническихъ набѣговъ степняковъ. Уже въ 1693 г. жители Полатова били челомъ о дозволеніи имъ переселиться на другое мѣсто, «такъ какъ воинскіе люди Татаровя, приходя, разоряютъ ихъ безъ остатку, безпрестанно, въ полонъ емлютъ и коней отгоняютъ»**). Въ особенности замѣчательно сохранился здѣсь валъ и ровъ по берегу р. Сѣнной, и именно тамъ, гдѣ городище переходитъ съ лѣваго на правой берегъ этой рѣки; въ одномъ изъ вылазовъ найденъ былъ однимъ кладоискателемъ полный человѣческій скелетъ, который и «похороненъ честно» мѣстнымъ духовенствомъ; подлѣ скелета, по разсказамъ жителей, найдена была, желѣзная «шишфейка (скуфья) да сабля и рубаха кольчатая». Когда разные воровскіе люди стали сильно безпокоить московское правительство и наносили если не больше вреда, нежели татарскіе хищники, то вредили по крайней мѣрѣ не меньше ихъ, то пришлось обратить вниманіе на южную границу и принять мѣры къ поддержанію укрѣпленій въ такомъ состояніи, чтобы они представляли собою дѣйствительную защиту. Въ виду этого, какъ видно изъ сдаточной описи коменданта Полатова, Родіона Шидловскаго, 1720 года, и построенъ былъ новый острожекъ на Полатовѣ въ 1708 году; городъ былъ обнесенъ дубовымъ острогомъ въ двѣ съ половиною сажени вышиною. Сдаточная опись Шидловскаго рисуетъ намъ крайне подробно все устройство острожковъ и потому мы считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь описаніе Полатовскаго острожка. Полатовъ заключалъ въ себѣ четыре деревянныя башни, изъ которыхъ одна проѣзжая, шестиугольная, съ вѣстовымъ колоколомъ, вѣсомъ въ 10 пудовъ и 30 ф., а другія три четырехъугольныя, глухія, и только въ одной изъ нихъ была форточка для прохода къ рѣчкѣ Сѣнной. Башни находились не въ равномъ разстояніи одна отъ другой и соединены были между собою деревянною стѣною, а крышу имѣли лубочную. У воротъ прохожей башни была караульня. Въ городѣ была приказная изба, построенная изъ липоваго лѣса; подъ нею тюрьма изъ дубоваго лѣса. а напротивъ черезъ сѣни черная изба на глухомъ подклѣтѣ. Въ приказной избѣ стоялъ судейскій столъ, покрытый краснымъ сукномъ. Въ крѣпости находились «Государевы хоромы», въ которыхъ жили командиры; хоромы состояли изъ двухъ свѣтлицъ, раздѣленныхъ сѣнцами, а крыты они были лубьемъ. При хоромахъ были двѣ черныхъ избы, баня, погребъ съ выходомъ, да ледникъ, поварня, двѣ клѣти, закромъ, амбаръ, малая клѣтченка, конюшня и паворокъ (хлѣвъ). Крѣпостнаго оружія было въ крѣпости много (его не приходилось доставлять по мѣрѣ расходованія, а имъ снабжались крѣпости сразу), но по этой именно причинѣ въ Полатовѣ мало было огнестрѣльныхъ снарядовъ. Такъ въ немъ находились три чугунныя пушки въ полтора аршина длиною и шесть пушекъ чугунныхъ въ 2 аршина и болѣе, да ядеръ къ нимъ 584 штуки; двѣ затинныя пищали, но безъ ядеръ, 167 мушкетовъ, сто полковерезановъ *) и три жакры (?). За то пороху въ казенномъ погребѣ числилось всего 22 пуда и шестнадцать фунтовъ, съ деревомъ и рогожами, да свинцу пудъ, да три корыта неизвѣстнаго вѣ-

*) Воронеж. акты I. 65 изд. Второва.

**) Воронежскіе акты. II. 64.

*) Полковерезаны или пертюзаны,—родъ сѣкиры съ пикой; отъ сѣкиры отличается кистью, висящей подъ пикой и выше начала самой сѣкиры. Видѣть можно въ Артиллер. Музеѣ, что въ Петропавловской крѣпости.

са—«вѣсить-де нечѣмъ, потому что нѣтъ контаря и терезовъ». При невозможности или по крайней мѣрѣ при необыкновенной трудности возобновленія запасовъ пороха, ему велся подробный счетъ и имъ дорожили и берегли его пуще глаза; такъ напр. «на день ангела Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества выстрѣлено 4¼ фунта» и даже «въ 1707 году, въ 9 день октября, по случаю повѣщенія о приближеніи Донскихъ воровскихъ казаковъ, Булавинцевъ, выстрѣлено 3 фунта съ четвертью» *).

Слѣдующее за Полатовымъ городище отстоитъ отъ него верстъ на 20 и находится при селѣ Хмѣлевецъ, при сліяніи рр. Хмѣлевца и Масея; городище это относится также къ хорошо сохранившимся и подобно Ливенску и Полатаву защищаетъ выходъ изъ перелазовъ, проходившихъ черезъ большой лѣсъ, называемой нынѣ Казачьей Мандровскою дачею; и теперь еще весьма трудно сыскать полѣсовщика въ этотъ лѣсъ именно вслѣдствіе его размѣровъ и слѣдовательно вслѣдствіе легкости убійства полѣсовщика, а въ тѣ времена лѣсъ этотъ долженъ былъ являться вполнѣ непроходимымъ, исключая нѣсколькихъ лишь перелазовъ защищенныхъ засѣками и лежавшихъ по берегамъ рѣкъ Валуя, Сѣниой, Масея и Оскола; при выходахъ изъ перелазовъ выстроены были тогда города, которые дѣлали прорывъ татарскихъ шаекъ чрезъ Мандровскій лѣсъ почти невозможнымъ. Само собою разумѣется, что главная необходимость должна была состоять въ укрѣпленіи именно выходовъ изъ этихъ перелазовъ, что, какъ мы видѣли, и обусловило появленіе Ливенска, Полатова, Хмѣлевца и наконецъ Осколища на р. Осколѣ.

Осколищенское городище, отстоящее отъ Хмѣлевца опять таки верстъ на 20, расположено на лѣвомъ берегу р. Оскола, верстахъ въ 3-хъ отъ села Осколища при селѣ Погромцѣ, названіе котораго само указываетъ на потерпѣпный здѣсь кѣмъ то погромъ; городище находится на вершинѣ крутой мѣловой скалы, но намъ нигдѣ не удалось примѣтить слѣдовъ выходовъ, пещеръ или уступовъ, такъ какъ укрѣпленія здѣсь почти совершенно осыпались.

Отъ Осколища болѣе древній Ливенско-Осколищенскій уклонъ дѣлалъ крутой поворотъ на сѣверъ вверхъ по теченію р. Оскола и такимъ образомъ составлялъ съ Усердско-Новооскольскимъ уклономъ такой же трехъугольникъ, подобный которому мы находили сѣвернѣе и который часто устраивался на Руси для обезпеченія новосельниковъ.

Нѣсколько ниже по теченію р. Оскола, почти при впаденіи въ него р. Лубянки, какъ разъ по—надъ сел. Нижнею Лубянкою, мы видимъ на верху крутой мѣловой скалы слѣды укрѣпленій, которые однако сильно пострадали отъ времени; затѣмъ такіе-же плохо сохранившіеся слѣды укрѣпленій мы находимъ въ 20-ти верстахъ отъ Лубянки, въ сел. Старо-Ивановскомъ, хотя здѣсь и можно примѣтить еще намеки на бывшіе выступы для прикрѣпленія наваловъ и выходы (3—изъ которыхъ одинъ извѣстенъ подъ названіемъ «святой колодезь»).

Въ виду существованія между Усердомъ и Ливенкою вала, т. е. укрѣпленія, оберегаемаго довольно трудно и потому представляющаго болѣе шансовъ на прорывъ, приходилось также точно, какъ и при Усманскомъ валѣ, устроить, такъ сказать, оберегательное укрѣпленіе на случай прорыва чрезъ валъ хищниковъ, съ тою лишь разницею, что при Усманскомъ валѣ, при существованіи цѣпи передовыхъ сторожевыхъ кургановъ, они представляли собою первую линію укрѣпленій и потому Орловъ построенъ былъ за ними, а здѣсь курганной цѣпи не было и потому валъ былъ первою линіею, а оберегательныя укрѣпленія выстроены были за нимъ. Такія укрѣпленія были построены въ 4 верстахъ отъ гор. Бирюча, на правомъ берегу р. Тихой Сосны, между хуторами, которые и теперь еще носятъ названіе «Городныхъ»; слѣдовъ здѣсь не осталось никакихъ, но по всѣмъ вѣроятіямъ острожекъ былъ частокольный, ибо иначе должны бы были остаться слѣды вала и рва; народъ однако и до сихъ поръ дразнитъ хуторянъ «острожными», а также и тѣмъ, что они, будто бы, «за плетнемъ отъ Ахметки отсиживались, да огурца захотѣли, такъ и тынъ за огурецъ татарину продали»; ясно, что это дразненье напоминаетъ о какомъ то случаѣ изъ боевой жизни городинскихъ жителей, но провѣрить это преданіе намъ не удалось ни чѣмъ и въ актахъ мы не нашли ничего подобнаго. Другое прекрасно сохранившееся укрѣпленіе намъ привелось видѣть близъ селенія Успенскаго, находящагося вверхъ по р. Тихой Соснѣ, отъ гор. Бирюча верстахъ въ 25-ти. Здѣсь

*)«Воронѣ. Лит. сборникъ» 1861 г. ст. Село Пригородъ—Полатовъ. П. М. стр. 506—510.

производилась однажды раскопка, плодомъ которой были шлемъ и хорошо сохранившаяся кольчуга, отправленные въ гор. Воронежъ; но дальнѣйшая судьба этихъ находокъ намъ неизвѣстна. Въ противуположность Городищенскому укрѣпленію, Успенское городище представляетъ явные признаки земляного укрѣпленія съ валами и рвами прекрасно сохранившимися; съ южной и югозападной стороны существовали „прорѣзи“, служившія для вылазокъ и запиравшіяся повидимому воротами.

Когда пространство между Осколомъ и Сѣвернымъ Донцомъ было занято русскими, то встрѣтилась необходимость соединить Ливенско-Осколищенскій уклонъ съ Бѣлгородомъ и, какъ оказывается по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, этому обстоятельству обязаны своимъ существованіемъ городища въ Борисовкѣ (нами видѣнное, плохо сохранившееся) въ селеніи Бударномъ (на р. Волчьей въ 22 верстахъ отъ гор. Волчанска), въ сел. Вознесенскѣ (близъ р. Корочи, въ 10 в. отъ впаденія ея въ р. Корень) и наконецъ въ сел. Крутомъ-Логѣ (близъ р. Разумной, въ 5-ти верстахъ отъ впаденія въ Сѣверный Донецъ); намъ разсказывали также мѣстные жители, что между Бударною и Вознесенскомъ тянулся земляной валъ и вотъ почему, какъ и при Усманскомъ и Ливенскомъ валахъ, мы находимъ за нимъ на р. Корочѣ защитительное отъ прорыва вала укрѣпленіе въ сел. Городищѣ.

Какъ мы уже сказали выше, наиболѣе опасными для прохода хищниковъ являлись въ мѣстности Мандровской Казачьей лѣсной дачи, долины рѣкъ Сѣнной, Масея и Оскола, а потому когда лѣсъ этотъ занятъ былъ русскими, то и явилась необходимость, предоставивъ защиту Валуя и Сѣнной Ливенску и Полатову, укрѣпить устье Масея и мѣсто впаденія Валуя въ Осколъ. Отъ Ливенска до дер. Насоновой правый берегъ Валуя, и безъ того возвышенный, самъ собою представлялъ достаточно трудностей для завладѣнія неустроенной толпѣ татарскихъ и иныхъ хищниковъ и потому только при устьѣ Масея мы находимъ на правомъ берегу Валуя городище въ Борисовкѣ. Типъ укрѣпленія здѣсь тотъ же, какой вообще преобладаетъ начиная съ Дивогорья, т. е. валъ земляной или мѣловой на вершинѣ скалы.

Всего въ 8-ми верстахъ отъ Борисовскаго городища, почти при слияніи Валуя съ Осколомъ, расположенъ городъ Валуйки. Онъ былъ выстроенъ по указу государеву въ 1593 году *), спустя 7 лѣтъ послѣ построенія Воронежа, и необыкновенно часто подвергался погромамъ со стороны, то татаръ, то калмыковъ; жители часто принуждены были бросать новоизбранное мѣсто и бѣжать въ болѣе сѣверные города. Гор. Валуйки стоялъ почти передовымъ пикетомъ Россіи, чуть не въ самой непріятельской землѣ и потому съ трудомъ можно было набрать охотниковъ именно здѣсь нести сторожевую службу. Кромѣ того, враги мѣшали валуйчанамъ заниматься хотя мало мальски земледѣліемъ и они «оскудѣвали» до такой степени, что поневолѣ принуждены были «брести» въ мѣста болѣе защищенныя и обрусѣлыя. Въ Воронежск. актахъ мы находимъ донесеніе валуйскаго воеводы въ 1674 г. на Москву, въ которомъ онъ заявляетъ, что «валуйчанамъ требуемаго съ нихъ въ Бѣлгородъ на 1667, 1668 и 1669 годы домочнаго хлѣба по 3 полуосмины со двора заплатить нечѣмъ, хлѣбъ не родится, сами ѣдятъ мякиною мѣшаючи «племъ» (?) и жолуди, племковые кнюки и отъ голоду валуйчане бредутъ съ Валуйки въ разные города для прокормленія» **). Валуйкское городище въ настоящее время распланировано подъ городской садъ и искать тамъ какихъ либо остатковъ древнихъ укрѣпленій было бы совершенно безполезно; тѣмъ не менѣе, намъ удалось найти и здѣсь типичный уступъ и надъ нимъ засыпанный выходъ, а у подошвы горы, на которой построенъ городъ, мы нашли засыпанный тайникъ, по которому осажденные или ходили за водою, или могли производить вылазки и спасаться въ случаѣ неминучей бѣды.

Послѣднимъ пунктомъ описываемой нами линіи является Уразовское городище, расположенное въ 17-ти верстахъ отъ гор. Валуекъ, на правомъ берегу р. Оскола, тамъ именно, гдѣ въ настоящее время раскинулась дер. Кокуевка, почему и самое городище извѣстно подъ названіемъ «Кокуева городка». По устройству, Кокуевъ городокъ принадлежитъ къ Дивогорскому типу, а по положенію своему долженъ былъ въ тѣ времена считаться не легко доступнымъ. Время построенія Кокуева городка не можетъ быть опредѣлено съ точностью, хотя и слѣдуетъ предполагать, что постройка его относится ко времени возведенія вообще укрѣпленій по Осколу, т. е. къ послѣднимъ годамъ XVI сто-

*) Никон. лѣт. VIII. 26.

**) Кн. III стр. 33.

лѣтія. Въ двухъ-трехъ верстахъ отъ Кокуева города находится еще селеніе Кокуевка, которое въ былыя времена служило, по всѣмъ вѣроятіямъ, посельною слободою служилыхъ людей кокуевскихъ. Слѣды вала изъ мѣловаго кирпича замѣтны еще и теперь, а со стороны р. Оскола мы замѣтили 4 засыпанные выхода; народъ знаетъ о существованіи «печерокъ» подъ городищемъ, но увѣряетъ, что засыпало ихъ духовенство, опасаясь за свои доходы.

На Кокуевомъ городкѣ заканчивается Демшинско-Уразовская часть общей засѣчно-сторожевой древне русской линіи, тянущаяся въ предѣлахъ Воронежской губерніи со всѣми уклонами своими болѣе чѣмъ на 800 верстъ, и мы видимъ, что здѣсь въ Уразовѣ не выполненъ даже облюбленный русскими обычай постройки треугольника по той причинѣ, вѣроятно, что въ такой грозной защитѣ не представлялось уже надобности, какъ вслѣдствіе незаселенности Заосколья, такъ вѣроятно и вслѣдствіе наступленія меньшей опасности со стороны хищниковъ.

Какъ ни поверхностны были наши наблюденія и какъ ни ограниченъ районъ наблюденія въ виду протяженія общей засѣчно-строжевой линіи вплоть до гор. Малмыжа Казанской губерніи и даже далѣе въ губерніяхъ Вятской и Вологодской, тѣмъ не менѣе мы можемъ вывести нѣкоторыя заключенія, тезисы, которые и просимъ дальнѣйшихъ изслѣдователей провѣрить:

1) Засѣчно-сторожевыя укрѣпленія не строились случайно въ томъ или другомъ пунктѣ, а всегда тянулись линіями:

2) отъ главныхъ линій отклонялись уклоны, врѣзывавшіеся въ степи и соединявшіеся съ болѣе сѣверными уклонами, съ цѣлію полной отрѣзки вновь занятыхъ мѣстъ и обезпеченія новоселовъ:

3) на перелазахъ всегда строились валы, фланкируемые хорошо укрѣпленными пунктами;

4) въ обезпеченіе отъ прорыва вала, за нимъ всегда строились особыя крѣпостцы;

5) линіи и уклоны направлялись или по теченію рѣкъ или по опушкѣ лѣсовъ:

6) въ укрѣпленіяхъ замѣтны два типа: горный и степной (Дивогорье и Демшинскъ);

7) курганы насыпались тамъ, гдѣ природа не представляла возвышенныхъ мѣстъ для постановки сторожей;

8) курганы-сторожи могутъ быть подраздѣлены на постоянныя и временныя, при чемъ первыя больше послѣднихъ.

и 9) временныя сторожи не были укрѣпленіями, а служили лишь передовую пикетную службу.

Не говоря уже о раскопкахъ, которыя были бы крайне желательны въ указанныхъ нами выше мѣстахъ, интересно было бы прослѣдить всю сторожевую линію на югѣ и на востокѣ Россіи и связать эти будущія изслѣдованія съ тою частью общей линіи, которая обозначена нами на прилагаемой картѣ. Замѣчу, что въ этомъ случаѣ будущимъ изслѣдователямъ могутъ оказать огромную услугу: 1) изученіе укрѣпленій на мѣстѣ, 2) собраніе по возможности строенныхъ книгъ нашихъ городовъ, находящихся въ настоящее время въ архивѣ Министерства Юстиціи, 3) изученіе по спискамъ населенныхъ мѣстъ и инымъ матеріаламъ названій селъ, деревень и урочищъ и 4) собраніе народныхъ преданій, касающихся извѣстной мѣстности, мѣстныхъ дразненій и т. п.—Но туго идутъ у насъ подобныя работы и, быть можетъ, валы и рвы успѣютъ сравняться съ окрестною мѣстностью и забудутся даже народныя преданія, пока спохватятся объ нихъ. Буду считать себя вполнѣ счастливымъ, если это описаніе побудитъ и другихъ людей заняться вопросомъ объ остаткахъ засѣчно-сторожевой линіи въ нашихъ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ.

В. Майновъ.

ХЕРСОНЕССКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Древній Херсонесъ Таврическій имѣетъ для насъ важное историческое значеніе въ томъ отношеніи, что въ немъ совершилось крещеніе великаго князя Владиміра, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Руси.

Принятіе Владиміромъ христіанства воспослѣдовало не вдругъ, а по предварительномъ сравненіи многихъ вѣроученій и по совершенномъ убѣжденіи князя и собранныхъ имъ бояръ и старѣйшинъ въ правотѣ и святости греческаго вѣроисповѣданія. Событіе это, по словамъ нашихъ лѣтописей, совершилось слѣдующимъ образомъ. Въ 986 г. приходили ко Владиміру послы изъ Волжской Болгаріи, и предлагали ему принять магометанство. Приходили также миссіонеры изъ Рима и проповѣдники отъ жидовъ хозарскихъ, и былъ присланный греками философъ. Но изо всѣхъ религіозныхъ толкованій ихъ, Владиміру наиболѣе понравилось объясненіе греческаго философа, который и былъ одаренъ щедро и отпущенъ съ великою честью. Въ слѣдующемъ году, Владиміръ, по совѣту бояръ и градскихъ старцевъ, послалъ десять разумнѣйшихъ мужей къ болгарамъ, къ католикамъ и въ Цареградъ, для испытанія предложенныхъ вѣръ на мѣстѣ. По возвращеніи посланныхъ, на собранномъ вновь совѣтѣ бояръ и старцевъ, было отдано предпочтеніе греческой вѣрѣ. «Гдѣ примемъ крещеніе»?—спросилъ Владиміръ. «Гдѣ ти любо»,—отвѣчали бояре. 988 годъ ознаменовался походомъ Владиміра на Херсонесъ. Долго не могъ онъ взять укрѣпленнаго города, не смотря на всѣ свои усилія. Напрасно онъ угрожалъ херсонесцамъ держать ихъ въ осадѣ цѣлыя три лѣта, если они не сдадутся,—осажденные не соглашались. Наконецъ, одинъ изъ корсунянъ, по имени Анастасій, пустилъ изъ города въ станъ русскій стрѣлу съ надписью: «за вами къ востоку находятся колодези, откуда херсонесцы получаютъ воду чрезъ трубы; перекопайте водопроводы». Услышавъ это, Владиміръ возрѣлъ на небо и воскликнулъ: «если это сбудется, я непремѣнно крещусь». Указанное средство оказалось успѣшнымъ, Владиміръ овладѣлъ Херсонесомъ и, вступивъ въ него съ дружиною, послалъ сказать греческимъ императорамъ Василію и Константину: «вашъ славный городъ я взялъ, такъ поступлю я и съ вашей столицею, если не отдадите за меня сестры своей, еще незамужней, которая, какъ слышно, есть у васъ». Императоры, съ своей стороны, потребовали отъ него, чтобъ онъ крестился, соглашаясь только подъ этимъ условіемъ исполнить его желаніе. «Скажите царямъ своимъ, — отвѣчалъ Владиміръ посламъ греческимъ,—что я крещуся, что я еще прежде испыталъ законъ вашъ, чрезъ нарочитыхъ своихъ мужей, и полюбилъ вашу вѣру и ваше богослуженіе». Чрезъ нѣсколько времени, прибыла въ Херсонесъ на кораблѣ царевна, сопутствуемая многими сановниками и пресвитерами, и крещеніе Владиміра совершилось въ церкви св. Василія, стоявшей посреди Херсонеской городской площади, а за тѣмъ послѣдовало и бракосочетаніе его съ греческою царевною. Въ память всего этого, великій князь построилъ въ Херсонесѣ церковь и, возвративши завоеванный городъ царямъ греческимъ, какъ вѣно за руку сестры ихъ Анны, отправился въ свою столицу.

Вся историческая жизнь Херсонеса сложилась такъ, какъ будто его исконнымъ призваніемъ было—передать Россіи неугасимый свѣтильникъ православія и опочить за тѣмъ на вѣки. Прослѣдимъ его исторію вкратцѣ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ вышесказаннаго.

Полуостровъ Крымъ въ глубокой древности заселенъ былъ дикимъ и невѣжественнымъ народомъ таврами, отчего и получилъ названіе Таврическаго. Легенды о немъ восходятъ ко временамъ до историческимъ. Въ греческихъ сказаніяхъ о мифологическихъ герояхъ мы встрѣчаемъ упоминовенія: то о томъ, какъ Тезей аѳинскій похитилъ съ южнаго берега Понта-Эвксинскаго (Чернаго моря) прекрасную и храбрую королеву амазонокъ Антіону; то о томъ,

какъ Ахиллесъ со своей дружиной совершаетъ здѣсь воинскія игры и показываетъ свое искусство въ бѣганіи; то, наконецъ, о томъ, какъ Ифигенія, дочь Агамемнона, знаменитая жрица богини Артемиды, собирается заклать въ Тавридѣ брата своего Ореста, а Пиладъ предлагаетъ принести въ жертву свою жизнь, чтобы только спасти жизнь друга своего. Историческая же извѣстность о Тавридѣ начинается съ заселеніемъ береговъ Крыма греческими поселеніями. По словамъ Страбона, Херсонесъ основанъ пракleотами, въ началѣ VI вѣка до Р. Х. Извѣстная предпріимчивость, смѣлость и энергія греческихъ поселенцевъ способствовали развитію торговли какъ Херсонеса, такъ и другихъ сосѣдственныхъ съ нимъ колоній, и они скоро стали богатыми и могущественными. Построенный въ углу Таврическаго полуострова, между заливомъ Ктенусъ (нынѣшній Севастопольскій рейдъ) и заливомъ Символонъ (Балаклавская бухта), Херсонесъ былъ защищенъ со стороны Тавроскифскихъ владѣній высокою, со многими башнями и рвомъ, каменною стѣною, имѣвшей протяженіемъ, по словамъ Страбона, около 50 стадій (8 верстъ). Въ теченіе многихъ вѣковъ онъ ведетъ болѣе или менѣе успѣшную борьбу съ сосѣдственными тавроскифскими племенами *). Во времена владычества римлянъ, его подчиняютъ сперва вассальному царю Босфора, но потомъ зависимость эта измѣняется въ непосредственное подчиненіе Риму и ему возвращено было отчасти прежнее республиканское самоуправленіе. При раздѣленіи Римской имперіи, Херсонесъ подчиняется Византіи и зависимость его отъ нея продолжается до самаго ея паденія. Какъ отдаленнѣйшая область Римской имперіи, онъ служитъ мѣстомъ ссылки политическихъ и другихъ преступниковъ. Такъ здѣсь была заключена, за сочувствіе къ христіанству, Флавія Домитилла, племянница императоровъ Тита и Домиціана, здѣсь томились въ заточеніи: и папа римскій Климентъ, и папа римскій Мартинъ I-й, наконецъ сюда же былъ сосланъ и императоръ Юстиніанъ II-й, по низложеніи его Леонтіемъ. Но не смотря на это, Херсонесъ имѣетъ громадное значеніе, — онъ служитъ средоточіемъ богатства, наукъ, искусствъ и греческой цивилизаціи въ Тавридѣ. Занимая территорію до 40 верстъ въ окружности, онъ ведетъ обширную торговлю и даже вмѣшивается въ политику византійскаго двора. По словамъ Дюбуа-Монпере, въ лучшую пору его развитія, въ немъ насчитывалось до 5,000 домовъ и до 50,000 жителей. Въ періодъ великаго переселенія народовъ, Херсонесъ подвергается нападеніямъ готфовъ, угровъ, аваровъ, хозаровъ и гунновъ, и отражаетъ ихъ собственными своими силами, такъ какъ Византія не имѣла уже возможности защищать свои отдаленныя области. Но вотъ подъ стѣнами знаменитаго города появляется нашъ великій князь Владиміръ со своими дружинами и покоряетъ его. Событіе знаменательное! Херсонесъ покоряется за тѣмъ, чтобы дать великому князю, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Руси, крещеніе. Это выдающееся изъ ряда другихъ явленіе составляетъ самое важное, самое блестящее дѣло во всей его исторической жизни, эпопею его призванія, исполнивъ которую, онъ начинаетъ склоняться къ упадку. Его постоянныя столкновенія: съ печенѣгами и половцами въ XI и XII и съ генуэзцами и татарами въ XIII вѣкѣ, истощаютъ его силы, а набѣгъ Ольгерда князя литовскаго въ 1363 г. наноситъ ему самый жестокій ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже поправиться: стѣны его были разрушены, жители перебиты или уведены въ плѣнъ, а городъ сожженъ и обращенъ въ развалины. Окончательное же разрушеніе Херсонеса совершилось при завоеваніи Крыма турками въ 1475 году. Съ этихъ поръ городъ опустѣлъ совершенно, и только остатки стѣнъ, башень, храмовъ и дворцовъ, еще долго напоминали путешественникамъ время прежняго его величія.

Въ послѣдующіе за тѣмъ годы, близъ развалинъ Херсонеса поселились татары. Построенная ими маленькая деревушка Ахтіаръ, съ покореніемъ Крыма русскими въ 1783 года, по повелѣнію императрицы Екатерины, переименована въ Севастополь. Вновь возникшій городъ поглотилъ остатки прежняго. Посланный Стефаномъ Баторіемъ къ крымскому хану въ 1578 г. Максимъ Броневій, при посѣщеніи развалинъ Херсонеса, этого, по его выраженію, «гордаго, изящнаго и славнаго города», видѣлъ еще остатки стѣнъ и башень, построенныхъ изъ огромныхъ тесаныхъ камней. Княжескій дворецъ, обширный, по его словамъ, какъ цѣлый городъ, съ великолѣпными входными воротами, продолжалъ еще существовать, какъ продолжали существовать и нѣкоторыя ограбленныя и лишенныя своихъ цѣнныхъ мраморовъ церкви. При покореніи Крыма русскими,

*) Подробныя свѣдѣнія объ этой борьбѣ читатели найдутъ въ статьѣ г. Иловайскаго «Эллино-скифскій міръ на берегахъ Понта», напечатанной въ 3-й книжкѣ Сборника.

многіе изъ видѣнныхъ Броневіемъ остатковъ зданій, стѣнъ, башень и воротъ были еще цѣлы. Но, по приказанію князя Потемкина, ихъ стали разрушать, а камни и мраморы употреблять на постройку Севастополя. И сколько мраморовъ, капителей, фрескъ, было положено въ фундаменты казармъ и другихъ зданій! Стѣны же и ворота, по преданію, пошли на постройку Севастопольскаго карантина. Императоръ Александръ I-й приказалъ остановить разрушеніе, но было уже поздно. Новѣйшіе путешественники: Палласъ въ 1793 г. и Муравьевъ въ 1820 г. находятъ еще слѣды городской стѣны и водопровода. Но Терещенко, посѣтившій Крымъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, пишетъ въ своихъ «Очеркахъ Новороссійскаго края» слѣдующее: «Я спѣшилъ взглянуть на слѣды древняго Херсонеса, но каково было мое удивленіе, когда открылась предо мной лишь равнина, усыпанная щебнемъ, и только кое гдѣ выказывались бугры — быть можетъ, слѣды зданій. Время стерло съ лица земли тотъ знаменитый Херсонесъ, который три раза падалъ и возрождался. Съ какимъ нетерпѣніемъ ѣхалъ я изъ Балаклавы въ Херсонесъ, отстоящій въ двухъ верстахъ отъ Севастополя, съ такимъ же негодованіемъ смотрѣлъ на пустое мѣсто, безъ памятниковъ, безъ малѣйшихъ остатковъ его древняго величія».

Исчезъ съ лица земли исполнившій свое назначеніе Херсонесъ Таврическій, и мы только въ раскопкахъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ его нахожденія извѣстнымъ нашимъ археологомъ, графомъ А. С. Уваровымъ, можемъ видѣть теперь слѣды его прежнихъ богатствъ, его цивилизаціи и нѣкоторыхъ изъ его построекъ.

Изъ числа многихъ открытій, сдѣланныхъ графомъ А. С. Уваровымъ, особенное вниманіе обратили на себя развалины церкви, въ которой, какъ признано нынѣ, крестился великій князь Владиміръ. Покойный архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій возымѣлъ счастливую мысль возстановить этотъ храмъ, и, съ благословенія Святѣйшаго Синода, устроилъ въ 1853 г., близъ остатковъ открытаго храма общежительную киновію и при ней малую церковь во имя св. благовѣрной княгини Ольги. Во время осады Севастополя, церковь эта и кельи иноковъ были разрушены. На мѣстѣ ихъ французы построили батареи и громили оттуда Севастополь. Въ 1857 г., разрушенная киновія возстановлена, а въ слѣдующемъ за тѣмъ году послѣдовало Высочайшее повелѣніе построить надъ остатками церкви, въ которой крестился великій князь Владиміръ, большой соборный храмъ, во имя равноапостольнаго просвѣтителя Россіи, и отъ монаршихъ щедротъ были дарованы первоначальныя средства для производства работъ. 23 августа 1861 года, Государь Императоръ соизволилъ лично совершить закладку храма. Въ этомъ же году и скромная херсонесская киновія была возведена на степень первокласснаго монастыря. Работы по устройству монастыря двинулись впередъ быстро. Двухъ-этажный архимандритскій домъ, съ домовой церковью, во имя Корсунскія Божіей матери, былъ оконченъ постройкою въ 1863 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ построено и нѣсколько братскихъ келій. Но сооруженіе храма во имя равноапостольнаго князя Владиміра долгое время ограничивалось возведеніемъ стѣнъ фундамента, и только въ послѣдніе два года, благодаря энергическимъ усиліямъ архимандрита Евгенія и ревности принявшаго на себя постройку храма, извѣстнаго нашего строителя П. Г. Губонина, строительныя работы производились съ особенной заботливостью, такъ что стѣны храма къ концу 1874 года были выведены подъ своды втораго этажа *).

Въ ноябрѣ 1874 года мнѣ пришлось совершить поѣздку въ Крымъ. Тотчасъ по прибытіи въ Севастополь, мнѣ захотѣлось исполнить свое давнишнее желаніе поклониться мѣсту, откуда Русь восприняла свѣтъ христіанскаго вѣроученія, и на утро, въ обществѣ С. П. Губонина, сына строителя Херсонесскаго собора, пріѣхавшаго одновременно со мною въ Севастополь для осмотра работъ произведенныхъ въ соборѣ въ теченіи лѣта, я отправился въ Херсонесскій монастырь. День былъ теплый, тихій и ведренный, какой можетъ только быть въ глубокую осень на югѣ Россіи. Извощичій экипажъ рысцой потащилъ насъ по улицамъ Севастополя, если только можно назвать улицами эти взрытые какъ гряды, циклопическіе тропы, вьющіеся между рунъ разрушеннаго города. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разразившаяся такъ нежданно надъ Севастополемъ гроза превратила его въ безпорядочную груду камней, но эта груда камней лежитъ и до нынѣ почти

*) Для постройки храма былъ образованъ особый строительный комитетъ, существовавшій до 1873 г., т. е. до того времени, когда работы по постройкѣ были переданы Г. Губонину. Медленность постройки храма за прежнее время происходила вслѣдствіе незначительности имѣвшихся въ распоряженіи комитета суммъ, такъ какъ только на 1873 г. для постройки былъ испрошенъ кредитъ въ 250,000 руб.

въ томъ же видѣ, въ какомъ она осталась, когда гроза утихла. Это даже и не груда камней, но какая то искалѣченная, безобразная масса скелетовъ безъ череновъ, съ провалами во впадинахъ глазъ, съ изломанными ребрами и пустыми внутренностями. Правда, кое гдѣ встрѣчаются исправленные для жилья дома, встрѣчаются и небольшія новыя постройки, но въ общихъ чертахъ картина разрушенія производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Вы видите не городъ, а какое то громадное покинутое кладбище, съ развалившимися памятниками, обрушившимися могилами и торчащими изъ подъ земли углами гробовъ.

Тлѣніе и запустѣніе царятъ въ этомъ забытомъ людьми жилищѣ смерти и нескоро еще жизнь, какъ кажется, коснется его своимъ дыханіемъ.

Выбравшись за городъ, мы поѣхали мимо бывшихъ нашихъ бастіоновъ и непріятельскихъ траншей и батарей. Въ ложбинѣ между двумя возвышенностями, посылавшими другъ другу смерть и разрушеніе изъ нѣсколькихъ сотъ орудій, лежитъ городское кладбище съ небольшой при немъ церковью, сохранившеюся и во время осады. Дорога, окрестные холмы и балки, усѣяны небольшими бѣлыми камнями. Кругомъ глухо и безлюдно—ни одного строенія, ни одного деревца до самаго монастыря.

Среди такой пустынной мертвенности, видъ вновь строющейся обители производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Жизнію и трудомъ вѣетъ отъ этихъ простыхъ незатѣйливыхъ деревянныхъ святыхъ воротъ, у которыхъ мы не нашли, однако, ни привратника, ни толпы нищихъ, ни толпы торговцевъ—этихъ атрибутовъ каждаго сколько нибудь значительнаго русскаго монастыря. Отодвинувъ низенькую на колесцахъ рогатку, заставлявшую проходъ во святыхъ воротахъ, мы вошли на дворъ монастыря и пройдя нѣсколько шаговъ впередъ по неширокой песчанистой дорожкѣ, очутились передъ новымъ весьма красивымъ двухъэтажнымъ домомъ настоятеля. Налѣво, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дорожки, виднѣется небольшая монастырская церковь, построенная во имя седьми священномучениковъ въ Херсонесѣ епископствовавшихъ, а за нею далѣе—братскія кельи и другія монастырскія постройки. На право же высится закутанный въ лѣса новый Владимірскій соборъ. Монастырскій дворъ не великъ, но содержится чисто и опрятно. Передъ домомъ настоятеля разведенъ маленькій садикъ съ клумбою цвѣтовъ и небольшой бесѣдкой. Трудъ, заботa и попеченіе о развитіи и благосостояніи обители выказываются на каждомъ шагу.

Узнавъ отъ одного изъ монастырскихъ служекъ, что архимандрита Евгенія нѣтъ дома, мы отправились ко вновь строющемуся храму. Храмъ сооружается по плану профессора Гримма, подъ наблюденіемъ архитектора М. Ю. Арнольда, изъ громадныхъ тесаныхъ плитъ бѣлаго никерманскаго камня, съ мраморными по фасаду колонами *). Это будетъ зданіе простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественное и чисто въ русскомъ стилѣ; оно занимаетъ площадь въ 304 квадратныхъ сажени, и будетъ состоять изъ двухъ этажей. Высота его съ крестомъ около 19 саженей. Нижній этажъ возведенъ надъ остатками стѣнъ церкви, въ которой великій князь Владиміръ воспринялъ св. крещеніе, а верхній предназначается для богослуженія. Съ чувствомъ нѣмаго благоговѣнія осматривалъ я остатки стѣнъ этой древней базилики. Внѣшняя форма ихъ представляетъ образецъ византійскаго стиля. Алтарь церкви выдается наружу полукруглымъ выступомъ, стѣны сложены изъ грубо обтесанныхъ желтоватаго цвѣта большихъ камней, между которыми мѣстами виднѣются обломки колонъ, вѣроятно, какого либо еще болѣе древнѣйшаго храма. Вышина сохранившихся стѣнъ отъ полу: со стороны алтаря и входа достигаетъ — семи, а въ прочихъ мѣстахъ—не болѣе трехъ-четырехъ футовъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ вновь строющагося храма виднѣются слѣды еще двухъ открытыхъ церквей, а вокругъ ихъ и нѣсколько всторону, между громадными глыбами камней обтесываемыхъ для новаго собора, известочныхъ творилъ, бревенъ, воротовъ и грудъ мусора, попадаются обломки древнихъ колонъ, карнизовъ, крестовъ — какъ будто съ этого должно начаться объединеніе древняго міра съ идущимъ къ нему на встрѣчу новымъ.

Съ высоты верхней площадки лѣсовъ я обозрѣвалъ территорію «гордаго, изящнаго и славнаго» Херсонеса. Мнѣ хотѣлось опредѣлить положеніе: и главной его улицы — Аркаса, шедшей, какъ извѣстно, отъ западныхъ воротъ по южному краю города и поворачивавшей потомъ на сѣверовостокъ, и главной городской площади съ ея храмами и дворцами, и дворца княжеска-

*) Первоначально предполагалось облицевать храмъ порфиромъ и мраморомъ; но такъ какъ эта мѣра требовала расходу до 700,000 р., то и рѣшили, впослѣдствіи, ограничиться только постановкою по фасаду мраморныхъ колонъ.

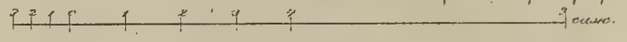
Херсонесскій монастырь.

По фотографіи, снятой съ натуры, рис. Г. Глушковъ, рѣз. на дер. А. Шлиперъ.

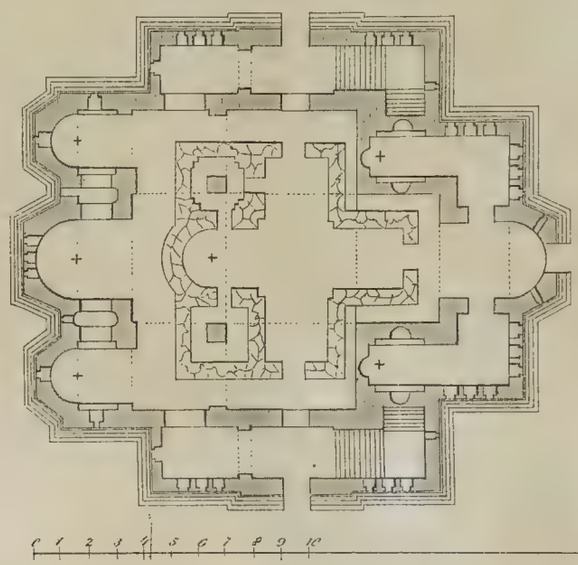
ФАСАДЪ И ПЛАНЪ СОБОРА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ ХЕРСОНЕССКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

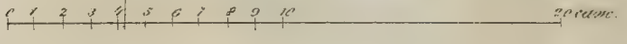
ФАСАДЪ

Архитекторъ Проф. Гриммъ.



ПЛАНЪ НИЖНЯГО ЭТАЖА





Строитель П. І. ГУБОНИНЪ 1873 года.

го «обширнаго какъ городъ», и знаменитой городской стѣны, съ ея башнями и рвами, начинавшейся у Черной рѣчки и шедшей немного выше Инкермана до самой Балаклавской бухты, и не менѣе знаменитыхъ водопроводовъ. Но исполнить этого, къ сожалѣнію, я не могъ, такъ какъ на поверхности земли никакихъ слѣдовъ ихъ существованія (кромѣ отрытыхъ при раскопкахъ слѣдовъ церквей) уже не оказывалось. Время все уничтожило и только одно вѣчно неизмѣнное море также, какъ и прежде, во время славы и могущества Херсонеса, кипитъ и пѣнится у его крутыхъ каменистыхъ береговъ. Все также мѣрно и безустанно, одна вслѣдъ за другой, несутся волны на эти выдающіеся береговые выступы, мыски и крошечные каменные островки, и прядаютъ высоко съ шумомъ, покрытые пѣной, какъ бѣлоснѣжной пеленой, и дробятся и разсыпаются тысячами брызгъ. А тамъ, вдалекѣ, гдѣ море какъ бы сливалось съ густой яркой синью горизонта, прозрачная свѣтлозеленая масса волнъ чуть чуть колеблясь, вспыхиваетъ подъ златисто-бѣлесоватыми лучами осенняго солнца, и горитъ, и блеститъ багрянцемъ, чернью и серебромъ.

По осмотрѣ работъ въ соборѣ, возбудился вопросъ о времени окончанія его постройки, и С. П. Губонинъ сказалъ мнѣ, что всѣ усилія ихъ фирмы направлены къ тому, чтобы окончить постройку храма вчернѣ въ 1875 году; что же касается дальнѣйшихъ работъ, то производство ихъ будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Постройкою храма, однакожъ, не ограничиваются заботы настоятеля монастыря объ окончательномъ его устройствѣ. Сдѣланныя по сему предмету предположенія, какъ я слышалъ отъ стоящихъ близко къ дѣлу людей, весьма грандіозны и сложны. Они заключаются въ томъ, чтобы обнести монастырь каменной оградой, построить большой корпусъ братскихъ келій и гостиницу для богомольцевъ, а надъ святыми воротами выстроить колокольню съ малой церковью. Но будутъ-ли изысканы необходимыя для того средства — вотъ вопросъ, на который едва ли кто можетъ отвѣтить нынѣ утвердительно. Самъ настоятель монастыря, архимандритъ Евгеній, котораго мы посѣтили на другой день, на вопросъ нашъ о средствахъ для постройки, отвѣчалъ уклончиво. Въ дѣйствительности же, какъ мы слышали изъ достовѣрнаго источника, строительныя средства монастыря крайне скудны.

П. Мартьяновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Два новыя изслѣдованія по начальной русской исторіи.

(гг. Васильевскаго и Миллера).

Въ числѣ тридцати основаній, на которыхъ построено мое опроверженіе извѣстной Норманской теоріи, есть слѣдующее:

«17. Византійцы нигдѣ не смѣшиваютъ Русь съ Варягами. О Варягахъ они упоминаютъ только съ XI вѣка; а о народѣ Русь, подъ этимъ ея именемъ, говорятъ преимущественно со времени нападенія ея на Константинополь въ 865 году. Но и послѣ того они продолжаютъ именовать Руссовъ Скиѳами, Тавроскиѳами, Сарматами и т. п.» (Рус. Вѣст. 1872. Декабрь). Въ другомъ мѣстѣ у меня повторено, что «Византійцы, близко, во очію видѣвшіе и Варяговъ и Русь, нигдѣ не смѣшиваютъ ихъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ».

Недавно В. Г. Васильевскій, извѣстный нѣкоторыми прекрасными историческими монографіями, представилъ довольно подробное изслѣдованіе о византійскихъ Варягахъ подъ заглавіемъ: Варяго-Русская и Варяго-Англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ (Журн. М. Н. Пр. ноябрь 1874, февраль и мартъ 1875). Въ этомъ изслѣдованіи онъ старается опровергнуть общепринятое мнѣніе, что варяжская дружина въ Константинополѣ состояла изъ Скандинавовъ или вообще изъ людей Сѣверонѣмецкой вѣтви. Онъ пытается доказать, что на оборотъ византійскіе Варяги XI вѣка были ничто иное какъ наша славянская Русь. Мнѣніе совершенно новое и можно сказать неожиданное.

На чемъ же авторъ изслѣдованія основываетъ это открытіе?

Извѣстно, что наемная варяжская дружина впервые упоминается въ византійской исторіографіи подъ 1034 годомъ (у Кедрена). Съ этимъ извѣстіемъ совпадаютъ и сказанія исландскихъ сагъ о подвигахъ норвежскаго принца Гаральда Гардрады и его товарищей веринговъ, на византійской службѣ. А въ концѣ X вѣка, по свидѣтельству русской лѣтописи, Владиміръ отослалъ въ Грецію часть наемной варяжской дружины. Кажется, достаточно было бы основаній полагать, что около этого времени, т. е. между 980 и 1034 гг., возникла въ числѣ греческихъ войскъ наемная дружина Варанговъ, которая потомъ, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, существовала почти до конца Византійской имперіи.

По извѣстію недавно изданнаго византійскаго историка Михаила Иселла въ 988 г. императоръ Василій II получилъ отъ своего зятя князя Владиміра вспомогательное войско, численность котораго одинъ армянскій историкъ (Асохикъ) опредѣляетъ въ 6000 человѣкъ, и которое оказало Василію много услугъ въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами. Вотъ это-то вспомогательное русское войско, по мнѣнію В. Г. Васильевскаго, получило у византійцевъ названіе Варанговъ, и упомянутая подъ 1034 г. варяжская дружина составляла только часть союзнаго шеститысячнаго русскаго корпуса. (Хотя по прошествіи 45 лѣтъ изъ 6000, посланныхъ Владиміромъ Василію II, едва ли многіе оставались въ живыхъ и продолжали служить Византіи). Но какимъ способомъ уважаемый авторъ пришелъ къ такому неожиданному выводу? Какъ я ни старался уяснить себѣ цѣпь его посредствующихъ соображеній, а долженъ признаться, что несовсѣмъ въ этомъ успѣлъ. Повидимому, однимъ изъ главныхъ основаній служитъ то, что Варанги 1034 года упоминаются въ Малой Азіи, а въ 1033 году на границахъ Арменіи въ составѣ византійскихъ войскъ встрѣчается и Русь. Казалось бы, что же тутъ особеннаго? Русскіе наемные отряды въ тѣ времена дѣйствительно участвовали почти во всѣхъ главнѣйшихъ войнахъ Византіи, и это нисколько не мѣшало существованію наемныхъ отрядовъ изъ другихъ національностей, между прочимъ и варяжскому. А главное, совершенно непонятно слѣдующее: русскіе отряды упоминаются на византійской службѣ уже съ начала X вѣка, византійцы такъ и называютъ ихъ Русью, а потомъ то Русью, то Тавроскиѳами; со времени же прибытія шеститысячнаго войска Владиміра они будто бы переименовали этихъ Руссовъ въ Варанговъ. Но въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, названіе Русь или Тавроскиѳы исчезло изъ византійскихъ источниковъ? Нисколько: они попрежнему называютъ ихъ своими именами. Но почему же эти люди, не переставая быть Русью, въ XI вѣкѣ сдѣлались Варангами?—спрашиваемъ мы. Отвѣта на этотъ вопросъ не находимъ; но что это такъ сдѣлалось, въ томъ, по мнѣнію автора, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Какъ неоспоримое доказательство онъ приводитъ слѣдующее соображеніе: тамъ, гдѣ у Иселла и Атталіоты упоминаются въ описаніи походовъ и сраженій Русь или Тавроскиѳы, тамъ у Скилицы и Кедрена стоятъ Варанги, которые въ этихъ случаяхъ будто бы соотвѣтствуютъ Руси Иселла. Напримѣръ, говоря о походѣ Романа Діогена противъ Турокъ-Сельджуковъ, Скилица исчисляетъ составъ его войска; императоръ велъ съ собою «Македонянъ, Булгаръ, Каппадокійцевъ, Узовъ и другихъ случайно попавшихъ иноплеменниковъ, а сверхъ того Франковъ и Варанговъ». Между тѣмъ Атталіота при описаніи это-

го похода, хотя не излагаетъ составъ войска, но въ теченіи разсказа упоминаетъ объ отрядахъ, собранныхъ въ задныхъ провинціяхъ имперіи и Каппадокіи, о Скиѳахъ, Франкахъ и о русскомъ оружіи, съ помощію котораго взятъ былъ одинъ городъ. О Варангахъ Атталіота не упоминаетъ; а такъ какъ Скилица, по мнѣнію автора, заимствовалъ свои свѣдѣнія у Атталіоты, то слѣдовательно вмѣсто Руси онъ поставилъ Варанговъ. Что Русскіе дѣйствительно участвовали въ этомъ походѣ свидѣтельствуетъ арабскій писатель Ибнъ Атиръ; онъ говоритъ, что армія Діогена доходила до 200,000 и состояла изъ Византійцевъ, Франковъ, Руссовъ, Печенѣговъ, Арабовъ и Грузинъ. Отсюда тождество Варанговъ и Руссовъ будто бы несомнѣнно. Мы однако этого тождества не видимъ. Всѣ три приведенные писателя не повторяютъ буквально другъ друга въ извѣстіи о составѣ Діогеновой арміи; у каждаго встрѣчаются отряды, которыхъ нѣтъ у двухъ другихъ, и никто изъ нихъ не перечисляетъ всѣхъ разноплеменныхъ отрядовъ. Обратимъ вниманіе на фразу Скилицы: «и другихъ случайно попавшихъ иноплеменниковъ». Ничто не мѣшаетъ въ числѣ послѣднихъ разумѣть и Руссовъ. Если же принять систему автора, то, сравнивая Атира съ Скилицею, прійдется Арабовъ отождествить съ Македонянами, а Грузинъ съ Булгарами. Обратимъ также вниманіе на 200,000-ю численность арміи: при извѣстной системѣ византійскихъ войскъ, какихъ разноплеменныхъ отрядовъ не было въ этой арміи! И явилась она въ полномъ составѣ не вдругъ конечно, а уже во время похода съ присоединеніемъ разныхъ наемныхъ союзныхъ дружинъ. Точнаго отчета о всѣхъ ея частяхъ невозможно и ждать отъ упомянутыхъ источниковъ. А будто Скилица свои извѣстія почерпалъ только изъ Атталіоты, это не совсѣмъ вѣрно: первый много заимствовалъ у втораго, но имѣлъ конечно и другіе источники.

Возьмемъ еще примѣръ:

Иселлъ описываетъ свое посольство 1057 года отъ императора Михаила Стратіотика въ лагерь побѣдоноснаго узурпатора Исаака Комнена, расположенный въ окрестностяхъ Никомидіи. Исаакъ принялъ его въ своей палаткѣ, окруженный близкими людьми и союзными отрядами, состоящими изъ итальянцевъ и тавроскиѳовъ, т. е. изъ итальянскихъ Норманновъ и Руссовъ: тѣ и другіе отличались свѣтлоголубыми глазами, но первые имѣли бритыя щеки и подбородокъ, а вторые небритые; тѣ и другіе держали копья и сѣкиры. Прекрасно, кажется, чтобы можно извлечь изъ этого извѣстія; оно очень просто и ясно указываетъ національность союзниковъ. Но нѣтъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующее соображеніе: такъ какъ гвардейскіе Варанги, стоя у престола императоровъ, обыкновенно изображаются съ сѣкирами, то слѣдовательно въ данномъ случаѣ тавроскиѳы суть въ тоже время и Варанги; они-то и держали въ рукахъ сѣкиру, а копья держали только итальянцы. И вотъ несомнѣнное доказательство, что Варанги набирались изъ Руссовъ! За тѣмъ слѣдуютъ напоминанія о привычкѣ древнихъ галловъ брить бороды, о томъ, что Боемундъ Тарентскій въ началѣ XII вѣка также представляется съ бритою бородой, а нашъ Святославъ у Льва Діакона изображается съ голубыми глазами и рѣдкою бородою. Что прибавляютъ эти напоминанія къ доказательствамъ автора? Догадку свою о варяжствѣ тавроскиѳовъ въ данномъ случаѣ онъ подкрѣпляетъ слѣдующимъ положеніемъ. «Не должно думать, что церемоніалъ, которымъ окружалъ себя Исаакъ Комненъ, имѣлъ какой-либо необычайный характеръ, соотвѣтствующій революціонному положенію узурпатора и что Тавроскиѳы и Норманны занимали здѣсь чужое мѣсто только потому, что они были сообщники Исаака съ самаго начала его похода». И за тѣмъ приводится изъ того же Иселла примѣръ одного придворнаго церемоніала въ 1042 году, въ Константинополѣ, гдѣ упоминаются копьеносцы и люди племени тѣхъ, которые потрясаютъ сѣкирою на правомъ плечѣ. Но для всякаго посторонняго наблюдателя такія натяжки слишкомъ очевидны, и сравненіе двухъ церемоніаловъ одного обычнаго въ мирное время въ столицѣ, а другаго въ военное время въ лагерѣ узурпатора, еще не завладѣвшаго столицей, такое сравненіе лишено аналогіи. Понятно, что послѣдній окружалъ себя стражею изъ тѣхъ иноплеменниковъ, которые были у него подъ рукою и наиболѣе оказали ему услугъ. Да проститъ намъ авторъ, если мы замѣтимъ, что настоящее изслѣдованіе его наполнено подобнаго рода сближеніями и выводами и кромѣ того длинными отступленіями, иногда интересными въ фактическомъ отношеніи, но ровно ничего не прибавляющими къ его доказательствамъ.

Между прочимъ можно ли серьозно предлагать такую дилему?

«Способъ доказательства, котораго мы держались въ этой главѣ, слѣдующій:

Симмахиконъ (союзный корпусъ)=Тавроскиѳы, т. е., Руссы.

Симмахиконъ=Варяги (въ Грузіи и южной Италіи).

Слѣдовательно Руссы=Варяги».

Можно ли родъ приравнивать виду? Названіе союзники (симмахиконъ) есть общее, родовое. Въ той же монографіи г. Васильевскаго это названіе придается вспомогательнымъ войскамъ и разныхъ другихъ національностей, напр. франкамъ, итальянцамъ и пр.; слѣдовательно всѣхъ ихъ можно отождествить съ Русью?

Извѣстно, что у византійскихъ историковъ есть прямыя указанія на національность Варанговъ и на ихъ родину. Такъ Кедренъ и Скилица называютъ Варанговъ «кельтическимъ племенемъ»; Вріенній считаетъ ихъ народомъ съ далекаго варварскаго острова, сосѣдняго съ океаномъ, и говоритъ, что они «издревле отличались вѣрностію византійскимъ императорамъ»; Анна Комненъ выводитъ ихъ съ острова Оуле, который, по понятіямъ грековъ, лежалъ гдѣ-то далеко на сѣверѣ. Все это относится къ Варангамъ XI вѣка, о которыхъ собственно идетъ рѣчь. Съ конца этого столѣтія дружина Варанговъ начинаетъ наполняться выходцами изъ Англіи, и Никита Ханіатъ, говоря о Варангахъ конца XII вѣка, называетъ ихъ Англичанами; а Кодинъ, писатель XV вѣка, замѣчаетъ, что Варанги говорили по англійски.

Интересны пріемы, съ помощію которыхъ изслѣдователь пытается устранить прямыя свидѣтельства источниковъ. Вріенній, по его словамъ, «авторъ плохаго неоконченаго историческаго сочиненія»; а «варварская страна вблизи океана» это можетъ быть страна французскихъ Норманновъ, приходившихъ черезъ Южную Италію, или озна-

ченное выраженіе можетъ быть относится къ позднѣйшей, т. е. англо-саксонской эпохѣ (хотя Врienній прямо говоритъ о тѣхъ Варангахъ, которые отличались вѣрностію издавна). Далѣе слѣдуетъ ссылка на то, что Врienній пользовался сочиненіемъ Пселла, у котораго нѣтъ упомянутаго извѣстія. Но безспорно Врienній зналъ очень хорошо придворныхъ Варанговъ и могъ указывать на ихъ родину безъ всякаго отношенія къ Пселлу, какія бы ни дѣлалъ у него заимствованія. Замѣтку Скилицы-Кедрена о кельтической національности Варанговъ г. Васильевскій считаетъ просто позднѣйшимъ толкованіемъ или глоссою, и думаетъ, что если издать подлинный греческій текстъ Скилицы, то въ немъ, можетъ быть, и не окажется этой замѣтки. Но вѣдь это простое предположеніе; какъ же строить на немъ выводы? Относительно Анны Комненъ авторъ также дѣлаетъ предположеніе, что вѣроятно она смѣшивала Варанговъ XI вѣка съ Варангами XII-го, т. е. съ наемниками изъ Британіи; вся ошибка (ея) состояла въ томъ, что она не вникала въ исторію варяжской дружины». Насколько критично такое отношеніе къ источникамъ, предоставляю судить читателямъ компетентнымъ. Не забудемъ, что всѣ указанія греческихъ историковъ касательно происхожденія Варанговъ согласно обращены на сѣверъ и сѣверо-западъ Европы, и нигдѣ ни единымъ словомъ они не проговорились о русскомъ, или тавроскиѳскомъ, или просто скиѳскомъ ихъ происхожденіи; говоря о Варангахъ, они нигдѣ не указываютъ на Русь. Не забудемъ, что переходъ отъ преобладанія скандинавскаго элемента въ дружинѣ Варанговъ къ преобладанію англо-саксонскаго совершался на глазахъ упомянутыхъ выше историковъ, и они почти не замѣчали его, благодаря родству этихъ элементовъ. Совсѣмъ другое дѣло, если бы англо-саксонская народность смѣнила славянскую; такой переходъ не могъ остаться незамѣченнымъ.

Всѣ подобные доводы хотя, по мнѣнію г. Васильевскаго, и очень убѣдительны, но это пока доводы, такъ сказать, косвенные. Затѣмъ слѣдуютъ прямые, которые должны убѣдить уже окончательно. Почему къ послѣднимъ авторъ относитъ разсказъ Атталіоты о войнѣ 1078 года, мы не понимаемъ. Тождество Руси и Варанговъ изъ даннаго примѣра также не вытекаетъ, какъ и изъ всѣхъ предыдущихъ: Варанги и Русь участвовали въ этомъ походѣ и сражались рядомъ, нисколько не мѣшая каждой части оставаться при своей національности. Намъ кажется важнѣе послѣдующее указаніе на нѣсколько хризовуловъ или императорскихъ грамотъ XI вѣка.

Въ первой грамотѣ говорится объ освобожденіи одного монастыря отъ сборовъ въ пользу «Варанговъ Роси или Саракинъ или Франковъ», въ другой объ освобожденіи одного дома отъ постоя военныхъ людей «еще же Роси Варанговъ или Кулпинговъ или Франговъ или Булгаровъ или Саракинъ». Въ третьей, составляющей подтвержденіе предыдущей, видимъ буквальное повтореніе тѣхъ же словъ. Въ четвертой говорится тоже объ освобожденіи одного монастыря отъ постоя военныхъ людей, «а также Росовъ Варанговъ Кулпинговъ Инглинговъ Франковъ Нѣмцевъ Булгаръ Саракинъ Аланъ Обезовъ» и проч.

На томъ основаніи, что Русь въ грамотахъ стоитъ вездѣ рядомъ съ Варангами и между ними нѣтъ частицы или, авторъ заключаетъ, будто эти два названія составляютъ одно и ихъ надобно переводить словомъ Варяго-Руссы. Но откуда слѣдуетъ, что частица или непремѣнно должна начинаться здѣсь со втораго же слова, а не съ третьяго? Голословная ссылка на Василики слишкомъ недостаточна. Если Русь и Варанги упоминаются рядомъ, это значитъ только то, что русская и варяжская дружины въ данную эпоху составляли наиболѣе постоянные, наиболѣе видные иноплеменные отряды въ греческихъ войскахъ. Обратимъ также вниманіе на перемѣну порядка: въ первой грамотѣ стоятъ сначала Варанги, потомъ Русь, а во второй, третьей и четвертой, наоборотъ сначала Русь, потомъ Варанги. По мнѣнію автора это «ровно ничего не значитъ». Напротивъ, это прямо означаетъ, что у Грековъ не было опредѣленнаго термина Варанго-Руссы; иначе онъ вездѣ употреблялся бы одинаково. Наконецъ, четвертая грамота совершенно опровергаетъ мнѣніе автора: обыкновенно несклоняемое Русь здѣсь подвергнуто склоненію на ряду съ прочими именами; сказано: Росовъ, Варанговъ и т. д. Авторъ изслѣдованія поступаетъ въ этомъ случаѣ уже слишкомъ смѣло: онъ утверждаетъ, что тутъ надобно переводить: русскихъ Варяговъ, и ссылается на фразу Ксенофонта, у котораго сказано «пельтасты Эллины» вмѣсто «эллинскіе пельтасты»; кромѣ различія эпохъ для языка, этотъ примѣръ неаналогиченъ еще и потому, что тутъ стоятъ не два народныя названія, а народное съ нарицательнымъ. Вотъ къ какимъ натяжкамъ приходитъ нашъ изслѣдователь, вообще очень приверженный къ соображеніямъ и доказательствамъ филологическаго свойства.

И такъ, послѣ изслѣдованія г. Васильевскаго, повидимому столь тщательнаго, столь обильнаго всякаго рода ссылками и цитатами, мы можемъ еще съ большею увѣренностію чѣмъ прежде повторить, что греки, хорошо знавшіе Русь и Варяговъ, не смѣшиваютъ ихъ и нигдѣ не называютъ ихъ людьми одного племени. Замѣчательно, что наше положеніе подтверждается и всѣми свидѣтельствами, которыя изслѣдователь приводитъ изъ другихъ источниковъ, каковы скандинавскія саги и латинскіе лѣтописцы, хотя авторъ и старается объяснять ихъ по своему.

Вообще, тѣ мѣста источниковъ, которыя не подходятъ къ его доказательствамъ, авторъ объясняетъ ошибками, недоразумѣніями и позднѣйшими искаженіями, но въ то же время къ другимъ относится съ чрезвычайной довѣрчивостію и обходится съ ними какъ съ математическими данными. Напримѣръ, въ одной грузинской хроникѣ подъ 1047 годомъ говорится о 3,000-мъ варяжскомъ вспомогательномъ войскѣ. Изслѣдователь принимаетъ эту цыфру за несомнѣнную; выводитъ изъ нея, что здѣсь находилась половина шести тысячнаго русскаго союзнаго войска 988 года, и полагаетъ, что остальные 3,000 были въ это время въ Южной Италіи. Онъ нѣсколько разъ вооружается противъ мнѣнія, что наемные Варанги составляли исключительно придворный или лейбъ-гвардейскій отрядъ въ Константинополѣ, и утверждаетъ, что были варяжскіе отряды и въ полевыхъ войскахъ. Но, сколько намъ извѣстно, никто и не настаивалъ на упомянутой исключительности.

Вотъ еще примѣръ смѣлости и поспѣшности въ дѣлѣ

выводовъ и соображеній. Варанги конечно были католики; въ Константинополѣ существовала особая церковь Варяжской Богородицы, которая (по словамъ французскаго консула Белэна) находилась около храма св. Софіи. Г. Васильевскій на основаніи имени (т. е. «Варяжская Богородица») и мѣстоположенія заключаетъ, что то была не латинская, а греческая, православная, т. е. просто русская церковь. Неужели этихъ основаній достаточно для подобнаго вывода? Почему тутъ названіе должно означать православный храмъ, мы не понимаемъ; а что придворная дружина Варанговъ пользовалась привилегіей имѣть особую церковь или часовню по близости своего мѣстослуженія, мы находимъ естественнымъ. Къ этому прибавимъ слѣдующее. По словамъ самого автора, болѣе достовѣрные источники о построеніи Варяжскаго храма не восходятъ ранѣе второй половины XII вѣка. Но именно къ тому же времени относится извѣстіе о существованіи русскаго храма въ Константинополѣ въ честь Бориса и Глѣба, и не подлѣ Софіи, а на другой сторонѣ Золотаго Рога, т. е. въ Галатѣ. Это извѣстіе принадлежитъ новогородскому архіепископу Антонію. (См. его Путешествіе въ Царьградъ, изданное П. И. Савваитовымъ. стр. 47 и 159).

Наконецъ, главный выводъ г. Васильевскаго: будто Руссы, приходившіе въ XI вѣкѣ въ Византію, сами называли себя тамъ Варягами, — этотъ выводъ находится въ явномъ противорѣчіи со всѣми несомнѣнными данными. Извѣстно, что наша лѣтопись собственно въ одной баснѣ о призваніи Варяговъ смѣшиваетъ ихъ съ Русью; но, повѣствуя о событіяхъ XI-го, X-го и даже конца IX-го вѣка, различаетъ Русь отъ Варяговъ. Это различіе подтверждается и такимъ оффиціальнымъ документомъ какъ Русская Правда, которая относится къ Варягамъ, какъ къ иноплеменникамъ.

Въ началѣ своего изслѣдованія г. Васильевскій скромно заявляетъ, что онъ не считаетъ себя компетентнымъ въ вопросахъ русской исторіи настолько, чтобы вмѣшиваться въ споръ, снова поднятый мною, и что его выводы «могутъ быть обращены въ свою пользу какъ норманистами, такъ и съ такимъ же правомъ противниками ихъ». Но потомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ авторъ становится болѣе и болѣе компетентнымъ, и заключаетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: «Мы думаемъ, что скандинавская теорія происхожденія Русскаго государства до сихъ поръ остается непоколебленною, и что тѣ, которые пытались поколебать ее, потерпѣли завѣдомую неудачу. Она покоится, главнымъ образомъ, на двухъ столпахъ: на именахъ Русскихъ князей и на названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, которые все таки остаются неславянскими, не смотря на разныя попытки ненаучной филологіи объяснить ихъ по славянски. Съ наукою мы не хотимъ быть въ противорѣчіи, и думаемъ не находимся». Слѣдовательно, норманизмъ пріобрѣлъ себѣ новаго союзника, и въ лицѣ его заявляетъ о своей рѣшительной побѣдѣ. Это показываетъ только какія бываютъ радикально противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ. Противники говорятъ, что мы потерпѣли завѣдомую неудачу; а мы позволяемъ себѣ думать, что каждое новое возраженіе со стороны норманизма даетъ намъ возможность болѣе и болѣе раскрывать его несостоятельность, за что приносимъ благодарность всѣмъ бравшимъ на себя трудъ возражать намъ, въ томъ числѣ и В. Г. Васильевскому. Разногласіе въ данномъ вопросѣ нисколько не мѣшаетъ намъ отдавать должную справедливость его ученымъ достоинствамъ и его историческимъ трудамъ вообще. Когда въ концѣ 1872 года на страницахъ Журнала Министерства Народн. Просв. появилось его изслѣдованіе «Византія и Печенѣги», мы привѣтствовали автора, какъ русскаго ученаго, который можетъ уяснить многое въ отношеніяхъ Византіи къ міру Русско-Славянскому (см. «Рус. Арх.» 1873 № 3). При этомъ мы только замѣтили нѣкоторое пристрастіе къ этимологическимъ соображеніямъ и наклонность строить на нихъ историческіе выводы, иногда слишкомъ смѣлые. Въ послѣднемъ изслѣдованіи наклонность эта проявляется еще въ болѣе сильной степени. А между тѣмъ, независимо отъ темныхъ и разнорѣчивыхъ текстовъ, исторія народовъ и обществъ имѣетъ свои законы, которые дѣйствуютъ непреложно и которые достойны тщательнаго изученія и вниманія. Обыкновенно тамъ, гдѣ этимологическіе выводы противорѣчатъ историческому ходу событій, при болѣе внимательномъ и многосторонномъ разсмотрѣніи, эти выводы оказываются невѣрны, и указываютъ только на несовершенство филологическихъ пріемовъ.

Извѣстно, что главный и постоянный врагъ исторіи какъ науки—это элементъ вымысла, басни, съ которымъ ей приходится бороться отъ самыхъ древнѣйшихъ до самыхъ новѣйшихъ временъ. Этотъ элементъ такъ переплетается съ источниками собственно историческими, что часто нужны величайшія усилія, чтобы выдѣлить его. Но кромѣ вымысла у исторической науки есть и другіе непріятели, напр. недостатокъ свидѣтельствъ, недостатокъ безпристрастія и проч. А въ данномъ вопросѣ, какъ мы видимъ, ей приходится бороться и съ ошибочными филологическими пріемами.

Филологія стремится стать наукою точною; но до полной точности ей еще очень далеко; приблизительно вѣрныхъ выводовъ она можетъ достигать только тамъ, гдѣ имѣетъ для того достаточный матеріалъ. Но во многихъ случаяхъ, особенно относящихся къ вѣкамъ прошедшимъ, она безсильна представить удовлетворительныя объясненія, хотя это и не избавляетъ ее отъ обязанности дѣлать къ тому попытки. Движеніе ея въ этомъ отношеніи находится въ тѣсной связи съ движеніемъ вообще исторической науки, которая, какъ извѣстно, имѣетъ въ виду всю сложность явленій. Нѣтъ сомнѣнія, что наука славянорусской филологіи сдѣлала уже много успѣховъ; но какъ она еще слаба при объясненіи самой исторіи языка, лучше всего показываетъ слѣдующее. Передъ нами великорусское и малорусское нарѣчія въ полномъ своемъ составѣ; мы имѣемъ обильные письменные памятники, которые восходятъ до X столѣтія, и однако русская филологія не объяснила намъ доселѣ, откуда взялось малорусское нарѣчіе, когда оно сложилось, въ какихъ отношеніяхъ было къ вѣтви великорусской и т. д. Есть по этому поводу нѣкоторыя попытки, нѣкоторыя мнѣнія, но до рѣшенія вопроса еще очень далеко. Это рѣшеніе зависитъ отъ болѣе тщательной разработки древнѣйшей русской исторіи. Точно также филологическая наука еще не въ состояніи опредѣлить, гдѣ кончается церковно-

славянскій языкъ и начинается собственно русскій въ древнихъ памятникахъ нашей письменности. Если послѣ столькихъ трудовъ, посвященныхъ вопросу, въ какомъ славянскомъ нарѣчіи сдѣланъ былъ переводъ священнаго писанія, все еще продолжаются о томъ споры записныхъ филологовъ, то ясно, какъ еще слаба филологическая наука по отношенію къ исторіи языка. И этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ помощи болѣе точныхъ изслѣдованій по древней исторіи Славянъ *). Часто еще слабѣе оказывается филологія тамъ, гдѣ она пытается разъяснять географическія, народныя и личныя имена, дошедшія до насъ отъ вѣковъ давно минувшихъ. Тутъ является обширное поприще для всякаго рода догадокъ, предположеній, вѣроятностей и проч. и въ этихъ случаяхъ только тѣ догадки получаютъ вѣсъ, которыя могутъ опереться на исторію. Считаю не лишнимъ напомнить о всѣхъ этихъ истинахъ въ виду усилій норманизма: за недостаткомъ историческихъ данныхъ на своей сторонѣ искать поддержки преимущественно въ области филологіи.

Г. Васильевскій, столь пристрастный къ этимологическимъ доводамъ, говоритъ, что скандинавская теорія покоится главнымъ образомъ на двухъ столпахъ: на именахъ Русскихъ князей и на именахъ Днѣпровскихъ пороговъ. Не знаю, какихъ князей онъ тутъ разумѣетъ. Имена нашихъ первыхъ историческихъ князей, т. е. Олега и Игоря, несомнѣнно туземныя; мои доводы въ этомъ отношеніи остаются пока никѣмъ неопровергнуты. Это имена почти исключительно русскія (Олега встрѣчаемъ еще только у литовцевъ въ сложныхъ именахъ Олегердъ и Ольгимундъ); тогда какъ между историческими именами Скандинавовъ ихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. И на оборотъ, наиболѣе употребительныя историческія имена скандинавскихъ князей, каковы Гаральдъ, Еймундъ, Олафъ и т. п., совсѣмъ не встрѣчаются у нашихъ князей. Что же касается до именъ дружинниковъ, приведенныхъ въ договорахъ Олега и Игоря, то это отрывки изъ русской ономастики языческаго періода; часть ихъ встрѣчается потомъ рядомъ съ христіанскими именами въ XI, XII и даже XIII вѣкахъ въ разныхъ сторонахъ Россіи, и только несовершенство филологическихъ пріемовъ можетъ объяснять ихъ исключительно скандинавскимъ племенемъ. Вообще, этимологія личныхъ именъ по своей сложности, по разнообразнымъ отношеніямъ и вліяніямъ, политическимъ и этнографическимъ, можетъ составить особый отдѣлъ сравнительно-исторической филологіи, и приступать къ рѣшенію вопросовъ съ такими нехитрыми пріемами, какъ это доселѣ дѣлалось, несогласно съ настоящими требованіями науки.

Если въ упомянутыхъ договорахъ нашлось бы два, три имени дѣйствительно варяжскихъ, то это подтвердило бы только мою мысль, что, начиная съ Олега, въ Новгородѣ содержался наемный варяжскій гарнизонъ и что нѣкоторые знатные люди изъ Варяговъ уже съ того времени могли появляться въ самой кіевской дружинѣ.

О названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ мы неоднократно говорили и утверждали, что только выходившія изъ предвзятой мысли толкованія могли объяснять т. наз. русскія имена исключительно скандинавскими языками. Повторимъ вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ мы въ своихъ прежнихъ статьяхъ постепенно пришли по этому отдѣлу варяжскаго вопроса:

1. Русскія названія суть основныя, первоначальныя, восходящія къ глубокой древности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть остатокъ еще скіоской эпохи.

2. Славянскія названія суть варіанты русскихъ и принадлежатъ нарѣчію древнеболгарскому; такъ какъ къ югу отъ Полянъ въ V—X вв. жили племена болгарскія (Угличи и др.).

3. Названія пороговъ дошли до насъ въ весьма искаженной передачѣ. У насъ нѣтъ средствъ провѣрить ихъ даже самимъ Константиномъ Б., потому что онъ приводитъ ихъ только одинъ разъ. Сравненіе съ другими географическими именами въ его сочиненіи, а также и самые славянскіе варіанты, подтверждаютъ мысль объ этомъ искаженіи. Кромѣ того Константинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перемѣшалъ соотвѣтствіе славянскихъ варіантовъ съ русскими.

4. Первоначальный смыслъ нѣкоторыхъ русскихъ названій утратился, и Константинъ приводитъ собственно ихъ позднѣйшее осмысленіе. Напр. названіе перваго порога Есупи (которое я позволяю себѣ сближать съ скіоскимъ Exampaios) по созвучію осмыслялось словомъ Неясыть; но послѣднее какъ противное духу языка не сдѣлалось собственнымъ именемъ, а отразилось въ болѣе позднемъ названіи Будило.

5. Старанія норманистовъ объяснять русскія названія исключительно скандинавскими языками сопровождаются всевозможными натяжками. Мы думаемъ, что съ меньшими натяжками можно объяснять ихъ языками славянскими, но и то собственно нѣкоторыя изъ нихъ, потому что другія, вслѣдствіе утраты слова изъ народнаго употребленія, или потери своего смысла, или по крайнему искаженію, пока не поддаются объясненіямъ (Есупи, Анфаръ и Леанти).

6. Тѣ объясненія славянорусскаго языка, которыя мы предлагали, не считаемъ окончательными, а только примѣрными, ибо отвергаемъ возможность дѣлать точные выводы тамъ, гдѣ нѣтъ ни точныхъ данныхъ, ни средствъ опредѣлить степень ихъ неточности. Вообще географическія названія какой либо мѣстности часто бываютъ необъяснимы изъ языка того народа, который употребляетъ ихъ въ данную минуту; тутъ всегда возможны постепенныя наслоенія, позднѣйшія осмысленія и т. п. *).

*) Какіе напримѣръ могутъ быть точные выводы о древнеболгарскомъ нарѣчіи, когда самихъ Болгаръ записные филологи считаютъ Финскою или Турецкою ордою, отстаивая теорію, основанную на однихъ недоразумѣніяхъ. Они, напримѣръ, хватаются за нѣсколько непонятныхъ фразъ въ одномъ славянскомъ хронографѣ. Богъ знаетъ на какомъ основаніи предполагая, что эти фразы суть остатокъ настоящаго болгарскаго языка.

*) Просимъ обратить вниманіе на послѣднія два вывода (5 и 6); такъ какъ норманисты приписываютъ мнѣ попытку объяснить все изъ славянскаго языка. Между тѣмъ я именно указывалъ, что мы имѣемъ много словъ и названій, издревле принадлежавшихъ славянамъ, и никакъ не можемъ уяснить ихъ смыслъ изъ одного славянскаго языка; напримѣръ: Днѣпръ, Богъ, Хорсъ, Мокошь и пр. и пр. И притомъ это не какія нибудь искажен-

7. Что дѣйствительно въ южной Россіи существовали когда-то при нѣкоторыхъ русскихъ названіяхъ варіанты славянскіе, указываетъ и наша лѣтопись въ извѣстныхъ словахъ: «И стояша на мѣстѣ, нарицаемомъ Ерелъ, его же Русь зоветъ Уголъ». И въ данномъ случаѣ русское названіе болѣе древне, чѣмъ славянское, потому что первое утратилось, а второе осталось до нынѣ (р. Орель).

Эти выводы наши остаются пока во всей силѣ; хотя норманисты и продолжаютъ настаивать на скандинавскихъ словопроизводствахъ. Всякая новая попытка ихъ подкрѣпить эти словопроизводства порождаютъ только новыя и новыя натяжки. Примѣромъ тому можетъ служить послѣднее по времени, изслѣдованіе О названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго, принадлежащее В. О. Миллеру (Древности, изд. Моск. Археолог. Об. 1875. Вып. I). Этотъ молодой и многообѣщающій ученый задался цѣлью доказать, что русскія названія пороговъ «могутъ быть объясняемы только изъ древно-сѣвернаго (скандинавскаго) языка», И что-же?

Первое названіе, т. е. Есуни, онъ объясняетъ все-таки новелительнымъ наклоненіемъ скандинавскаго языка eisa, хотя и согласенъ, что славянскаго Неепи не существовало. Онъ полагаетъ, что уже въ то время существовало названіе Будило и Константинъ спуталъ объясненіе этого названія съ самимъ названіемъ, да притомъ еще спуталъ два разные порога. И такъ къ прежнимъ толкованіямъ авторъ присоединилъ нѣчто изъ нашихъ мнѣній, а также свои собственныя догадки, и въ результатѣ мы получаемъ порядочную путаницу, изъ которой трудно извлечь что либо положительное.

Второй порогъ, Ульворси, г. Миллеръ, подобно предшественникамъ его на этомъ поприщѣ, превращаетъ въ скандиновское holmfors; ибо только при такомъ превращеніи у этого названія получается одинаковый смыслъ съ стоящимъ противъ него славянскимъ Островунипрагъ. Что русское хольм обратилось у Константина въ уль по прежнему доказывается «непривычнымъ» греческимъ ухомъ, «вѣроятнымъ» смѣшеніемъ аспирантовъ, переходомъ такихъ то звуковъ въ такіе то, и пр. Однимъ словомъ невѣрная передача этого названія будтобы совершилось по извѣстнымъ фонетическимъ законамъ. А между тѣмъ всѣ подобныя ссылки на законы языка уничтожаются слѣдующимъ соображеніемъ. Иностранныя слова дѣйствительно произносятся на свой ладъ, но это бываетъ обыкновенно въ томъ случаѣ, когда народъ усвоиваетъ себѣ или часто употребляетъ какое либо чужое слово. Но когда образованный человѣкъ записываетъ иностранное названіе, то онъ старается передать его какъ можно ближе къ настоящему произношенію, а не передѣлывать его непремѣнно въ духѣ своего роднаго языка. Доказательствомъ тому служитъ тотъ же Константинъ, который передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ множество варварскихъ названій всякаго рода; при чемъ часто сохраняетъ ихъ произношенія, совершенно не соотвѣтствующее духу греческаго языка, а иногда сообщаетъ ихъ въ очень искаженномъ видѣ. Вообще подобныя ошибки и неточности подвести подъ извѣстные законы и съ помощію ихъ возстановить точныя данныя по большей части бываетъ невозможно. Напримѣръ, на основаніи какихъ фонетическихъ законовъ русскій Любечъ у Константина обратился въ Телюча? и т. п. Это-то столь простое соображеніе норманисты упускаютъ изъ виду.

Третій порогъ, Геландри, по толкованію г. Миллера есть собственно сравнительная степень отъ скандинавскаго причастія настоящаго времени gellandi звенящій, а можетъ быть звукъ р тутъ только послышался Константину. Славянскимъ же языкомъ нельзя объяснять это названіе, потому что у славянъ будто бы нѣтъ словъ начинающихся съ ге и по славянской фонетикѣ г въ такомъ случаѣ должно перейти въ ж. (Однако на основаніи какого-же фонетическаго закона въ одномъ изъ древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ, въ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ, мы постоянно читаемъ «генварь» вмѣсто «январь»?) Нѣтъ будтобы у славянъ и словъ, оканчивающихся на андр. Остановимся на этихъ замѣчаніяхъ г. Миллера. Во первыхъ, онъ и названіе даннаго порога неправляетъ по своему, т. е. выбрасываетъ звукъ р и удвоиваетъ л: а иначе не совсѣмъ удобно предположить собственное имя въ сравнительной степени. Но мы также, хотя и примѣрно, предлагали только маленькую поправку: вмѣсто Геландри читать Гуландри и это слово совершенно подходило бы къ толкованію Константина, по которому оно означаетъ шумъ или гулъ. Во вторыхъ, не совсѣмъ вѣрно будто въ славянорусскомъ языкѣ нѣтъ и не могло быть словъ, оканчивающихся на андр. Мы уже указывали нѣкоторые примѣры (глухандря, слѣпандря и т. п.; прибавимъ тундра, форма вѣроятно сокращенная и притомъ своя, а не чужая, хандра и пр.); они представляютъ остатокъ какой-то весьма древней формы, для насъ уже утратившей свой граматическій смыслъ. (Впрочемъ по мнѣнію филологовъ норманской школы, кажется подобныя слова стоятъ внѣ всякихъ законовъ славянорусскаго языка?) Въ третьихъ, молодой ученый самъ не замѣчаетъ своихъ противорѣчій. Въ концѣ изслѣдованія онъ доказываетъ, что названія пороговъ передавалъ Константину Славянинъ, а не Варягъ и что этотъ предполагаемый Славянинъ тоже приложилъ свою долю участія въ искаженіи русскихъ названій. Но въ такомъ случаѣ откуда же получилось Геландри, такъ какъ по славянской фонетикѣ, упомянутой выше, онъ долженъ былъ сказать Желандри?

Затѣмъ русское Анфаръ, соотвѣтствующее славянскому Нелясыть (пеликанъ), по новой догадкѣ, есть ничто иное какъ скандинавское названіе гаги aedr; ибо пеликаны въ Скандинавіи не водятся и тамъ нѣтъ для нихъ названія. Но аедръ довольно разнится отъ анфаръ; да и съ какой стати было бы называть пеликана гагою? Относительно Варуфоросъ повторяется тоже толкованіе, какое было и прежде. Но онъ по нашему мнѣнію есть варіантъ славянскаго Веручи или Вручій, т. е. кипучій, и происходитъ отъ того же глагола врѣти или варити. Подтвержденіемъ нашего мнѣнія служитъ встрѣчающееся

ныя слова, которыхъ мы не въ состояніи провѣрить. Ненадобно еще упускать изъ виду, что и доселѣ существуютъ многія славянскія слова, которыхъ первоначальный смыслъ можетъ быть объясненъ съ помощью Готскихъ и вообще древненѣмецкихъ памятниковъ письменности; что весьма естественно по родству корней.

по лѣтописямъ названіе одного города въ южной Руси, Варучъ или Баручъ (кстати, норманисты читаютъ Баруфоросъ, объясняя его скандинавскими bara—волна и fors—водопадъ). Точно также, соотвѣтственно славянскому названію порога, былъ и городъ Вручій, Между тѣмъ у Константина въ параллель съ Веручи стоитъ русское Леанти, слово совершенно непонятное; г. Миллеръ объясняетъ его скандинавскимъ hlaeandi, что значитъ: смѣющійся. Объясненіе новое и пожалуй довольно остроумное, но отнюдь невѣроятное.

Русское Струвунъ авторъ считаетъ темнымъ, и не останавливается ни на какомъ объясненіи. Тѣмъ не менѣе онъ отрицаетъ наше предположеніе, что это названіе соотвѣтствуетъ славянскому Островунъ-порогъ. Онъ ссылается на то, что у Константина удареніе стоитъ на первомъ слогѣ, струвунъ, а по славянорусски было-бы струвунъ, чему примѣромъ служатъ Перунъ, бѣгунъ и т. п. Но вѣрно ли поставлено удареніе у Константина? А также вѣрно-ли, что у славянъ удареніе въ данномъ случаѣ непремѣнно должно стоять на послѣднемъ слогѣ? Ссылка на Перуна неудачна, ибо существовало и произношеніе пёрунъ. (Кстати, вотъ несомнѣнно славянское имя, однако попробуйте объяснить его значеніе изъ одного славянскаго языка). Я дѣлаю предположеніе, что самое слово островъ въ древнѣйшей формѣ вѣроятно было струвъ, подобно формамъ Вручій и Овручь. Г. Миллеръ голословно отвергаетъ это предположеніе. Оставляя за нимъ вѣроятность, не настаиваемъ на томъ, чтобы оно служило окончательнымъ объясненіемъ. Возможно и то, что Струвунъ, имѣя съ «островъ» общій корень стры (откуда и струя, и стремя) означалъ собственно стремнистый или стремительный, каковое названіе очень идетъ къ порогу.

Итакъ, новая попытка, съ помощью разныхъ вѣроятно и повидимому, толковать русскія названія изъ скандинавскаго языка, кажется, достаточно говоритъ въ пользу нашихъ выводовъ. Можно ли считать сколько нибудь удовлетворительными объясненія, по которымъ, при всѣхъ натяжкахъ, въ одномъ случаѣ получаемъ повелительное наклоненіе, въ другомъ сравнительную степень, въ третьемъ холм вмѣсто ул, въ четвертомъ гагу вмѣсто пеликана, въ пятомъ «смѣющійся» вмѣсто «кипящій», въ шестомъ знакъ вопроса? И на сколько всѣ подобныя толкованія правдоподобнѣе или научнѣе тѣхъ толкованій, которыя предлагаетъ г. Юргевичъ, объясняющій русскія названія пороговъ венгерскимъ языкомъ? (Зап. Од. Об. И. и Д. т. VI).

Тѣмъ не менѣе авторъ заканчиваетъ свое разсужденіе слѣдующими словами:

«Разсматривая строго-филологически русскія названія пороговъ, мы нашли, что языкъ, который Константинъ Багрянородный называетъ русскимъ, не русскій, а древне-сѣверный (скандинавскій)».

Молодому и конечно еще неопытному изслѣдователю извинительна такая увѣренность въ своихъ строго-филологическихъ пріемахъ. Впослѣдствіи болѣе разностороннее обсужденіе предмета и большее углубленіе въ историко-этнографическіе вопросы могутъ поколебать эту увѣренность.

Д. Иловайскій.

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—1807) А. Г. Брикнера. Москва. 1874 г.

Книга г. Брикнера относится къ одному изъ самыхъ любопытныхъ и романическихъ эпизодовъ русской исторіи второй четверти XVIII вѣка, ознаменованной придворной борьбой партій, заговорами, интригами, внезапнымъ возвышеніемъ и еще болѣе внезапнымъ паденіемъ разныхъ придворныхъ лицъ, временно захватывавшихъ власть, не знавшихъ предѣловъ своему честолюбію и одинаково чуждыхъ народу, который не принималъ никакого участія въ этихъ дворцовыхъ переворотахъ. Прошла пора степеннаго порядка престолонаслѣдія московскихъ царей отъ отца къ сыну; русскій престолъ переходитъ изъ рукъ въ руки, не всегда по праву, иногда путемъ насилія, подвергается всякимъ случайностямъ. Такъ, вслѣдъ за Анной Іоанновной, возведенной на престолъ придворной партіей, случайно появляется и также случайно сходитъ со сцены Брауншвейгская фамилія, заплатившая цѣною всей жизни за свое кратковременное царствованіе. Печальная судьба этого семейства уже не разъ обращала на себя вниманіе исторической литературы, но все изданное по этой части имѣло слишкомъ отрывочный характеръ,—и г. Брикнеру принадлежитъ честь первой попытки связать воедино всѣ матеріалы, относящіеся къ ссылкѣ Брауншвейгской фамиліи и дѣлу Мировича. Самъ авторъ въ предисловіи называетъ свой трудъ «сводомъ всѣхъ вообще изданныхъ, а въ особенности въ послѣднее время публикованныхъ данныхъ по этому вопросу». Книга г. Брикнера дѣлится на двѣ части: 1) Брауншвейгская фамилія въ Ригѣ Дюнамюндѣ, Раненбургѣ, Холмогорахъ и Горзенсѣ. 2) Шлюссельбургская катастрофа въ 1764 году. Такимъ образомъ, авторъ приступаетъ къ несчастію, постигшему брауншвейгцевъ и къ изложенію ихъ дальнѣйшей судьбы, оставляя въ сторонѣ ихъ предыдущую жизнь и дѣятельность, весьма любопытную во многихъ отношеніяхъ. Умалчивая совершенно о событіяхъ предшествовавшихъ ссылкѣ брауншвейгцевъ и имѣющихъ съ нею непосредственную связь, авторъ видимо спѣшитъ перейти скорѣе къ задачѣ задуманнаго труда, т. е. къ несчастью, постигшему семью Іоанна Антоновича. Объ Аннѣ

Леопольдовнѣ и ея супругѣ до самой ссылки ихъ, онъ говоритъ мимоходомъ, упоминаетъ вскользь о недальновидности Анны Леопольдовны, почему-то ожидавшей опасности не со стороны Елизаветы, а со стороны внука Петра Великаго, находившагося въ Голштиніи, и дальновидности современниковъ, будто-бы провидѣвшихъ вступленіе на престолъ Елизаветы. Вѣроятно, вслѣдствіе такой поспѣшности многое остается невыясненнымъ въ отношеніяхъ Елизаветы къ Брауншвейгской семьѣ и даже въ подробностяхъ самой ссылки. Такъ напр. на стр. 11 своей книги авторъ высказываетъ такое положеніе: «Далеко не всѣ въ Россіи одобряли перемѣну, состоявшуюся 25 ноября 1741 года. Здѣсь и тамъ обнаруживались явные признаки неудовольствія новою императрицею и желанія возвратить престолъ Іоанну»... Намъ кажется вполнѣ естественнымъ, почему нѣмцы могли быть недовольны вступленіемъ Елизаветы на престолъ, такъ какъ съ этимъ кончалось ихъ царство въ Россіи; но что побуждало русскихъ жалѣть о брауншвейгцахъ, намъ остается непонятнымъ, потому что авторъ съ своей стороны не даетъ никакихъ объясненій. Между тѣмъ само положеніе врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, судя по дѣлу Турчанинова, Лопухиныхъ и пр., и намъ приходится лишь пожалѣть, что самъ авторъ такъ мало обратилъ на него вниманія. Только нѣкоторою шаткостью престола Елизаветы и можно объяснить тѣ строгія мѣры, какія она принимала, чтобъ уничтожить всякіе слѣды правленія Іоанна, ту нерѣшительность, какую она выказывала сначала въ отношеніи несчастной семьи, наконецъ тѣ упорныя гоненія, которымъ подвергались брауншвейгцы во все ея царствованіе.

Перейдемъ теперь къ положительной или скорѣе фактической сторонѣ труда г. Брикнера, занимающаго не послѣднее мѣсто въ ряду изысканій, относящихся къ судьбѣ Брауншвейгской фамиліи въ Россіи со времени ихъ ссылки. Трудъ г. Брикнера, кромѣ того, имѣетъ самостоятельное значеніе по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаетъ авторъ о пребываніи Іоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ и дѣлѣ Мировича.

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ старанія окружить непроницаемой государственной тайной «извѣстныхъ персонъ» или «коммисію», какъ называлась въ оффиціальныхъ бумагахъ несчастная Брауншвейгская семья, тайна эта разоблачена передъ судомъ потомства, для котораго уже не существуетъ «государственныхъ резоновъ», болѣе или менѣе оправдывающихъ въ свое время многолѣтнее безпощадное гоненіе ни въ чемъ неповинной семьи.

Первая часть книги г. Брикнера, какъ показываетъ заглавіе, относится къ пребыванію Брауншвейгской семьи въ Ригѣ, Дюнамюнде, Раненбургѣ, Холмогорахъ и Горзенсѣ. У Елизаветы, повидимому, ни прежде, ни послѣ, не было относительно брауншвейгцевъ накакого заранѣе обдуманнаго плана. Она поступала съ ними смотря по обстоятельствамъ: чѣмъ они казались ей опаснѣе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, тѣмъ она сильнѣе озлоблялась противъ нихъ, тѣмъ безпощаднѣе преслѣдовала. Сначала Елизавета предполагала безпрепятственно отпустить Антона Ульриха съ женою и дѣтьми за границу, какъ видно изъ манифеста 28 ноября 1741 года. Сверхъ того, имъ назначалась за границею ежегодная пенсія въ 130,000 рублей, да на дорогу выдано 20,000 рублей. Отправка и сопровожденіе Брауншвейгской фамиліи были поручены Василію Оедоровичу Салтыкову. По словамъ г. Брикнера, брауншвейгцы были отправлены изъ Петербурга «12 декабря 1741 года», между тѣмъ мы читаемъ у Поваляева *), что они выѣхали «30 ноября»; и послѣднее намъ кажется справедливѣе. Помимо несообразности двухнедѣльнаго пребыванія опасной для правительства семьи въ Петербургѣ, мы можемъ указать на рапортъ Салтыкова отъ 4 декабря, извѣщающій о прибытіи семьи того же числа въ городъ Нарву **). Насколько несчастная семья казалась опасною Елизаветѣ, видно уже изъ того, что вслѣдъ за первой инструкціей Салтыкову дана новая 29 ноября «о продолженіи пути тише» и «о неотъѣздѣ безъ указу изъ Риги». Тутъ является вопросъ: что могло побудить Елизавету къ такой внезапной перемѣнѣ рѣшенія? Г. Брикнеръ объясняетъ ее, со словъ де-ла-Шетарди, тѣмъ, что Елизавета была вынуждена такъ поступить, въ виду безопаснаго проѣзда молодаго герцога голштинскаго въ Россію; затѣмъ авторъ замѣчаетъ, что «кромѣ упомянутаго повода и другія причины заставляли императрицу измѣнить свой образъ дѣйствій» и указываетъ между прочимъ на заговоръ Турчанинова. Но вѣдь этотъ заговоръ,—какъ пишетъ самъ г. Брикнеръ (стр. 11)—случился въ 1742, а инструкція Салтыкову, о которой идетъ рѣчь, была дана 29 ноября, 1741 года; слѣдовательно, если этотъ заговоръ и повліялъ на судьбу Брауншвейгской семьи, то во всякомъ случаѣ не въ данную минуту. Гораздо вѣроятнѣе слѣдующая причина, приведенная г. Брикнеромъ, а именно: наговоры разныхъ лицъ, которыя, желая выказать заботливость о благополучіи царствованія Елизаветы, пугали ее брауншвейгцами и давали относительно ихъ разные совѣты. Такимъ образомъ, вслѣдъ за инструкціей о задержаніи Антона Ульриха и его семьи на дорогѣ и въ Ригѣ, посланъ былъ приказъ не допускать во время путешествія «кого либо изъ встрѣчающихся къ бесѣдамъ съ принцемъ и принцессой». Салтыковъ долженъ былъ примѣчать: не будетъ ли изъ Петербурга какихъ либо подсылокъ и писемъ, «а подозрительныхъ поймавъ, отправлять въ Санктпетербургъ въ кабинетъ секретно, и не останавливаться въ городахъ». Изъ этого мы видимъ, что съ брауншвейгцами начинаютъ мало по малу обращаться какъ съ государственными преступниками. Но этимъ дѣло не ограничивается. Анна Леопольдовна «по секретнѣйшему указу должна была подписать за себя, сына и дочь, экземпляръ присяги императрицѣ Елизаветѣ». Затѣмъ Елизавета взводитъ на несчастную семью обвиненіе въ укрывательствѣ нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ вещей, недостающихъ во дворцѣ. Допросы начались на дорогѣ, повторялись нѣсколько разъ въ Ригѣ; допрашивали и принца и принцессу и въ особенности находившуюся при нихъ фрей-

*) Судьба Брауншв. Фамиліи въ Россіи. Рус. Вѣст. 1866. 7.

**) См. «Описи дѣламъ по секретной коллегіи, бывшимъ въ производженіи и нынѣ хранящимся у Д. С. С. Морсочникова за его печатью, относительно принца и принцессы Брауншвейгъ-Люнебургскихъ и ихъ семейства». (Чт. въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древ. 1861 г, Кн. 2). Быть можетъ также разница въ числахъ произошла оттого, что г. Брикнеръ, руководствуясь иностран. источниками, принималъ числа по новому стилю.

лину Юлію Менгденъ. Никакія увѣренія не помогали. Еще въ 1745 году шла объ этомъ переписка *).

«Извѣстныя персоны» прибыли въ Ригу 9 января 1742 года и были помѣщены на томъ дворѣ, гдѣ прежде живалъ Карлъ Бирономъ. Здѣсь они вѣроятно пользовались нѣкоторыми льготами, судя потому, что лѣтомъ того же года состоялся приказъ «о не допущеніи впредь никого къ принцу и принцессѣ, кромѣ Салтыкова и опредѣленныхъ при немъ **). Но въ Ригѣ за самимъ Салтыковымъ былъ строгій надзоръ, какъ видно изъ слѣдующей переписки: 11-го октября, 1742 года Елизавета писала къ Салтыкову: «Господинъ генералъ! Увѣдомились мы, что принцесса Анна васъ бранитъ, такожъ что принцъ Іоаннъ, играючи съ собачкой, бьетъ ее по лбу, а какъ его спросятъ: кому де батюшка голову отсѣкаешь? то онъ отвѣтствуетъ, что Василію Федоровичу (Салтыкову)! И буде то правда, то намъ удивительно, что вы о томъ намъ не доносите»... Салтыковъ, стараясь успокоить императрицу, писалъ ей въ отвѣтъ: «У принцессы каждый день по утру бываю, токмо кромѣ одного ея учтивства ничего не слыхалъ, а когда ей что потребно, о томъ съ почтеніемъ меня проситъ, а принцъ Іоаннъ почти ничего не говоритъ».

Не прошелъ годъ, какъ Брауншвейгскую фамилію постигла новая ссылка. 13-го декабря 1742 года, ихъ перевезли въ Дюнамюнде, гдѣ приказано было запереть морскія ворота, а для выхода и входа оставить открытыми одни рижскія. Здѣсь они прожили весь 1743 годъ и у Анны Леопольдовны родилась дочь Елизавета.

Въ то время на бѣду несчастныхъ брауншвейгцевъ составился въ ихъ пользу новый заговоръ австрійскаго посланника Ботта, въ которомъ были замѣшаны и русскіе: Лопухины, Анна Бестужева и др. Всѣ вины подсудимыхъ—какъ пишетъ г. Брикнеръ—«ограничивались рѣчами, неосторожными тайными бесѣдами. Хуже всего было то обстоятельство, что маркизъ Ботта хвалилъ прежнее царствованіе и, порицая образъ дѣйствія Елизаветы, намѣревался дѣйствовать въ пользу Брауншвейгской фамиліи».

Здѣсь мы встрѣчаемъ въ словахъ г. Брикнера нѣкоторое противорѣчіе: «Это дѣло (т. е. заговоръ Ботта)—продолжаетъ авторъ — не могло не содѣйствовать усиленію опасеній императрицы на счетъ претендентовъ находящихся въ Ригѣ», а черезъ двѣ строки онъ пишетъ, что заговоръ Ботта относится къ 1743 году, (стр. 13—14), между тѣмъ какъ тремя страницами дальше, мы узнаемъ изъ словъ самого г. Брикнера (стр. 17), «что брауншвейгская фамилія была привезена въ Дюнамюнде 13 декабря 1742 года». Не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что заговоръ этотъ способствовалъ ссылкѣ семьи въ Раненбургъ? По крайней мѣрѣ по времени это будетъ нѣсколько правдоподобнѣе.

Указъ о перевезеніи брауншвейгцевъ въ Раненбургъ состоялся въ январѣ 1744 года «причемъ ихъ едва не завезли въ Оренбургъ, потому что сопровождавшій ихъ капитанъ-поручикъ Вындомскій принялъ Раненбургъ за Оренбургъ». Въ Раненбургѣ *) семейство Антона Ульриха прожило всего нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя Елизавета требовала отъ генерала Салтыкова увѣдомленія «въ сердитомъ или въ довольномъ видѣ принцесса и мужъ ея являлись при отправленіи изъ Дюнамюнде въ Раненбургъ», но и эта ссылка врядъ ли могла доставить особенное удовольствіе заключеннымъ: здѣсь ихъ даже плохо кормили, какъ видно изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, какія имѣются объ ихъ пребываніи въ этомъ мѣстѣ. Въ іюнѣ того же 1744 года, баронъ Корфъ получилъ указъ немедленно ѣхать съ капитаномъ Пензенскаго полка Миллеромъ въ Раненбургъ, взять ночью принца Іоанна и сдавъ его съ рукъ на руки Миллеру, немедленно отправить въ мѣсто новой ссылки. На другой же день, также ночью, Корфъ долженъ былъ взять Анну Леопольдовну съ мужемъ и дѣтьми и отправить въ Соловецкъ подъ прикрытіемъ надежнѣйшихъ солдатъ. Кормить велѣно было безъ малѣйшей прихоти и роскоши столько, чтобы только «сыту быть».

Неизвѣстно, что было поводомъ этой новой не милости, но во всякомъ случаѣ она была неожиданностью для несчастной семьи, которая сильно встревожилась, увидя Корфа. Послѣднему видимо стало жаль больной беременной Анны Леопольдовны и онъ въ своемъ донесеніи ко двору спрашивалъ: «должно ли пускаться въ дорогу при нынѣшней болѣзни Анны и ея сына»? И нельзя ли взять съ собою Юлію Менгденъ. «Если разлучить принцессу съ ея фрейлиною—доносилъ Корфъ—то она впадетъ въ совершенное отчаяніе»... Но императрица была неумолима. Анну Леопольдовну разлучили съ сыномъ, съ любимою подругою и больную съ больными дѣтьми потащили осенью на дальній сѣверъ. Въ Соловецкѣ уже сдѣланы были разныя распоряженія для водворенія тамъ Брауншвейгской фамиліи; но доѣхать туда уже не было ни какой возможности въ такую позднюю пору года. Получивъ, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ донесеній, разрѣшеніе остановиться на зимовку, Корфъ привезъ арестантовъ въ Холмогоры и помѣстилъ ихъ въ архіерейскомъ домѣ, а самъ вернулся въ Петербургъ. Мѣсто его занялъ маіоръ Гурьевъ. Старшая принцесса Екатерина сдѣлала рисунокъ Холмогорскаго острога. На рисункѣ изображено квадратное пространство, обнесенное высокой деревянной оградой, въ которой находятся три дома, церковь съ башнею, садъ съ березами, крапивой и папоротниками, прудъ и ворота запертыя тяжелыми желѣзами. Эта печальная, однообразная картина, да видъ изъ оконъ на Двину и пустынную до-

*) Елизавета писала къ Корфу въ Холмогоры, въ мартѣ 1745 года: «Спроси Анну кому розданы алмазныя вещи ея, изъ которыхъ многія не оказываются. А ежели она, Анна, запираться станетъ, что не отдавала никому никакихъ алмазовъ, то скажи, что я принуждена буду Жульку (Менгденъ) розыскивать, то ежели «ея жаль, то она ея до того мученія не допуститъ».

**) Запрещеніе видѣться съ посторонними лицами, по словамъ Поваляева, было послано въ отвѣтъ на донесеніе Салтыкова, что одинъ изъ посѣтителей, кригсъ-коммиссаръ Апушкинъ, въ пьяномъ видѣ произнесъ нѣсколько неблагопристойныхъ словъ (вѣроятно объ императрицѣ) и просилъ Анну Леопольдовну показать ему маленькаго принца.

*) Нынѣшній городъ Оранienбургъ (Рязанской губ.) до начала XVIII вѣка былъ селомъ однодворческимъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Слободскаго, а въ 1702 году подаренъ Петромъ I Меншикову, который построилъ въ этомъ селѣ крѣпость и переименовалъ село въ Оранienбургъ.

рогу—вотъ что постоянно представлялось глазамъ несчастныхъ узниковъ въ теченіи многихъ лѣтъ, вѣроятно казавшихся имъ безконечными. Главными развлеченіями ихъ были карты, чтеніе церковныхъ книгъ и по временамъ катаніе шестернею въ старинной каретѣ по аллеѣ, окружавшей прудъ, «причемъ солдаты исправляли должность кучеровъ, форейторовъ и лакеевъ».

Здѣсь Анна Леопольдовна нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда родила, 19 марта, сына Петра, а въ слѣдующемъ 1746 году, 27 февраля сына, Алексѣя; затѣмъ занемогла «великою горячкою» и скончалась, имѣя всего 28 лѣтъ отъ роду.

Появленіе на свѣтъ двухъ принцевъ брауншвейгской фамиліи было крайне непріятно Елизаветѣ, и она употребляла всѣ мѣры, чтобы скрыть это событіе отъ своихъ подданныхъ. Хотя принцесса скончалась отъ родильной горячки, но велѣно было. «написать въ объявленіяхъ, что она скончалась огневицею». Сверхъ того, Елизавета, требуя отъ Антона Ульриха «обстоятельнаго о томъ извѣстія. какою болѣзнью скончалась принцесса», приказывала сказать ему, «чтобъ онъ только писалъ какою болѣзнью умерла и не упоминалъ о рожденіи принца». Но съ другой стороны императрица видимо желала довести до общаго свѣдѣнія смерть Анны Леопольдовны. Тѣло ея было привезено маіоромъ Гурьевымъ въ Петербургъ; всякому позволено было приходить для прощанія съ усопшей принцессой. Императрица сама распоряжалась похоронами, и, какъ говорятъ, проливала слезы. Погребеніе происходило въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ поклонилась мать Анны Леопольдовны, царевна Екатерина Іоанновна.

Антонъ Ульрихъ еще цѣлые тридцать лѣтъ прожилъ въ Холмогорахъ послѣ смерти Анны Леопольдовны. Будучи «сложенія толстаго и многокровнаго», отяжелѣвъ отъ бездѣйствія и долгаго заключенія, онъ отличался «тихимъ нравомъ и велъ себя смирно», услаждая свою жизнь кофеемъ и пивомъ. Вындомскій говаривалъ, что «принцъ Антонъ безъ кофе, какъ ребенокъ безъ молока жить не можетъ». Въ пивѣ также не было ему недостатка, такъ какъ для «извѣстныхъ особъ» назначалось ежедневно по 40 бутылокъ полпива. По временамъ императрица утѣшала заключеннаго присылками гданской водки и венгерскаго вина, за которыя Антонъ Ульрихъ писалъ «благодарительныя» письма ея величеству. Содержаніе арестантовъ относительно пищи было также порядочное, хотя деньги высылались неакуратно.

Всего тяжелѣе вѣроятно приходилось заключеннымъ отъ окружающей ихъ обстановки. Врань, руготня, драки пьяныхъ солдатъ и прислуги, ссоры офицеровъ между собою были обычнымъ, чуть ли не ежедневнымъ явленіемъ и арестанты волей-неволей являлись иногда участниками подобныхъ сценъ. Такъ осенью 1750 года Вындомскій доносилъ «объ учинившейся у принца Антона съ фрейлиною (Биною) Менгденовою ссорѣ», а не многимъ позже «о продерзостяхъ, учиненныхъ отъ фрейлины Менгденъ принцу Антону Ульриху». Императрица взяла сторону Антона Ульриха и приказала «оную фрейлину, ежели она отъ такихъ продерзостей не уймется, держать въ той палатѣ, въ которой принцъ живетъ безъисходно и къ ней въ палату никого не пускать, а ежели иногда для какой болѣзни потребуетъ лѣкаря, то онаго пускать при прапорщикѣ Зыбинѣ, а одного отнюдь не пускать»... Безъисходное заключеніе еще болѣе раздражило задорную фрейлину. Она выбила стекло и выбросила на улицу «серебро»; а когда пришли вставлять стекло, она съ бранью набросилась на Зыбина, ударила по уху и схватила за волосы, такъ что едва могли отнять. Однако буйный нравъ не помѣшалъ фрейлинѣ вступить въ нѣжныя отношенія съ лѣкаремъ Кожевниковымъ (у г. Соловьева онъ названъ Ножевниковымъ. XXII, стр. 98) отношенія, которыя при отсутствіи всякихъ умственныхъ интересовъ не мало занимали обитателей Холмогорскаго острога, судя потому, что самъ Антонъ Ульрихъ считалъ нужнымъ сообщать Вындомскому и Зыбину такого рода новости: «Когда я бываю въ саду, то мнѣ можно узнать ѣдетъ или идетъ мимо архіерейскаго двора лѣкарь Кожевниковъ, потому что тогда Бина надѣнетъ на себя красное, или на рукахъ держитъ, стоя у окна, чтобъ онъ ее видѣлъ и когда возвращусь въ покои и спрошу у слугъ, то непремѣнно скажутъ, что лѣкарь ѣхалъ или шелъ».

Такова была обстановка, среди которой выросли и жили несчастныя дѣти Антона Ульриха. Все ихъ воспитаніе заключалось въ умѣніи кое-какъ читать и писать; да и этому выучились они вѣроятно довольно поздно, судя потому, что еще въ 1750 году было дано предписаніе «о необученіи дѣтей извѣстной персоны грамотѣ до указу». Въ физическомъ отношеніи они также являются болѣзненными, чуть ли не калѣками. Г. Брикнеръ приводитъ любопытную характеристику дѣтей Антона Ульриха, сдѣланную Мельгуновымъ въ 1780 году, слѣдовательно передъ самымъ отъѣздомъ ихъ въ Данію: «Старшая принцесса Екатерина сухощава, и небольшаго росту, бѣлокура и похожа на отца. Въ молодыхъ лѣтахъ потеряла слухъ и такъ косноязычна, что словъ ея почти нельзя разумѣть... Изъ обхожденія ея видно, что она робка, уклонна, вѣжлива и стыдлива; нрава тихаго и веселаго; увидя, что другіе въ разговорахъ смѣются, хотя и не знаетъ тому причины, смѣется вмѣстѣ съ ними»...

«Меньшая сестра Елизавета двумя годами моложе. Отъ паденья съ каменной лѣстницы на 10-мъ году возраста, она расшибла голову, отъ чего часто подвержена головной боли. Ростомъ и лицемъ похожа на мать. Словоохотливостью, обхожденіемъ и разумомъ Елизавета далеко превосходитъ братьевъ своихъ и сестру. Всѣ они ей повинуются... она большею частью за всѣхъ ихъ говоритъ, за всѣхъ отвѣчаетъ и поправляетъ иногда ошибки въ ихъ словахъ»...

«Старшій братъ Петръ, поврежденный въ дѣтствѣ, имѣетъ спереди и сзади небольшіе и съ перваго взгляда непримѣтные горбы. Правый бокъ у него нѣсколько кривъ. Онъ очень простъ, робокъ, застѣнчивъ, молчаливъ. Всѣ пріемы его, такъ какъ и меньшаго брата, приличны только малымъ дѣтямъ. Нрава онъ слишкомъ веселаго; смѣется и хохочетъ когда совсѣмъ нѣтъ ничего смѣшнаго»...

«Меньшой братъ Алексѣй съ такою же простотою, какъ и старшій его братъ; онъ кажется однакоже нѣсколько связнѣе, смѣлѣе и осторожнѣе его. Сложеніе имѣетъ здоровое и нравъ довольно веселый. Оба брата росту небольшаго, бѣлокуры и лицомъ похожи на отца».

«Какъ братья, такъ и сестры — добавляетъ къ этому Мельгуновъ—живутъ между собою дружелюбно и притомъ

незлобливы и человѣколюбивы. Лѣтомъ работаютъ въ саду, ходятъ за курами и утками и кормятъ ихъ, а зимою бѣгаются въ запуски на лошадяхъ по пруду, находящемуся въ саду ихъ, читаютъ церковныя книги и играютъ въ карты и шашки. Дѣвицы сверхъ того занимаются иногда шитьемъ бѣлья. Въ томъ состоятъ всѣ ихъ упражненія».

Смерть Елизаветы и вступленіе на престолъ Петра III не принесли никакой перемѣны въ судьбѣ Брауншвейгской семьи. Вступила на престолъ Екатерина: Она вспомнила о несчастныхъ заключенныхъ и послала въ Холмогоры А. И. Бибикова съ предложеніемъ Антону Ульриху отправиться заграницу, но безъ дѣтей, «а дѣтей его—писала Екатерина въ своей инструкціи *)—для тѣхъ же государственныхъ резоновъ, которые онъ, по благоразумію своему, понимать самъ можетъ, до тѣхъ поръ освободить не можемъ, пока дѣла наши государственныя не укрѣпятся»... Принцъ не принялъ этого предложенія и объявилъ, что онъ не желаетъ свободы, если дѣти его останутся въ острогѣ. Ему пришлось доказать на дѣлѣ искренность своихъ словъ: слишкомъ десять лѣтъ оставался онъ послѣ того въ заключеніи; наконецъ ослѣпъ и умеръ 4 мая 1774 года.

Жизнь дѣтей Антона Ульриха послѣ его смерти шла также однообразно, какъ и при немъ. Все неизмѣнно оставалась при заключенныхъ одна и таже команда солдатъ подъ начальствомъ Карякина; архангельскій губернаторъ Головцынъ, имѣвшій надзоръ за брауншвейгцами, все также произвольно распоряжался посылаемыми имъ суммами и подвергалъ ихъ разнымъ лишеніямъ. Домъ, въ которомъ они жили, садъ—все было запущено, все портилось... Положеніе арестантовъ улучшилось только тогда, когда на смѣну Головцыну архангельскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Мельгуновъ, въ 1780 г. Вмѣстѣ съ этимъ совпало и рѣшеніе Екатерины освободить ихъ изъ заключенія и отпустить за границу. Но свобода пришла слишкомъ поздно; несчастные узники перестали желать ее, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Елизаветы, сказанныхъ ею въ бесѣдѣ съ Мельгуновымъ: «Когда отецъ нашъ намѣренъ былъ ѣхать въ свою землю, тогда для насъ было очень желательно жить въ большомъ свѣтѣ. По молодости своей мы надѣялись еще научиться свѣтскому обращенію. Но въ теперешнемъ положеніи не остается намъ ничего больше желать какъ только того, чтобы жить здѣсь въ уединеніи... Мы здѣсь родились, привыкли къ здѣшнему мѣсту и застарѣли. Теперь большой свѣтъ не только для насъ не нуженъ, но и будетъ тягостенъ, мы даже не знаемъ какъ обходиться съ людьми, а научиться тому уже поздно»...

Неизвѣстно, что побудило Екатерину отпустить Брауншвейгскую семью за границу. Вѣроятнѣе всего то—какъ предполагаетъ г. Брикнеръ—что Екатерина наконецъ убѣдилась, что освобожденіе дѣтей Антона Ульриха уже не представляло никакой опасности. Сохранилась переписка Екатерины по этому поводу съ Юліаніей-Маріей, сестрой Антона Ульриха, въ 1780 году. Послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ рѣшено было «перевезти Брауншвейгскую фамилію въ Ютландію, въ мѣсто нѣсколько отдаленное и отъ моря и отъ большихъ дорогъ, а именно въ городъ Горзенсъ, гдѣ король для Брауншвейгской фамиліи купилъ два дома».

«Изъ этого видно—говоритъ г. Брикнеръ,—что Екатерина изъявила желаніе, чтобъ и заграницею былъ нѣкоторый надзоръ надъ родственниками бывшаго императора Іоанна Антоновича». Въ Россіи отправка ихъ должна была оставаться тайной. Мельгунову приказано было заготовлять лодки и дѣлать другія приготовленія къ отъѣзду со всевозможными предосторожностями. На содержаніе принцевъ и принцессъ назначалась ежегодная пенсія въ 32000 рублей. При отправкѣ, Екатерина надѣлила ихъ щедрою рукою. Около 200,000 р. было употреблено для снабженія ихъ разными предметами: тутъ были и столовые и чайные сервизы и бѣлье и кухонная посуда, чай, водка, вино, богатые наряды для принцевъ и принцессъ; сверхъ того принцессы получили 2,000 зол. червонцевъ на ихъ карманные расходы. Въ Даніи удивлялись великодушію императрицы.

27 іюня 1780 года, рано утромъ, брауншвейгцы навсегда разстались съ Холмогорами и послѣ долгаго утомительнаго плаванія, сопровождаемаго бурями и непогодами, были наконецъ высажены въ Гальборгѣ, а оттуда отправились уже сухимъ путемъ въ Горзенсъ, куда пріѣхали 13 октября.

На обзаведеніе Брауншвейгской семьи въ Горзенсѣ, покупку домовъ и пр. было отпущено Екатериной 60,000 р. Съ ними же была отправлена походная церковь со всею необходимою утварью и при ней священникъ и два церковныхъ служителя. Нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ житьѣ-бытьѣ въ Горзенсѣ получаемъ мы изъ датскихъ источниковъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» (апрѣль, 1875 г.) которыми г. Брикнеръ не могъ пользоваться: «Въ началѣ принцы и принцессы находились подъ довольно строгимъ надзоромъ, и постороннимъ лицамъ запрещено было видѣться съ ними; уже по смерти Елизаветы и Алексѣя (въ 1782 и 1788 гг.) оставшимся въ живыхъ брату и сестрѣ ихъ позволено было свободнѣе сообщаться съ жителями города и окрестностей. Суммы, ассигнованныя русскимъ правительствомъ, отпускались не прямо въ ихъ руки, а черезъ посредство датскаго правительства... за содержаніемъ ихъ двора наблюдала сама королева Юліана-Марія: когда же она умерла, эта обязанность перешла на сына ея, наслѣднаго принца Фридриха, ближайшаго родственника изгнанныхъ»... Вслѣдъ за братомъ и сестрой умеръ принцъ Петръ, 30 января 1798 года; старшая принцесса Екатерина пережила всѣхъ. Изъ показаній современниковъ Екатерины, знавшихъ ее въ Горзенсѣ (Р. С. апр. стр. 765) видно, что «принцесса, несмотря на совершенную свою глухоту и на печальный жребій свой, сохраняла веселый нравъ»... любила общество, «сама давала обѣды и вечера, а лѣтомъ нерѣдко отправлялась въ гости на сосѣднія дачи, гдѣ ее всегда принимали съ особеннымъ радушіемъ»... Нѣсколько иную картину рисуетъ намъ письмо Екатерины къ императору Александру I отъ 16 (28) августа 1803 года, которое цѣликомъ приведено у г. Брикнера (стр. 56—58) и котораго подлинникъ хранится въ государственномъ архивѣ. Въ этомъ письмѣ старая принцесса горько плачется на свою судьбу, одиночество, жалуется на разныя притѣсне-

*) См. приложеніе къ запискамъ о жизни А. И. Бибикова. Инструкція эта не приведена у г. Брикнера, хотя она любопытна во многихъ отношеніяхъ.

нія, претерпѣваемыя ею со стороны датскихъ придворныхъ и т. п.

Принцесса Екатерина скончалась 9-го апрѣля 1807 года и погребена въ лютеранской церкви въ Горзенсѣ вмѣстѣ съ братьями и сестрою. Надъ гробницами надпись: «Hoc Mausoleum sacrum est duobus Principibus Sororibusque totidem Domus serenissimae Brunsvico-Luneburgensis. Bonitate Catharinae II et cura Christiani VII et Iulianae Mariae vitam traduxerunt in hac urbe quietam».

Вторая часть книги г. Брикнера «Шлюссельбургская катастрофа въ 1764 году» обработана несравненно лучше первой. Помимо того, что предметъ менѣе извѣстенъ и потому богатъ любопытными данными, авторъ видимо приложилъ къ ней больше старанія и шагъ за шагомъ подвергаетъ критикѣ приводимые имъ матеріалы. Намъ остается только возстановить по тѣмъ даннымъ, которыя авторъ признаетъ достовѣрными, исторію пребыванія Іоанна въ Шлюссельбургѣ и его печальный конецъ. Начнемъ словами г. Брикнера: «Роскошь и воликолѣніе окружали колыбель Іоанна Антоновича. Двухмѣсячный младенецъ послѣ смерти Анны Іоанновны былъ превозглашенъ императоромъ... Императора въ окно показывали народу и войску и громкое ура привѣтствовало малютку. Дни его тезоименитства и рожденія ознаменовались торжественными праздниками, обѣдами, придворными балами, фейерверками, иллюминаціями, придворными одами... Годомъ позже, маленькій императоръ превратился въ арестанта и двадцатью четырьмя годами позже, этотъ арестантъ былъ убитъ въ Шлюссельбургѣ, потому что хотѣли освободить его изъ заключенія»...

Этими немногими строками г. Брикнеръ превосходно изобразилъ всю исторію несчастнаго Іоанна Антоновича. Горе застало его прежде чѣмъ у него явилось сознаніе, преслѣдовало во всю его недолгую жизнь, провожало до могилы. Слѣдуя за своими родителями изъ ссылки въ ссылку, онъ видѣлъ только слезы и печальныя лица, но скоро и этихъ печальныхъ, но дорогихъ для него лицъ, не стало. Въ 1744 году его разлучили съ родителями. Въ силу данной капитану Пензенскаго полка, Миллеру, инструкціи, онъ долженъ былъ ѣхать въ Раненбургъ, взять ночью четырехлѣтняго принца Іоанна «сѣсть съ нимъ въ коляску и въ сопровожденіи шести солдатъ безостановочно везти его въ Соловецкъ; на переправахъ, при перемѣнѣ лошадей и во всѣхъ другихъ случаяхъ, коляску имѣть закрытую; ребенка никому, даже извощикамъ не показывать, а служителю, находившемуся съ нимъ въ колякѣ, строжайше запретить говорить съ кѣмъ бы то ни было». Но маленькаго императора также не довезли до Соловецка, а оставили въ Холмогорахъ, гдѣ его держали не только отдѣльно отъ родителей, но вдали отъ всякаго сообщества, такъ что самъ Миллеръ долженъ былъ вести съ нимъ отшельническую жизнь. Жена Миллера была допущена къ нему подъ условіемъ, чтобъ «неисходна была» и не видала младенца. Только при кончинѣ жизни къ обрѣтающемуся при маіорѣ Миллерѣ младенцу дозволено было допустить «по закону христіанскому чернаго священника». Наконецъ, въ началѣ 1756 года принца Іоанна перевезли въ Шлюссельбургъ *). Сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ вывезъ его изъ Холмогоръ тайно, въ глухую ночь и съ такими предосторожностями, что почти никто въ Петербургѣ не зналъ о его мѣстопребываніи. Въ Шлюссельбургѣ надзоръ за нимъ былъ порученъ гвардіи капитану Шубину, который получилъ такую инструкцію: «Быть у онаго арестанта вамъ самому и Ингерманландскаго пѣхотнаго полка, прапорщику Власьеву; а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Лукѣ Чекину въ той казармѣ дозволяется, а кромѣ жъ васъ и прапорщика въ ту казарму, никому ни для чего не входить, чтобъ арестанта видѣть никто не могъ, такожъ арестанта изъ казармы не выпускать, когдажъ для убиранія въ казармѣ всякой нечистоты кто впущенъ будетъ, тогда арестанту быть за ширмами, чтобъ его видѣть не могли... Въ которомъ мѣстѣ арестантъ содержится, и далеколь отъ Петербурга или отъ Москвы, арестанту не сказывать, чтобъ онъ не зналъ»...

По этой же инструкціи арестанту опредѣлялась пища: «въ обѣдъ по пяти и въ ужинъ по пяти жъ блюдъ, въ каждый день вина по одной, полнива по шести бутылокъ, квасу потребное число»... Въ слѣдующемъ 1757 году, за болѣзнью Шубина, на его мѣсто былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ капитанъ Овцынъ. Донесенія Овцына и показанія Власьева и Чекина на слѣдствіи крайне любопытны, такъ какъ это единственныя подлинныя извѣстія о личности Іоанна. Изъ нихъ мы узнаемъ, что долговременное заключеніе и одиночество не прошли даромъ для несчастнаго узника. Уже въ 1759 году онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству: то представлялось ему «что его портятъ шептаньемъ, дутьемъ, пусканіемъ изо рта огня и дыма» и онъ выходилъ изъ себя при малѣйшемъ шумѣ, то воображалъ себя св. Григоріемъ, принявшимъ образъ и тѣло Іоанна, говорилъ «что часто бываетъ на небѣ», то озадачивалъ окружающихъ совершенно связною рѣчью. «Опасаюсь,—пишетъ Овцынъ—чтобы не согрѣшить, ежели не донести, что онъ въ умѣ не помѣшался, однакожъ весьма сомнѣваюсь, потому что о прочемъ обо всемъ говоритъ порядочно, доказываетъ Евангеліемъ, Апостоломъ, Минеею, Прологомъ, Маргаритою и прочими книгами, сказываетъ въ которомъ мѣстѣ и въ житіи котораго святаго пишется»... затѣмъ Овцынъ жалуется, что Іоаннъ «часто смѣется только весьма скрытно; нонѣшнее время передъ прежнимъ гораздо болѣе безпокойствуетъ... До безпокойства всегда доводятъ офицеры, всегда его дразнятъ»... и несчастный Іоаннъ «будучи горячаго сердитаго права» въ бѣшенствѣ бросался на нихъ, лѣзъ драться и Овцынъ «всякій часъ боялся, что кого нибудь убьетъ».

*) Г. Брикнеръ говоритъ по этому поводу: «Намъ неизвѣстно, что могло побудить императрицу Елизавету къ такому распоряженію». Г. Данилевскій въ замѣткѣ своей на сочиненіе г. Брикнера (Рус. Арх. 1874 г. кн. 11) объясняетъ это распоряженіе тѣмъ, что въ 1755 году былъ пойманъ шпіонъ прусскаго короля, тобольскій купецъ, раскольникъ, Иванъ Зубаревъ. На допросѣ въ тайной канцеляріи въ 1755 году и на духу, передъ смертью, 22 ноября 1757 г. Зубаревъ сдѣлалъ признаніе, что король прусскій Фридрихъ, которому онъ былъ представленъ Маштейномъ, произвелъ его въ свои полковники и далъ ему порученіе ѣхать въ Архангельскъ, и тамъ, приготовивъ все къ побѣгу принца Іоанна, тайно похитить его и перевезти съ семействомъ на корабль, который долженъ былъ явиться въ Бѣломъ морѣ. Вслѣдъ за первыми признаніями Зубарева посланъ былъ въ Холмогоры капитанъ гвардіи, Савинъ, съ приказомъ перевести Іоанна въ Шлюссельбургъ.

Несмотря на косноязычество, Іоаннъ безпрестанно говорилъ самъ съ собою, употребляя такія «коловратныя слова, что всякому человѣку вообразить трудно», то вдругъ начиналъ юродствовать: «за столомъ кривлялъ ротъ, головой и ложкой взмахивалъ и многія другія проказы дѣлалъ»... На Овцына онъ очевидно наводилъ по временамъ ужасъ, какъ можно заключить изъ слѣдующаго донесенія его графу Шувалову: «Ионѣ гораздо болѣе прежняго помѣшался; дня три какъ въ лицѣ, кажется, нѣсколько почернѣлъ, и чтобъ отъ его не робѣть, въ томъ, высокосіятельнѣйшій графъ, воздержаться не могу; одинъ остаться не могу; когда станетъ шалить и сдѣлаетъ страшную рожу, отъ чего я въ лицѣ измѣняюсь; онъ, то видя, болѣе шалитъ».

Сознаніе, что онъ императоръ, никогда не покидало его; никакія угрозы и запугиванія не могли заставить его отказаться отъ этой мысли. Кѣмъ была внушена ему эта мысль, не смотря ни на какія запрещенія? Кто научилъ его грамотѣ? Откуда взялась у него начитанность въ духовной литературѣ?—вѣроятно всегда останется неизвѣстнымъ.

Проходили года за годами, не принеся никакого улучшенія въ судьбѣ Іоанна. Свиданіе въ Петромъ III, посѣтившимъ его въ Шлюссельбургѣ, не принесло ему никакой пользы; не принесло ему пользы и свиданіе съ Екатериной II, которая также полюбопытствовала увидѣть эту жертву государственныхъ соображеній, но сочла неудобнымъ выпустить Іоанна изъ темницы, какъ она объясняла въ своемъ манифестѣ по случаю его кончины: «Но съ чувствительностью нашею увидѣли въ немъ кромѣ весьма тягостнаго и другимъ почти не вразумительнаго косноязычества, лишеніе разума и смысла человѣческаго. Всѣ бывшіе тогда съ нами видѣли сколько наше сердце сострадало жалостію человѣчеству. Всѣ напослѣдокъ и то увидѣли, что намъ не оставалось сему несчастно-рожденному, а несчастнѣйше еще взрощему, иной учинить помощи, какъ оставить его въ томъ же жилищѣ, въ которомъ мы его нашли затвореннаго»...

Этимъ и ограничились всѣ отношенія Екатерины къ несчастному Іоанну. Хотя нѣкоторые современники приписывали Екатеринѣ тайное участіе въ заговорѣ Мировича и смерти Іоанна, но это мнѣніе совершенно опровергается данными, которыя сообщаетъ г. Брикнеръ. Мировичъ дѣйствовалъ исключительно по своей иниціативѣ и вслѣдствіи личнаго неудовольствія противъ Екатерины; смерть Іоанна была непосредственнымъ слѣдствіемъ заговора Мировича.

Василій Яковлевъ Мировичъ происходилъ изъ довольно знатной малороссійской фамиліи. Его дѣдъ участвовалъ въ измѣнѣ Мазепы въ 1709 году, вслѣдствіе чего всѣ имѣнія Мировичей были конфискованы. Василій Мировичъ много разъ обращался къ правительству съ просьбами о возвращеніи ему конфискованнаго имущества, но тщетно,—Екатерина дважды приказала сенату отказать ему въ прошеніи. Денежныя дѣла Мировича были очень плохи: въ качествѣ поручика Семеновскаго полка, онъ получалъ скудное жалованье, но былъ расточителенъ, любилъ карточную игру и не выходилъ изъ долговъ, а сверхъ того имѣлъ троихъ неимущихъ сестеръ, «которыя—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ прошеній въ апрѣлѣ 1764 года—въ дѣвичествѣ въ Москвѣ странствуютъ и на себѣ всю бѣдность, какъ передъ симъ сносили, такъ и по понѣ сносятъ»... Въ маѣ Мировичъ уже былъ занятъ приготовленіями къ заговору. Къ денежной нуждѣ, въ которой онъ обвинялъ Екатерину, примѣшивалось и оскорбленное самолюбіе, — какъ видно изъ показаній его на слѣдствіи «что его не допускаютъ въ присутвіе государыни и что въ полкахъ не дѣлаютъ разницы между дворянами и разночинцами»...

Мировичъ впервые узналъ о пребываніи Іоанна въ Шлюссельбургской крѣпости въ 1763 году отъ одного отставнаго барабанщика Шлюссельбургскаго полка. Неизвѣстно: тогда-ли явилась у него мысль о заговорѣ или послѣ, вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ поводовъ. Одно несомнѣнно, что, не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія и чѣмъ отомстить Екатеринѣ, онъ составилъ планъ освободить Іоанна изъ крѣпости, посадить въ крѣпостную шлюпку и немедленно отправиться съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ, приставъ къ Выборгской сторонѣ, представить Іоанна Антоновича артиллерійскому лагерю, а если бы лагерь не былъ еще поставленъ, то артиллерійскому пикету, стоящему на Литейной, и съ помощію артиллеристовъ провозгласить Іоанна императоромъ; а императрицу и великаго князя Павла Петровича, Мировичъ предполагалъ заточить въ какое нибудь отдаленное мѣсто. Есть нѣкоторое основаніе думать, что онъ даже хотѣлъ убить Екатерину, судя по письму ея къ Панину отъ 16 іюля 1764 года. Изъ дѣла Мировича не видно, чтобы онъ сносился съ Екатерининскими вельможами; онъ бывалъ у одного Петра Панина, да и то по дѣлу о конфискаціи его имѣнія. Хотя Екатерина и заподозрила Дашкову въ сношеніяхъ съ Мировичемъ, но кажется несправедливо, такъ какъ, по словамъ Дашковой, «она никогда и не видѣла Мировича». Всѣ «единомышленные» Мировича, судившіеся вмѣстѣ съ нимъ, за исключеніемъ одного придворнаго лакея Касаткина, принадлежали къ военному сословію. Главнымъ сообщникомъ Мировича былъ поручикъ Великолуцкаго полка Аполлонъ Ушаковъ. Давнишняя дружба и сходство въ нравахъ побудили Мировича открыть Ушакову свое намѣреніе. Это случилось 8 или 9 мая. Онъ получилъ согласіе Ушакова помогать ему во всемъ, пошелъ съ нимъ 13 мая въ церковь Казанской Божіей Матери гдѣ, отслуживъ по себѣ акаѳистъ и панихиду, какъ бы надъ умершими, они условились никому другому о семъ не говорить и сообщниковъ болѣе не искать. Послѣ сего ѣздили осматривать Шлюссельбургскую крѣпость и мѣсто на Выборгской сторонѣ, гдѣ былъ артиллерійскій лагерь; тутъ дали обѣщаніе, въ случаѣ успѣшнаго исполненія ихъ предпріятія, построить церковь. Затѣмъ они составили ложный указъ, которымъ повелѣвалось взять подъ арестъ коменданта крѣпости и, сковавъ вмѣстѣ съ арестантомъ, везти въ сенатъ; письмо къ Іоанну (котораго содержаніе неизвѣстно); манифестъ отъ имени Іоанна, гдѣ Екатерина изображалась самыми черными красками, съ цѣлью сдѣлать ее ненавистною народу, и форму клятвеннаго обѣщанія. Но этимъ и ограничилось участіе Ушакова въ заговорѣ: 25 мая онъ былъ посланъ военною коллегіею изъ С.-Петербурга съ казною къ князю М. Н. Волконскому, и на дорогѣ утонулъ въ рѣкѣ. Лишившись товарища, Мировичъ рѣшилъ выполнить предпріятіе одинъ и ждалъ только отъѣзда императрицы въ Прибалтійскій край. Екатерина выѣхала 20 іюня; Мировичъ тотчасъ послѣ того отправился въ Шлюссельбургъ, и, прогуливаясь тамъ по крѣпостному валу, подробно ознакомился съ положеніемъ того помѣщенія, гдѣ содержался Іо-

анникъ. Мировичъ прожилъ въ Шлюссельбургѣ цѣлую недѣлю, почему-то не приступая къ исполненію задуманнаго плана; наконецъ, 3 іюня, выпросился не въ очередь на дежурство въ крѣпости у коменданта Бередникова и на слѣдующій день, 4 іюля, сталъ искать себѣ сообщниковъ въ самой крѣпости. Прохаживаясь съ упомянутымъ выше капитаномъ Власьевымъ по галлереѣ крѣпости, онъ вздумалъ открыться Власьеву въ своемъ предпріятіи и спросилъ его; «Не погубитъ ли онъ его прежде предпріятія?» Власьевъ, прервавъ Мировича, отвѣчалъ: «Когда предпріятіе такое, чтобы къ погибели Мировича слѣдовало, то онъ не токмо внимать, но даже и слышать не хочетъ». Мировичъ сообразилъ, что попалъ въ просакъ и замолчалъ. Послѣ того они еще прогуливались нѣкоторое время, но уже «не говоря болѣе о семъ предметѣ». Возвратившись въ офицерскую караульню, Мировичъ «открылъ свое намѣреніе своему вѣстовому и съ помощью его пригласилъ на свою сторону нѣсколькихъ солдатъ своей команды, которые однакожъ дали въ томъ слово одни изъ подчиненности, а другіе думая, что Мировичъ оставитъ сіе дѣло какъ невозможное». Самъ Мировичъ «сначала не предполагалъ приступить къ дѣлу въ ту же ночь, которая слѣдовала разговору съ Власьевымъ», потому что, исполнивъ свои обязанности по службѣ, раздѣлся и легъ спать въ обычное время.

Ночью во второмъ часу, отъ коменданта Бередникова присланъ былъ къ Мировичу унтеръ-офицеръ Лебедевъ, что бы въ крѣпость пропущены были гребцы; черезъ нѣсколько времени, а именно въ половинѣ втораго, Лебедевъ пришелъ опять съ объявленіемъ, что велѣно пропустить канцеляриста. Когда же Лебедевъ въ третій разъ пришелъ отъ коменданта съ приказаніемъ опять выпустить изъ крѣпости гребцовъ, Мировичъ сообразилъ, что дѣло неладно, что Власьевъ вѣрно послалъ на него доносъ въ Петербургъ и положилъ болѣе не терять ни минуты. «Схвативъ наскоро въ руки свой мундиръ, шляпу, шпагу, шарфъ и пр., сбѣжалъ внизъ въ солдатскую караульню и закричалъ «къ ружью».Ославъ въ разныя мѣста собирать всю команду, самъ одѣлся, вышелъ предъ фронтъ, велѣлъ зарядить ружья боевыми патронами и послалъ капрала и двухъ солдатъ къ воротамъ и калиткѣ съ приказаніемъ: «никого въ крѣпость не впускать и никого изъ нея не выпускать». Комендантъ, услышавъ шумъ на дворѣ, вышелъ на крыльцо и спросилъ Мировича; для чего онъ собираетъ команду? Но Мировичъ, вмѣсто отвѣта, бросился на него со словами: «ты здѣсь держишь невиннаго государя», ударилъ его ружейнымъ прикладомъ, такъ что разбилъ голову повредя и черепъ, потомъ схватилъ его за воротъ халата и отдалъ командѣ подъ караулъ. Никто изъ присутствующихъ не защищалъ коменданта. Затѣмъ Мировичъ, выстроивъ своихъ солдатъ въ три шеренги, пошелъ къ казармѣ, гдѣ жилъ Іоаннъ Антоновичъ. Бывшая въ этомъ мѣстѣ гарнизонная команда, не получивъ на окликъ отвѣта, кромѣ «идемъ васъ брать», а изъ устъ Мировича «иду къ государю», начали стрѣлять. Мировичъ съ своей стороны приказалъ выстрѣлить фронтомъ, а гарнизонная команда отвѣчала залпомъ. Солдаты Мировича отступили и, собравшись въ нѣкоторомъ разстояніи отъ казармы, потребовали отъ Мировича в и д а, почему онъ такъ поступаетъ. Мировичъ сбѣгалъ за своимъ ложнымъ манифестомъ и, прочитавъ солдатамъ, поздравилъ съ новымъ государемъ. Послѣ того Мировичъ, подойдя снова къ казармѣ, требовалъ, чтобы его пропустили къ Іоанну Антоновичу; потомъ нѣсколько разъ посылалъ къ гарнизонной командѣ своего сержанта съ тѣмъ же предложеніемъ. Убѣдившись, что ничто не дѣйствуетъ, Мировичъ взялъ изъ комендантскихъ покоевъ ключи и съ нѣсколькими солдатами и артиллерійскими служителями, пошелъ на бастіонъ за пушкою. Тогда Чекинъ видя, что «имъ невозможно противиться Мировичу и чтобы спасти команду отъ напрасной и безполезной смерти.... арестанта обще съ капитаномъ Власьевымъ умертвили». Между тѣмъ, Мировичъ, получивъ извѣстіе, что гарнизонная команда сдается, вбѣжалъ въ галлерею, схватилъ поручика Чекина за руку и тащилъ въ сѣни, спрашивая: гдѣ государь? Чекинъ отвѣчалъ: «У насъ государыня, а не государь». Мировичъ толкнулъ его въ затылокъ и кричалъ: «Поди, укажи государя и отпирай двери». Чекинъ отперъ ихъ. Въ комнатѣ было темно; пошли за огнемъ. Мировичъ, держа Чекина лѣвою рукою за воротъ, а правою ружье со штыкомъ, говорилъ: «другой бы, каналья, давно закололъ тебя». Наконецъ, принесли огня и Мировичъ увидѣлъ на полу мертвое тѣло Іоанна.

«Ахъ, вы, безсовѣстные!» вскричалъ онъ на караульныхъ офицеровъ. «Боитесь ли Бога! за что вы пролили кровь такого невиннаго человѣка!» Офицеры отвѣчали, что человѣкъ этотъ былъ арестантъ, а «кто надъ нимъ это сдѣлалъ, тотъ поступилъ по присяжной должности». Нѣкоторые изъ ворвавшихся въ казарму солдатъ просили у Мировича дозволенія убить Чекина и Власьева, но Мировичъ остановилъ ихъ, говоря: «Теперь помощи намъ никакой нѣтъ, и они правы, а мы виноваты». Затѣмъ онъ подошелъ къ мертвому тѣлу, поцѣловалъ руку и ногу Іоанна и приказалъ вынести тѣло на кровати и поставить на гауптвахтѣ передъ фронтомъ. Команда, по приказанію Мировича, выстроилась въ четыре шеренги; онъ велѣлъ сдѣлать въ честь покойнаго на караулъ и бить полный походъ; поцѣловалъ еще разъ руку Іоанна и сказалъ: «Вотъ нашъ государь Іоаннъ Антоновичъ, и теперь мы не столько счастливы, какъ безчастны, и я болѣе всѣхъ! За то я все и перетерплю; вы не виноваты, вы не вѣдали, что я хотѣлъ сдѣлать, и я за всѣхъ васъ буду отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ снесть». Съ этими словами онъ проходилъ всѣ шеренги и цѣловалъ солдатъ. Тутъ подошелъ къ нему, оставшійся все время подъ карауломъ комендантъ Бередниковъ, сорвалъ съ него офицерскій знакъ и приказалъ арестовать. Солдаты повиновались.

Тотчасъ послѣ арестованія Мировича, Власьевъ и Чекинъ дали знать о случившемся Н. И. Панину, а тотъ донесъ императрицѣ, которая была въ Ригѣ. Тѣло Іоанна сначала было выставлено въ крѣпостной церкви въ Шлюссельбургѣ, но чрезмѣрное стеченіе публики заставило мѣстное начальство распорядиться о закрытіи гроба и погребеніи тихомолкомъ «въ особенномъ мѣстѣ».

Такимъ образомъ, мы видимъ по всему ходу дѣла, что Мировичъ ни въ какомъ случаѣ не могъ дѣйствовать заодно съ Екатериной, потому что ненавидѣлъ ее отъ всей души. Власьевъ и Чекинъ также не могли получить отъ нея приказанія убить Іоанна, такъ какъ Екатерины не было въ Петербургѣ, и она ничего не знала о предположеніяхъ Мировича. Власьевъ и Чекинъ могли распорядиться по

собственной инціативѣ, видя превосходную силу Мировича, или вслѣдствіе какой нибудь прежде данной инструкціи. (Власьевъ и Чекинъ получили за свой подвигъ по 7000 руб. награды и были отставлены отъ всякой службы).

Предварительное слѣдствіе надъ Мировичемъ и его сообщниками продолжалось болѣе мѣсяца. Мировичъ во все время велъ себя съ достоинствомъ и мужествомъ, ни разу не выказалъ раскаянія или сожалѣнія о своемъ поступкѣ, ни разу не запутался въ показаніяхъ. 19 августа, сенатъ, выслушавъ манифестъ о кончинѣ Іоанна въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ, опредѣлилъ для суда созвать собраніе (синодъ, сенатъ, персонъ трехъ первыхъ классовъ и президентовъ всѣхъ коллегій) къ 24 августа. Собраніе это постановило 1 сентября: «его, Мировича, лиша чиновъ и сковавъ держать подъ секретнымъ карауломъ и приступить къ приговору сентенціи. Приговоръ былъ подписанъ 9 сентября особой коммисіей, состоявшей изъ сенатора Олсуфьева, генерала Веймарна и президента юстицъ-коллегіи Эмме и заключался въ слѣдующемъ: «Мировичу отсѣчь голову и, оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сжечь оное вмѣстѣ съ эшафотомъ. Трехъ капраловъ и трехъ рядовыхъ, участвовавшихъ въ бунтѣ, прогнать сквозь строй чрезъ тысячу человѣкъ десять разъ (одного же, болѣе виновнаго, двѣнадцать) и сослать вѣчно въ каторжную работу». Затѣмъ опредѣлялись болѣе или менѣе строгія наказанія остальнымъ соучастникамъ заговора Мировича.

Наконецъ наступилъ и самый день казни. 15 сентября, рано утромъ на площадь Сытнаго рынка потянулись войска; за ними повалилъ народъ со всѣхъ улицъ Петербурга. Увидя огромную, собравшуюся толпу, Мировичъ обратился къ сопровождавшему его священнику и сказалъ: «посмотрите, батюшка, какими глазами смотритъ на меня народъ. Совсѣмъ бы иначе на меня смотрѣли и даже привѣтствовали при появленіи моемъ, ежели бы мнѣ удалось мое предпріятіе», затѣмъ онъ спокойно вошелъ на эшафотъ; лицо его оставалось такимъ же бѣлымъ и румянымъ какъ всегда; одѣтъ онъ былъ въ шинель голубаго цвѣта. Выслушавъ приговоръ, онъ изъявилъ удовольствіе, что на него не взвели ничего лишняго и снявъ съ шеи крестъ съ мощами, отдалъ священнику, прося молиться о душѣ его, подалъ полицмейстеру, присутствовавшему при казни, записку объ остающемся своемъ имѣніи, прося поручить камердинеру его исполнить все по ней; снявъ съ руки перстень, отдалъ палачу, убѣдительно прося его, сколько можно удачнѣе исполнить свое дѣло и не мучить его; потомъ самъ, поднявъ длинные свои бѣлокурые волосы, легъ на плаху. Палачъ былъ изъ выборныхъ, испытанъ прежде въ силѣ и ловкости... и не заставилъ страдать несчастнаго.

Изъ нашей библіографической замѣтки читатели могутъ видѣть, что книга г. Брикнера, отличающаяся, какъ и всѣ вообще труды почтеннаго автора, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ предмету и живостью изложенія, представляетъ много любопытныхъ свѣдѣній и тѣ замѣчанія, которыя мы позволили себѣ сдѣлать, нисколько не умаляютъ ея достоинствъ.

Б. Гнв.

Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи (матеріалы для исторіи русскаго горнаго промысла). Сочиненіе М. Д. Хмырова, исправлено и дополнено К. А. Скальковскимъ. СПБ., 1875.

Имя Михаила Дмитріевича Хмырова, усерднаго и добросовѣстнаго труженика, много работавшаго по разнымъ отраслямъ отчизновѣдѣнія, извѣстно всѣмъ интересующимся русскою наукою. Немного успѣлъ онъ написать цѣльнаго, законченнаго, во время своей трудовой жизни, прерванной преждевременною смертью; но за то онъ собралъ богатый, хотя и не приведенный въ порядокъ матеріалъ, относящійся къ Россіи, по всѣмъ отраслямъ знаній, и перешедшій, послѣ смерти собирателя, въ устраиваемый въ Москвѣ историческій музей. Изъ этого матеріала Хмыровъ извлекъ свѣдѣнія, касающіяся горнаго дѣла въ Россіи, которыя и послужили ему основаніемъ для составленія книги, появившейся въ свѣтъ только теперь, черезъ два слишкомъ года послѣ смерти автора. Исторія происхожденія этого сочиненія разсказана въ предисловіи. Горный ученый комитетъ, желая достойнымъ образомъ ознаменовать день столѣтняго юбилея Горнаго Института, предложилъ, въ 1869 году, на конкурсъ составленіе «Исторіи горнаго промысла въ Россіи» и, въ октябрѣ 1872 года, въ комитетъ доставлена была рукопись уже умершаго Хмырова, содержащая въ себѣ свѣдѣнія о металлахъ, монетѣ, соляхъ и металлическихъ издѣліяхъ въ древней Россіи съ IX вѣка до конца XVII-го. Комитетъ, разсмотрѣвъ рукопись, нашелъ, что это не болѣе, какъ компиляція, сводъ мнѣній и выписокъ, безъ опредѣлительныхъ выводовъ, но что, собственно, горной исторіи и нельзя представить въ послѣдовательномъ очеркѣ, такъ какъ первыя попытки горнопромышленной дѣятельности въ Россіи указываются лѣтописями не ранѣе XV вѣка. Не смотря на это, Хмыровъ, по свидѣтельству комитета, собралъ изъ печатныхъ источниковъ богатѣйшій запасъ фактовъ, поражающій своею многочисленностію и представляющій превосходный матерьялъ. Однако, комитетъ счелъ необходимымъ подвергнуть рукопись строгому критическому анализу, не посягая только на коренную переработку текста. Трудъ этотъ порученъ былъ секретарю горнаго ученаго комитета, г. Скальковскому, который, въ свою очередь, нашелъ въ сочиненіи Хмырова два существенные недостатка: «сохраненіе слога цитированныхъ сочиненій и смѣшеніе важ-

наго съ имѣющимъ чисто случайный интересъ». Поэтому «для приданія книгѣ болѣе живости», г. Скальковскій уничтожилъ въ ней «нестроту слога и многія ненужныя подробности». На сколько выиграло отъ этого сочиненіе, судить, конечно, нельзя, не зная что именно измѣнено и сокращено г. Скальковскимъ, и читатель по неволѣ относится съ недовѣріемъ къ этому почтенному труду, не имѣя возможности отличить, что въ немъ принадлежитъ почтенному и добросовѣстному труженику науки Хмырову и что именно г. Скальковскому, болѣе извѣстному преимущественно своими фельетонными статьями въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Ему несомнѣнно принадлежитъ алфавитный указатель собственныхъ именъ, раздѣленіе книги на главы и составленіе для нихъ заголовковъ. Но произвольное уничтоженіе подробностей и измѣненіе слога въ чужомъ сочиненіи мы не можемъ признать умѣстнымъ въ трудѣ чисто компилятивномъ и не думаемъ, чтобы подобная, почти корректурная работа могла служить къ улучшенію сочиненія Хмырова, которое представляетъ не болѣе какъ матеріалъ, хотя и драгоцѣнный, для исторіи нашего горнаго дѣла. Мы не видимъ также, чтобы сочиненіе, по самой сущности своей сухое, выиграло сколько нибудь въ живости изложенія, отъ передачи «своими словами» мѣстъ, приводимыхъ изъ лѣтописей. Что касается содержанія книги, то, не зная кому именно должны быть приписаны заключающіяся въ ней достоинства и недостатки, самому-ли покойному Хмырову, или «дополнившему и исправившему его» г. Сальковскому, мы, изъ уваженія къ памяти покойнаго труженика, не считаемъ возможнымъ подвергать ее разбору.

АНЕКДОТЪ ОБЪ АРАКЧЕЕВѢ *).

Апрѣля 28-го былъ у католическаго митрополита, или, лучше, намѣстника митрополитальнаго, Станевскаго, отъ котораго слышалъ слѣдующее объ Аракчеевѣ. Однажды Станевскій, въ 1821 году, позванъ былъ для причащенія одной больной католички въ аракчеевскія поселенія. Нужно замѣтить, что Станевскій былъ тогда молодымъ священникомъ, незнавшимъ Петербурга и вліятельныхъ лицъ той эпохи, то есть былъ темнымъ провинціаломъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Могилева въ Петербургъ. Больная католичка, къ которой былъ приглашенъ Станевскій, была жена полковника, человѣка суроваго и жестокаго. Прибывши въ Грузино ночью, Станевскій въ темнотѣ замѣтилъ огромный аракчеевскій дворецъ, слугъ и стражу, стоявшую у воротъ, и быстро на тройкѣ проскакалъ чрезъ эту мѣстность въ военный округъ, отстоящій отъ Грузина въ 7-ми верстахъ, гдѣ и находилась больная. Исполнивши свое дѣло, на другой день, послѣ завтрака, онъ отправился въ обратный путь въ Петербургъ. Когда тройка хотѣла проскакать чрезъ ворота Грузина, Станевскій былъ остановленъ караульнымъ, который приглашалъ его къ графу, находящемуся въ указанномъ караульнымъ домѣ. Домъ былъ настоящій дворецъ; при дверяхъ стояли въ полной формѣ караульные солдаты. Не зная, кто этотъ графъ, и не спрашивая, какое онъ имѣлъ значеніе въ политическомъ мірѣ Россіи, а заключая по обстановкѣ, что онъ только богатый баринъ этой мѣстности и, какъ видно, съ причудами, молодой священникъ быстро и смѣло прошелъ чрезъ рядъ комнатъ въ кабинетъ Аракчеева. Аракчеевъ сидѣлъ въ волтеровскомъ креслѣ и попросилъ ксендза садится. Ксендзъ, ни мало не церемонясь, сѣлъ. Сухая, черная, какъ у кузнеца, физіономія Аракчеева, его худой, замаранный простой военный сюртукъ, дали ксендзу не великое понятіе о хозяинѣ дома. Что больная? Будетъ жива и выздоровѣетъ? былъ первый вопросъ Аракчеева. «Я исполнилъ свое дѣло, а какія будутъ послѣдствія ея болѣзни, это мнѣ неизвѣстно, и объ этомъ лучше должны знать врачи, отвѣчалъ Станевскій. Она спокойна, и я радъ, что могъ приподать ей религіозное утѣшеніе». А какъ нашли вы военное поселеніе? вдругъ спрашиваетъ Аракчеевъ. «Ихъ строилъ человѣкъ безъ головы, отвѣчалъ ксендзъ». Какъ? быстро спрашиваетъ Аракчеевъ. «Да такъ, отвѣчалъ ксендзъ: при постройкѣ ихъ не подумали о самыхъ нужныхъ вещахъ, то есть обо отхожихъ мѣстахъ; на что это похоже? Нигдѣ нѣтъ мѣстъ для отправленія естественныхъ нуждъ». Аракчеевъ громко залился смѣхомъ и признался, что въ этомъ дѣйствительно сдѣлана большая ошибка. Ксендзъ не удовольствовался однимъ этимъ замѣчаніемъ, онъ простеръ свое наблюденіе далѣе и сталъ доказывать нелѣпость самой идеи учрежденія военныхъ поселеній въ Россіи по образцу римскихъ колоній, а въ заключеніе передалъ слухъ, дошедшій и до него, что и самый учредитель-то ихъ Аракчеевъ человѣкъ самый жестокій или, какъ обыкновенно гово-

*) Анекдотъ этотъ, записанный со словъ Станевскаго (къ сожалѣнію, безъ означенія года), покойнымъ ученымъ нашимъ М. Я. Морошкинымъ и сохранившійся въ его бумагахъ, обязательно сообщенъ въ редакцію его вдовой.

рятъ, тиранъ. Аракчеевъ все это слушалъ внимательно и былъ веселъ и доволенъ разговоромъ. Ксендзъ послѣ этого счелъ приличнымъ не обременять болѣе хозяина, всталъ и думалъ раскланяться съ Аракчеевымъ. Но Аракчеевъ удерживалъ его и просилъ остаться обѣдать у него. Напрасно отговаривался Станевскій, графъ былъ непреклоненъ. Настало наконецъ время обѣда; къ обѣду явились: новгородскій губернаторъ, Клейнмихель и домашній докторъ Аракчеева. Графъ сѣлъ на первомъ мѣстѣ, по правую руку его губернаторъ, по лѣвую Станевскій, за губернаторомъ Клейнмихель, за Станевскимъ докторъ. Во время обѣда графъ между прочимъ сказалъ Станевскому, что у него есть мысль устроить католическую церковь въ Новгородѣ, чтобы не имѣть нужды выписывать ксендзовъ для исправленія требъ изъ Петербурга, и распрашивалъ, чего будетъ стоить постройка этой церкви и содержаніе причта. Станевскій сказалъ ему цыфру, которая показалась весьма высокою графу. Послѣ обѣда Станевскій сталъ прощаться съ графомъ и благодарить его за радушный пріемъ. Графъ благодарилъ его за исправленіе требы и безпокойство и предложилъ большой свертокъ съ деньгами. Станевскій отказался отъ принятія и сказалъ, что не можетъ принять его, какъ платы за совершеніе таинства. Ну такъ отдайте нищимъ, говоритъ Аракчеевъ. «Это вы можете сдѣлать и сами», отвѣчалъ ему Станевскій, и на отрѣзъ отказался принять свертокъ. Графъ уступилъ и Станевскій отправился въ Петербургъ. Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, было явиться къ своему пріору, которымъ былъ тогда нѣкто Сокульскій. Онъ спрашиваетъ его: видѣлъ Аракчеева? Какого Аракчеева? говоритъ Станевскій. Никакого Аракчеева я не видалъ, а обѣдалъ у какого-то графа, живущаго не подалеку отъ того округа, гдѣ совершалъ таинство». Да это онъ самый и есть, говоритъ Сокульскій. А знаешь ли ты, что это за человѣкъ? Это первый любимецъ императора. О чемъ же онъ говорилъ съ тобой и ты съ нимъ? Станевскій тутъ понялъ, сколько глупостей надѣлалъ онъ своей болтовней; предъ нимъ теперь открылась бездна. Какъ онъ ни старался скрыть самыя рѣзкія мѣста изъ своего разговора съ Аракчеевымъ, но долженъ былъ сознаться Сокульскому въ своихъ промахахъ. Тотъ началъ бранить его, называя дуракомъ, невѣжей, который тащитъ въ яму не только себя, но и всѣхъ ихъ и даже орденъ. Совершенно пораженный вышелъ Станевскій отъ Сокульскаго. Его тотчасъ окружили товарищи и стали распрашивать о Грузинѣ. Онъ сказалъ имъ тоже, что уже было сказано имъ Сокульскому, съ прибавленіемъ угрозъ, которыми грозилъ ему пріоръ. Братія подтвердила совершенно слова пріора и совѣтовала ему напередъ приготовиться ко всѣмъ случайностямъ, даже запастись бѣльемъ въ дорогу и деньгами. Станевскій не могъ пить и ѣсть, не могъ спать и даже выдти въ церковь. На другой день пріѣхалъ курьеръ отъ Голицына съ бумагою такого содержанія: кто ѣздилъ въ Грузино и какъ его фамилія? Пріоръ написалъ имя Станевскаго на бумагѣ и тотчасъ же послалъ за нимъ, чтобы явился къ нему. Ну вотъ и бумага отъ Голицына о тебѣ! готовься къ отъѣзду, приготовь бѣлье, да имѣешь ли ты деньги? «У меня все уже приготовлено и деньги сто рублей со мною, а такъ же и бревіарій». Послѣ мы пришлемъ тебѣ на мѣсто твоей ссылки и чемоданъ съ вещами. На другой день снова курьеръ отъ Голицына, съ приказаніемъ явиться къ нему Станевскому и пріору. Ну, теперь все кончено, говоритъ Сокульскій Станевскому: приготовься ко всему, быть можетъ, ты уже не возвратишься сюда; садись въ карету. Хотя день былъ ясный, но я, говорилъ Станевскій, не видалъ никого на улицѣ и не различалъ предметовъ, даже не понималъ, по землѣ ли мы ѣхали, или по чему-либо другому. Помню только, что когда мы пріѣхали къ Голицыну, я кое-какъ могъ вылѣзть изъ кареты, но по лѣстницѣ, которая была довольно высока, я подняться не могъ, у меня совершенно подкосились ноги, и меня поднимали по ней лакеи Голицына. Голицынъ вышелъ къ нимъ въ бѣломъ халатѣ съ письмомъ отъ Аракчеева въ рукѣ и, обращаясь къ Станевскому, прямо цалуетъ его въ лобъ и благодаритъ, что онъ такъ хорошо велъ себя у Аракчеева, который благодаритъ, что молодой ксендзъ сказалъ ему правду, какой онъ не слышалъ ни отъ кого, и проситъ Голицына рекомендовать его государю, хотя онъ и самъ будетъ писать объ этомъ государю, потомъ благодаритъ самаго пріора за Станевскаго. Пораженный Станевскій не понималъ, что съ нимъ дѣлается и долго не могъ совершенно придти въ себя. Съ этого времени онъ сталъ извѣстенъ и государю.

Поправка. Въ № 4 сборника, въ статьѣ „Малорусскія народныя думы“ должна быть сдѣлана слѣдующая поправка. На стр. 250 напечатано: „даже пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“... не выдержалъ своего обѣщанія пѣть новыми словесы и нерѣдко возвращался“... Должно быть: „даже пѣвецъ... не сдержалъ своего обѣщанія пѣть хотя и не новыми словесы, но по былинамъ своего времени, и нерѣдко возвращался“...

Хромолитографія и Типографія В. И. Граціанскаго.
Невскій пр., рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46.

Издатель **В. Граціанскій.**
Редакторъ **С. Шубинскій.**

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“

выходитъ **ежемѣсячно**, книжками въ размѣрѣ отъ **восьми до десяти** печатныхъ листовъ, большаго формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, **съ нѣсколькими портретами и рисунками** въ текстѣ, такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома отъ 100 до 120 печатныхъ листовъ, съ 50—60 гравюрами на деревѣ и литографіями.

Подписная цѣна за **двѣнадцать книжекъ** въ годъ **двѣнадцать руб. сер.**, съ доставкой на домъ **двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.**, съ пересылкой **тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: **въ главной конторѣ сборника**, на Невскомъ просп. рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46, **при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго** и въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: **А. Ѳ. Базунова**, на Невскомъ просп., близъ Казанскаго моста, д. № 30 и **И. Г. Мартынова**, на углу Вознесенскаго просп. и Казанской улицы, д. № 15. **Въ Москвѣ:** при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородные благоволятъ **исключительно** обращаться со всѣми требованіями **въ главную контору.**

Гг. заграничные подписчики благоволятъ обращаться также **въ главную контору**, при чемъ вносятъ за экземпляръ съ пересылкою: въ Австрію и Германію—15 р. с., въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества—16 р. с., во Францію и Данію—17 р. с., въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію—18 р. с., въ Швейцарію—19 р. с., въ Италію—20 р. с.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается только по соглашенію съ главной конторой.

ПРОГРАММА СБОРНИКА:

Въ текстѣ. Очерки и разсказы изъ русской исторіи, древней и новой, а равно изъ исторіи русской литературы, искусствъ, художествъ и т. п.—Біографіи русскихъ дѣятелей всѣхъ временъ и на всѣхъ поприщахъ и тѣхъ изъ иностранцевъ, которые имѣли какое либо отношеніе къ Россіи.—Описаніе русскихъ городовъ, мѣстностей, замѣчательныхъ храмовъ, зданій, памятниковъ, древностей, обычаевъ, нравовъ и т. п.—Записки, воспоминанія и письма русскихъ людей и другіе историческіе матеріалы и документы. Переводы и извлеченія изъ записокъ и воспоминаній иностранцевъ о Россіи.—Библіографія вновь выходящихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи Россіи.—Историческіе анекдоты, новости, открытія, некрологи и т. п.

Въ рисункахъ. Сцены изъ русской исторіи и жизни, сообразныя съ текстомъ статей, или, вообще, съ программой, снимки съ картинъ и гравюръ (преимущественно историческаго содержанія) русскихъ художниковъ, портреты и факсимиле русскихъ и иностранныхъ, имѣвшихъ отношеніе къ Россіи, дѣятелей, виды русскихъ городовъ, мѣстностей, храмовъ, зданій, древностей, памятниковъ и т. п.

Главная контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе на слѣдующія правила:

1) Гг. иногородные подписчики благоволятъ писать свой адресъ по возможности четко, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также и того почтоваго мѣста, куда можно адресовать сборникъ, съ указаніемъ губерніи и уѣзда.

2) О перемѣнѣ адреса сообщается главной конторѣ своевременно, до сдачи книжки на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить контору сборника о перемѣнѣ адреса для высылки слѣдующихъ книжекъ, при чемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія сборника и съ какого нумера выслать сборникъ по новому адресу.

3) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные, и на оборотъ, прилагается одинъ рубль.

4) Жалоба на неполученіе какой либо книжки сборника препровождается прямо въ главную контору съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка сборника дѣйствительно не была получена конторой. Согласно распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы главной конторѣ никакъ не позже полученія слѣдующей книжки сборника, иначе контора не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчиковъ высылкою новаго экземпляра.

5) Главная контора отвѣчаетъ за своевременную высылку сборника только тѣмъ лицамъ, которые подписались въ указанныхъ выше мѣстахъ. Въ противномъ случаѣ, при неисправности, гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

6) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. подписчиковъ главная контора признаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Статьи, документы и рисунки для помѣщенія въ сборникѣ должны посылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.